

#### **Глава 4. Обычное держание в юго-западной и северо-западной Англии во второй половине XVI – первой трети XVII вв. Социально-экономические аспекты.**

Теперь, после того, как мы побывали в мире копигольда, развивавшегося на фундаменте манориального обычая, и рассмотрели его правовую специфику, настала пора обратиться к результатам конкретной работы с этим видом крестьянского держания, проведенной на основе исследования манориальных описей.

Я считала бы полезным привести здесь сначала итоги изучения копигольда в юго-западной части Англии, затем обратиться к обычному держанию поместья Рочдейл в Ланкашире и наконец – попытаться сравнить результаты исследования интересующего нас в данном случае вида крестьянского держания в обоих географических ареалах.

##### ***Часть 1. Обычное держание в поместьях Пемброков в юго-западной Англии. 60-е гг. XVI в.***

Итак, поместья графов Пемброков в Уилтшире. Шестидесятые годы XVI века.

Для этого времени в указанных поместьях удалось исследовать копигольд 12 маноров, площадь которых в совокупности достигала 25940,5 акров. Думается, что эта цифра в полной мере свидетельствует о более чем обширных земельных угодьях, пригодных как для ведения хозяйства графами Пемброками в XVI в., так и для постановки исследовательских экспериментов в дне сегодняшнем, в том числе – и с копигольдом.

Кажется, А.Н. Савин не напрасно в свое время подчеркивал то обстоятельство, что история обычного держания в Англии XVI в. почти совпадает с историей крестьянства в целом.<sup>1</sup> Действительно, копигольд в

---

<sup>1</sup> См.: Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 59.

эпоху Тюдоров оставался, как и прежде, преобладающим видом крестьянского держания и по площади, занимаемой им, и по численности его представителей. Значение отмеченной особенности тем более повышается в отношении юго-западной Англии, где, в связи с особыми обстоятельствами исторического порядка, “сервильный” элемент был выражен особенно ярко.<sup>2</sup>

Всего в 12 манорах проживало 283 копигольдера, что почти в три раза превышало число свободных держателей в них.<sup>3</sup> Площадь копигольда, равная 16336,5 акра, составляла почти две трети (63%) общей площади всех типов держаний манориального комплекса, а, значит, в 4,5 раза превосходила площадь фригольда, равную 3656,4 акр. и составлявшую, напомним, 14,1%.<sup>4</sup> Чтобы нагляднее представить себе, какова была доля держания по обычаю в манорах Пемброков XVI в., можно обратиться к таблице № 27.

Таблица 27. Держательская структура владений графов Пемброков в Уилтшире. XVI в.

Название манора	Площадь манора (акр.)	Площадь копигольда (акр.)	Площадь фригольда (акр.)	Площадь аренды (акр.)
Bulbridge	1482,75	1051,75	101,00	330

<sup>2</sup> Дело в том, что в англосаксонские времена (во времена существования гептархии) Уилтшир входил в состав Уэссекса, королевства, отличавшегося наибольшим удельным весом покоренного англосаксами кельтского населения острова. Будучи в ходе англосаксонского завоевания оттесненным в западные области острова, местное население сосредоточилось главным образом в указанном регионе, что создавало особенно благоприятные условия для сравнительно раннего установления отношений господства и подчинения. Оно рано оказалось в положении зависимого и гораздо быстрее втягивалось в отношения феодальной зависимости, чем масса пришлых англосаксов. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что на юго-западе Англии к моменту составления ДВ удельный вес рабов и полусвободных был гораздо выше, чем в центральных и восточных графствах. Это обстоятельство проливает свет на особенности аграрных распорядков в Уилтшире в XVI-XVII вв., которые, хотя и претерпели значительную эволюцию на протяжении Средневековья, тем не менее не подверглись кардинальной ломке настолько, чтобы она могла до неузнаваемости изменить характер аграрных отношений в этом графстве. См.: The Domesday Geography of South-West England // Ed. by H.C. Derby. Cambridge, 1957; Vinogradoff P. English Society in the XI century. Oxford, 1908; Гуревич А.Я. Крестьянство юго-западной Англии в нормандский период. М., 1950; Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма XI-XIII вв. М., 1962; Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998; Lennard R. Rural England. 1086 -1135. Oxford, 1959. Ср.: Douglas D.C. The Social Structure of Medieval East Anglia. Oxford, 1927.

<sup>3</sup> Напомним, что численность фригольдеров по описям XVI в. составляла цифру 101.

<sup>4</sup> 5947,5 акров (22,9% общей площади) составляла аренда.

Broad Chalk	5311,25	3919,50	805,75	586
Dinton	3641,25	2294,25	795,00	552
Fuggleston	1931,50	840,25	731,5	359,5
Stanton Bernard	2392,25	1235,25	330,00	827
West Overton	1517,00	873,5	166,50	477
Wylye	1759,25	916,05	350,70	492,5
Olvediston	932,75	729,75	-	203
Bishopston	2238,00	1183,00	-	1055
Chilmark	3436,70	2584,70	315,00	537
Burcombe	1297,75	708,25	61,00	528,5
Total:	<b>25940,5</b>	<b>16336,5</b> <b>(63%)</b>	<b>3656,4</b> <b>(14,1%)</b>	<b>5947,5</b> <b>(22,9%)</b>

Из этих данных нетрудно сделать вывод, что центр тяжести в уилтширских манорах в 60-е гг. XVI в. находился не на фригольде, который по сравнению с обычным держанием составлял здесь лишь “узкую кайму”, и даже не на аренде (о которой мы будем говорить ниже), а на земле копигольда. Между прочим, если иметь в виду лишь только держательский клин, то есть не учитывать домениальные земли, на которые приходилась почти вся крупная аренда, то окажется, что удельный вес копигольда в нем составлял уже не 63, а 81% (на фригольд держательского клина приходилось лишь 18% земельной площади, а на аренду крестьянского типа – 1%). И если мы заинтересованы в том, чтобы проследить судьбы английского крестьянства как класса в эпоху аграрной революции, то наше внимание, несомненно, должно быть сосредоточено на землевладении копигольдеров и условиях их держаний. Что же мы наблюдаем?

Прежде всего можно обратить внимание на относительно равномерное распределение копигольдеров по нашим 12 манорам (см. таблицу № 28).

Таблица 28. Распределение копигольдеров по манорам.

Название манора	Общее число держателей (чел.)	Число копиольдеров	% к общему числу держателей
Bulbridge	40	35	87,5
Broad Chalk	61	47	77,1
Dinton	45	32	71,1
Fuggleston	36	16	44,4
Stanton Bernard	21	16	76,2
West Overton	17	12	70,7
Wilton	82	32	39,1
Wylye	31	24	77,4
Olvediston	13	11	84,6

Bishopston	21	15	71,5
Chilmark	32	27	84,3
Burcombe	18	16	89,0
Total	<b>417</b>	<b>283</b>	<b>67,9</b>

Как видно из таблицы, наименьшее число держателей этого юридического статуса присутствует в манорах Олведистон и Вест Овертон. Наибольшее число копигольдеров (47) мы наблюдаем в маноре Брод Чок. Однако, тем не менее, во всех указанных случаях копигольдеры составляют более 70% общего числа держателей в каждом из маноров. Значит, эти различия в численности обычных держателей отражают лишь величину манора: естественно, что в сравнительно небольших поместьях копигольда было меньше, чем в поместьях обширных. И действительно: скажем, площадь манора Олведистон составляет чуть более 932 акров, в то время, как я уже упоминала, Брод Чок принадлежит к числу маноров-гигантов во владельческом комплексе, ведь его площадь равна 5311, 25 акр. Итак, судя по нашей таблице, отражающей численность обычных держателей, уилтширские маноры в середине XVI в. еще были полны копигольдеров. Складывается впечатление, что копигольд в этом регионе еще не слишком-то теснили другие виды земельных держаний, на него как будто бы, если судить по данным описей, не слишком-то замахивались ни лорды, ни арендаторы. *Копигольд, судя по манориальным описям, продолжал оставаться, как и прежде, вполне устойчивой, традиционной, малоподвижной формой крестьянского землевладения и землепользования.*

Однако если попытаться более тщательно проанализировать сословный состав копигольдеров и условия их держаний, то, возможно, мы сможем убедиться в некоторой иллюзорности обрисованной выше картины. Не окажется ли, что и в этом, внешне достаточно малоподвижном мире, протекала жизнь, полная противоречий и конфликтов, что социально-экономические реалии Англии XVI в. проявлялись и в этом, относительно отдаленном от центра уголке страны?

Давайте посмотрим, обратившись к сословному составу копигольдеров, угрожала ли опасность этому виду крестьянского держания со стороны уилтширского джентри? Я обнаружила, если судить по характерным припискам “gentleman”, “generosus” и др. сравнительно немного дворян на копигольде. Их всего, как указывалось выше, в соответствующем разделе, посвященном землевладению нового дворянства, шесть человек (2,2% численности копигольдеров). Примерно таков же и удельный вес оказавшейся в их руках земельной площади: 378 акров или 2,5%. Так, в маноре Балбридж мы наблюдаем “дворянское держание” на копигольде площадью в 110 акров, в маноре Брод Чок – держание в 194 акра, в маноре Динтон – в 67,5 акров. Три других держания значительно мельче. Таким образом, прямая опасность со стороны джентри уилтширскому копигольду в середине XVI в. как будто бы еще не угрожала, хотя первые ее признаки уже были очевидны.

Далее, помимо одного клирика, Генри Уиллоуби из манора Уайли (размер его участка не указан; известно лишь, что он платил ренту 16 s.), мы можем отметить и 32 копигольдера-горожанина (11, 3%), которые населяли манор-город Влтон и его окрестности. Точную площадь их держаний подсчитать, однако, не удалось из-за отсутствия в описи в большинстве случаев определенных данных (в описи указывается лишь, как было отмечено в разделе, посвященном проблеме “манора-города”, площадь Вилтона в гайдах и иногда – размеры некоторых участков внутри самого местечка городского типа; в результате мне пришлось прибегать к частичной реконструкции общей площади с учетом среднего размера уилтширской гайды в 48 акров). Однако полностью определить землевладение копигольдеров в этом “маноре-городе”, повторю, не удалось. Я, однако, подсчитала, что указанные 32 чел. платят в совокупности всего 4,5£ годовой ренты (1,9% рент всех копигольдеров), и эта незначительная рента свидетельствует о небольших размерах их участков.

Таким образом, очевидно, что ведущим процессом “расшатывания” традиционных отношений на копигольде мог быть не процесс его захвата дворянами или горожанами, а внутренняя дифференциация, происходившая внутри самих держателей на обычном праве. Посмотрим, так ли это.

Для того, чтобы заметить процесс этой внутренней дифференциации, мне, собственно, можно было и не прибегать к основательным подсчетам, хотя, конечно же, я, как мы сейчас увидим, не могла их не осуществить. Дело в том, что в манориальных описях Пемброков сплошь и рядом встречаются земельные держания, зафиксированные в разделе “копигольд”, владельцы которых, будучи специально сословно не обозначены, принадлежат к крестьянству и хозяйствуют на земельной площади, размеры которой явно выходят за пределы наших представлений о крестьянстве. Как уже неоднократно упоминалось выше, исследовательская традиция в отечественной историографии исходит из преобладающего среднего размера копигольдерского двора в 60 акров (или две виргаты) с допущением, что крестьянская верхушка могла владеть двумя подобного рода наделами, т.е. 120 акрами. Если принять во внимание это обстоятельство, то окажется, что в исследуемых 12 манорах целых 35 держателей, зафиксированных описью в качестве крестьян-копигольдеров (12,3% общей численности обычных держателей) с точки зрения их экономического статуса в манорах не могли быть отнесены к держателям крестьянского типа как лица, хозяйствовавшие на значительно большей, чем 120 акров, земельной площади (среди них встречаются держатели 230, 250 и даже 347 акров). Несомненно, это были держатели мелких маноров в манорах или, как я назвала их условно, – “держатели мелких вотчин на копигольде”. Вот он, один из феноменов раннего Нового времени: разрыв между сословным и социально-экономическим статусом держателей! И этот разрыв постоянно приходится учитывать, иначе мы рискуем удовольствоваться лишь иллюзорной, представленной описями, а не реальной картиной мира копигольда. Итак, держаниями от 120 до 150 акров в исследуемых манорах владели 22

копигольдера (7,7% общего количества), держаниями свыше 150 акров – 13 копигольдеров (4,6%). Еще раз повторю, что, таким образом, эти 35 держателей, сосредоточившие в своих руках 32,6% общей площади копигольда, не могли быть отнесены к держателям крестьянского типа.

Для того, чтобы отчетливее представить себе концентрацию “некрестьянского” копигольда в целом, обратимся к таблице № 29, в которой сосредоточены данные о нем.

Таблица 29. “Некрестьянский” копигольд в Уилтшире середины XVI в.

Категории	Численность (чел.)	% к общей численности копигольдеров	Площадь в акрах	% к площади копигольда
Дворяне на копигольде	6	2,2	378,00	2,5
Клирики на копигольде	1	0,4	не указана	-
Горожане на копигольде	32	11,3	не указана	-
Держатели от 120 до 150 акр.	22	7,7	2848,25	17,4
Держатели свыше 150 акр.	13	4,6	2479,00	15,2
<b>Итого:</b>	<b>74</b>	<b>26,2</b>	<b>5705,25</b>	<b>35,1</b>

Мы видим, что в общей сложности 74 держателя “некрестьянского” типа (26,2%) сосредоточили в своих руках 35,1% земельной площади (5705,45 акров), обозначенной в исследуемых описях как копигольд. И очевидно, что *нельзя признать устойчивым мир копигольда в середине XVI в. – этого изначально крестьянского вида поземельных отношений, если более 1/3*

*земельной площади держаний этого юридического статуса уже не находилось во владении собственно крестьян.*

Сосредоточим теперь свое внимание на слое копигольдеров, которых мы были вынуждены признать собственно крестьянами. Если из их общего числа (283 чел.) исключить 74 держателя, которые были отнесены к представителям некрестьянского копигольда, то выяснится, что крестьяне-копигольдеры составляли 209 чел. или 74% общего числа тех, кто был зафиксирован в описях в разделе “копигольд”. В их хозяйственном распоряжении находилось, однако, только 64,9% общей площади обычного держания (10631, 25 акра из 16336, 5).

Разумеется, что этот наметившийся разрыв между удельном весом численности крестьян-копигольдеров и площадью их держаний не может не привлечь внимания. Мы знаем, что, например, в восточных и центральных графствах страны это противоречие разрешалось за счет эвикций, то есть изгнания избыточного числа копигольдеров за пределы маноров. В пределах же Уилтшира до этого, наверное, дело в массовом порядке еще не дошло. Во-первых, огораживания середины XVI в. лишь незначительно задевали сложившиеся здесь аграрные распорядки (площадь огороженных земель копигольда составила, по моим подсчетам, по всему владельческому комплексу всего 3,6%). Во-вторых, очевидно, подлежавшие эвикции копигольдеры этого региона могли находить применение внутри самих маноров в качестве субдержателей или временных арендаторов на воле лорда. Вне всякого сомнения, именно так и обстояло дело, иначе как можно объяснить самую возможность владельцев участков типа мелких вотчин на копигольде сохранять в одних руках столь значительную площадь земли, на которой невозможно было хозяйствовать силами одной только крестьянской семьи, не прибегая в той или иной степени к использованию наемного труда или не сдавая эту землю в субдержания? Особенность наших описей, как и всех манориальных экстенгов эпохи Средневековья и раннего Нового времени состоит в том, что они не отражали этот слой субдержателей как



лиц, не вносивших рент в манориальный бюджет. Кроме того, как мы помним, субдержателей не могли фиксировать в курии и еще по одной причине, на которую до сих пор не были склонны указывать отечественные исследователи, подчас не уделявшие достаточного внимания фактору влияния манориального обычая на повседневную жизнь крестьянского мира. Как уже упоминалось в другой связи, согласно этому обычаю, фиксировать в курии субдержание как *держание* (то есть с перспективой последующей выплаты рент) можно было лишь по прошествии года и одного дня после того, как тот или иной участок земли был сдан в это субдержание. Вполне понятно, что субдержатели не спешили быть “зафиксированными” плательщиками рент; еще и по этой причине субдержания были весьма краткосрочными, что, впрочем, не сказывалось на интенсивности использования в манорах этого вида отношений по поводу земли. На самом деле это тоже была весьма “фантомная” форма землепользования, присутствовавшая, согласно хотя бы простой логике, в реальности, но практически не отраженная в документах манориальной истории.

Далее, для суждения о степени интенсивности процесса дифференциации копигольдеров мы, так же, как и в случае с фригольдом, должны учитывать возможность сосредоточения одним и тем же держателем участков земли в разных манорах. Для выявления этой стороны процесса нам надо было заняться сопоставлением имен держателей с тем, чтобы на основании повторяемости этих имен сделать вывод о концентрации земли копигольда различных маноров в одних руках. На сей раз в мои планы не входит подробно показывать методику работы с манориальными описями, направленную на выявление специфики этой концентрации. Как представляется, я достаточно подробно сделала это в разделе, посвященном “собираанию” фригольда в ланкаширском поместном комплексе Рочдейл и считаю, что с ее помощью удастся преодолеть недостатки обособленных описей отдельных маноров, являющих подчас не действительную, а лишь иллюзорную картину в указанной области.

Однако приведу некоторые примеры. Так, в результате сопоставления имен копигольдеров в разных манорах удалось выяснить, в частности, что копигольдер Томас Бэкон хозяйствовал на 34 акрах в маноре Балбридж и вдобавок к этому держал 15 акров копигольда в маноре Бишопстон. Иоанна Найтингейл держала по копии, зафиксированной на ее имя в курии после смерти мужа Генри (вот оно, право вдовы!), 114,5 акра в маноре Динтон и 129, 25 акра в маноре Брод Чок. Кристофер Уайтмарш держал по двум копиям 219 акров в маноре Бишопстон и 83,5 акра в маноре Вест Овертон. И так далее. Я зафиксировала девять характерных случаев приумножения крестьянами своих держаний за счет приобретения участков копигольда в соседних манорах. Более того, “копигольдеры-горожане” (весьма специфический термин, отражающий особенности времени!) в середине XVI века также могли вести хозяйство на земле, приобретенной по копии в других манорах, извлекая из своего “двойственного” сословного статуса значительный выгоды. Так, например, Рикардус Поттикари помимо небольшого сада и дома в окрестностях Влтона держал 117 акров копигольда в маноре Уайли; Роберт Своф из манора Фугглестон – 67,5 акра копигольда в маноре Динтон и, возможно, 180 акров фригольда (там же). Разумеется, данные о “собираании” земель копигольда в одних руках в Уилтшире не столь показательны, как на благородном фригольде поместья Рочдейл в 30-х гг. XVII в. Они, конечно же, основательно не могут изменить общей картины дифференциации, но все же вносят в нее определенные оттенки, во всяком случае, предупреждают об опасности недооценки фактора концентрации земель в одних руках.

Обратимся, далее к вопросу о дифференциации в среде копигольдеров собственно крестьянского типа. Их классификация была осуществлена исходя из общепринятых в отечественной литературе представлений о крупных, средних, мелких и мельчайших держателях- крестьянах в эпоху

аграрной революции.<sup>5</sup> Поскольку я уже неоднократно объясняла критерии дифференциации держателей различных юридических статусов как в своем предыдущем исследовании английского крестьянства (на которое только что сделала ссылку), так и в данной работе, то считаю, что более полезным было бы сразу перейти к рассмотрению таблицы № 30, в которой содержатся итоги исследования указанного вопроса по комплексу уилтширских маноров графов Пемброков в середине XVI в.

Таблица 30. Дифференциация копигольдеров крестьянского типа.

Категории крестьян	Число (чел.)	% к числу крестьян-копигольдеров	Площадь (акр.)	% к площади крестьянского копигольда
120-90 акр.	32	15,3	3388,45	31,9
60-89 акр.	44	21,0	3130,9	29,4
45-59 акр.	34	16,7	1872,9	17,6
30-44 акр.	28	13,4	1157,5	10,9
15-29 акр.	29	13,9	837,0	7,8
7-14 акр.	12	5,8	159,5	1,5
ниже 7 акр.	29	13,9	85,0	0,9
Итого:	<b>209</b>	100,0	<b>10631,25</b>	100,0

Мы видим, что 32 копигольдера крестьянского типа (15,3%) оказались принадлежащими к разряду крестьянской аристократии. Они сосредоточили в своих руках почти 3400 акров или более 1/3 площади крестьянского копигольда. А если к представителям этой категории держателей на обычном праве мы присовокупим еще 21% держателей наделов от 60 до 89 акров, то удельный вес разряда крупных держателей возрастет до 36,3% общей численности копигольдеров, а площадь принадлежащего им копигольда увеличится до 61,3% общей площади крестьянского держания на обычном

<sup>5</sup> См. например: Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии ... М., 1957. Винокурова М.В. Английское крестьянство... С. 114.

праве. Иными словами, более 1/3 копигольдеров крестьянского типа в уилтширских манорах Пемброков к середине XVI в. сосредоточили в своих руках около 2/3 всей площади крестьянского копигольда.

Если же мы обратимся к противоположному полюсу мира собственно крестьянского копигольда, то есть к разряду мелких и мельчайших держателей участков до 15 акров, то увидим, что, составляя по численности около 20%, представители этой категории сосредоточили в своих руках “жалкие” 2,4% земельной площади, зафиксированной в манориальной курии в качестве копигольда. Иными словами, удельный вес этой земельной площади был в 8 раз меньше удельного веса численности данного разряда копигольдеров-крестьян, в то время как соотношение этих же величин находилось в обратной пропорции у представителей верхушки крестьянской деревни.

Мы видим, что в целом удельный вес мелких и мельчайших копигольдеров в общей массе этого слоя держателей как будто еще невелик, что отражает объективное положение вещей. Действительно, в середине XVI в. размывание среднего ядра крестьянского копигольда, видимо, не зашло еще слишком далеко. В самом деле, держатели наделов от 15 до 59 акров еще составляли в указанное время в манорах Пемброков наиболее многочисленную группу: 44% общего числа копигольдеров крестьянского типа, причем в их руках было сосредоточено 36,3% общей площади крестьянского копигольда. То есть соотношение между удельным весом численности держателей и удельным весом земельной площади в этой группе оказалось более пропорциональным, чем, скажем, в разряде мелких и мельчайших держателей. Тем не менее, некоторый “дефицит” земельной площади и в этой группе крестьян-копигольдеров уже сказывался – очевидным становился протекавший пусть и медленно, но все же довольно явно, процесс “размывания” их ядра.

Обратимся, далее, к такому непростому, в чем мы уже имели возможность убедиться выше, вопросу, как сроки держаний на праве

копигольда. Особенностью манориальных описей Пемброков елизаветинского периода является то обстоятельство, что в большинстве случаев в них указывается лишь одно имя копигольдера, на которого составлялся протокол о держании и соответствовавшая ему копия. В таких случаях внутриманориальный порядок обязывал считать подобные держания “держаниями по обычаю на одну жизнь”: ведь в копии фиксировалось действительно одно имя (не два, не три, и не более), а такая копия, как указывалось выше, могла расцениваться, при условии возможного включения в протокол в дальнейшем (при реверсии ) формулы “to him and his” в качестве копии, характерной именно для “держания по обычаю”, а не для копигольдерского держания. В иных же случаях, когда помимо здравствовавшего в момент составления копии держателя, были указаны и другие члены семьи (жена и ребенок при муже, ребенок либо двое детей при отце), то в зависимости от числа этих дополнительных имен, мы относили данный копигольд к разряду держаний на две или три жизни. В итоге выяснилось следующее: если не учитывать сословную принадлежность держателей копигольда, то 58,5% всех копий в изученных манорах были составлены на момент описи на срок одной жизни, 26,2% - на срок двух жизней и 15,3% - на срок трех жизней. Эти данные противоречат, как говорят, “всему на свете”.

Во-первых, они противоречат общему впечатлению об удивительной устойчивости аграрных распорядков в уилтширских манорах; ведь преобладание кратких (на одну жизнь или 7 лет) сроков копигольда предполагает возможность не только частой смены держаний (в кругу родственников), но и возможность частой замены держателей за счет лиц, “привлеченных” отнюдь не из внутриманориального мира, а из мира пришельцев извне. Достаточно очевидно, в связи с изложенными обстоятельствами, что такая возможность перед манориальными лордами открывалась, казалось бы, вполне реально. Однако все-таки довольно незначительное для середины XVI в. количество дворян и горожан-

пришельцев на копигольде как будто бы свидетельствует о том, что массовое нашествие денежных людей города уилтширским манорам Пемброков еще не угрожало.

Во-вторых, наши данные противоречат и устоявшемуся в историографии мнению о том, что для периода аграрной революции в Англии были более характерны держания не на одну, а на три жизни. Ведь если принять во внимание еще и сословную принадлежность держателей копигольда, то есть выделить специально крестьянское держание на обычном праве, то окажется, что удельный вес держаний на одну жизнь был еще большим, чем в целом по копиольду: он составлял 61,5%, в то время как удельный вес крестьянского копигольда сроком на три жизни был несколько меньшим, чем в предшествующем случае, составляя 13%.

Чем можно объяснить это возникшее противоречие между нашими данными и традиционными подходами к проблеме сроков копигольдерских держаний в эпоху аграрной революции? Сначала мне казалось, что в данных по Уилтширу отразилась некоторая небрежность писцов, временами, возможно, забывавших перечислять имена других членов семьи, которым надлежало в реальности “воспринять”, на основе реверсии, тот или иной участок земли, зафиксированный как в протоколе о держании, так и в копии на имя здравствовавшего в момент составления документов крестьянина. Однако при анализе подобного рода сюжетов легче всего сослаться на забывчивость клерков. Не могло ее быть, этой забывчивости; во всяком случае, она не могла быть столь массовой. Во внутреннем, реальном мире манора не могло быть ничего “неважного”, незначительного. Весь этот мир, вся жизнь крестьян основывались на строгих предписаниях курии, которым надо было неукоснительно следовать: держания подсчитывались до перча, ренты и файны – до долей пенса, сроки держаний – до месяца и дня. А самое главное – подобная педантичность, которую я не устаю подчеркивать, в том числе и на страницах этой работы, была в интересах самих крестьян,

необычайно дотошных в определении условий держаний – ведь от этой точности зависела их каждодневная жизнь внутри манора.

Я думаю, что преобладание сроков держаний на одну жизнь соответствовало истинному положению вещей: видимо, такая традиция просто была характерна для данного региона. Возможно также, что в то время, когда наплыв “денежных людей” из города в уилтширские маноры был не столь уж велик, держание на одну жизнь могло быть для крестьянина-копигольдера ничуть не менее выгодным, чем держание на три жизни (коль скоро уж оба эти вида держаний не были наследственными, привилегированными, а носили “срочный” характер). “Срочный” характер держания на одну жизнь в каждодневной жизни манора мог вполне означать возможность перехода того или иного участка земли не к “чужаку” и не к местному богатею, а к своему брату-копигольдеру, в лице в том числе и близкого родственника: жены, сына или дочери. Так или иначе, перед нами факт, который подлежит дальнейшему изучению на материале этих же маноров в 30-е гг. XVII в., равно как (в перспективе) на материале маноров и графств других регионов Англии – при условии наличия соответствующих источников, пригодных для исследования этой проблематики. Мы еще вернемся к нему.

Для завершения исследования условий копигольдерского держания, несомненно, нужно также рассмотреть вопрос о рентных обязательствах крестьян. В разделе, посвященном особенностям держания по копии, мы, в частности, уже отмечали наличие в манорах Пемброков 60-х гг. XVI в. такого архаичного элемента как барщина, а также ренты натурой. Здесь же обратим внимание на соотношение сумм фэйнов за допуск к держанию с высотой ежегодных обычных рент. Тот факт, что высота фэйнов за допуск к держанию в период аграрной революции подчас в десятки раз превышала ежегодно фиксируемые обычаем денежные ренты, уже неоднократно был отмечен как в литературе, так и в ходе настоящего исследования. Остается только проиллюстрировать этот факт материалами описей (хотя в свое время

дело обстояло с точностью “до наоборот”: в своем исследовании по английскому крестьянству я очень трудно и постепенно подходила к выявлению указанного факта; тогда данные описей служили вовсе не иллюстрацией, а уникальным “созидательным материалом”; ныне же, поскольку по отношению к юго-западному региону Англии я опираюсь уже на исследование, проведенное ранее, можно считать означенный факт повышения вступных фэйнов фактом установленным).

Итак, если сумма ежегодных денежных рент копигольдеров по 12 изученным манорам Пемброков составила 236£ (52,8% всех денежных поступлений владельческого комплекса), то сумма фэйнов равнялась 2166,5£, то есть превышала вышеуказанную сумму в среднем по комплексу в 9,2 раза. В отдельных манорах превышение фэйна над денежной рентой было гораздо выше: в маноре Фугглестон их кратность была равна цифре 18,7; в манорах Вест Овертон и Уайли эта цифра была равна 15,8. *Разумеется, что с помощью фэйнов лорды маноров “вознаграждали” себя за устойчивость и неподвижность ежегодных рентных платежей. То есть они косвенным образом, за счет повышения фэйнов, поднимали сумму ренты до уровня рыночных цен. Таким образом, на практике “фиксированность” обычных рент оказывалась лишь иллюзией, за которой скрывалась их реальная мобильность, то есть процесс “коммерциализации” поземельных отношений в английской деревне. Если сопоставить эти обстоятельства со сравнительной краткосрочностью держаний по копии в наших 12 манорах, то мы получим вполне отчетливое представление о наиболее эффективном пути разорения традиционных держателей с помощью непомерно высоких фэйнов, которые выплачивались в каждом случае возобновления копии на имя другого держателя.*

## **Часть 2. Копигольд во владениях Пемброков в 30-е гг. XVII в.**



Как уже указывалось выше, описи 17 маноров графов Пемброков и Монтгомери, относящиеся к 30-м гг. XVII в., были составлены примерно через 70 лет после составления первой серии описей этих же владений, которая фиксировала их состояние в 1566-67 гг. Прошедшие между составлением описей годы были критическими для судеб традиционных производственных отношений английской деревни, они характеризовались наиболее интенсивным развитием нового способа производства; причем именно в деревне, где локализовалась рассеянная шерстяная мануфактура, это развитие, в том числе и по указанной причине, шло наиболее высокими темпами – истинно революционным путем. С учетом этих особенностей, пожалуй, было бы особенно интересно посмотреть на итоги аграрного развития крупного манориального комплекса, расположенного в юго-западном регионе страны.

Итак, что представлял собой копигольд в указанных 17 манорах в канун революции в Англии?

Начнем с того, что практически все крестьянское держание в анализируемых описях представлено почти исключительно держанием по копии. Я помню, что в свое время меня очень поразил этот факт хотя бы потому, что, как я знала, в синхронных по времени манориальных описях, изученных в свое время для других регионов Англии А.Н. Савиным и В.М. Лавровским,<sup>6</sup> картина была гораздо более пестрой, поскольку наряду с обычным держанием эти описи являли и значительный слой мелких крестьянского типа фригольдеров (да и проведенные мной исследования по 12 манорам Пемброков в 60-е гг. XVI в. также свидетельствовали о значительном “проценте” держания на общем праве). Я еще не знала тогда, что мне надо будет заниматься разрешением сложной задачи, связанной с уже известной нам “загадкой фригольда” в манорах Пемброков, то есть с его

---

<sup>6</sup> Савин А.Н. История одного восточного манора // Сб. статей в честь М.К.Любавского. 1917. С.251-277; Он же. История двух маноров // ЖМНП. 1916. №4. С.199-238; Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии в XVII – XVIII вв. М., 1958.

почти полным исчезновением за те 70 лет, которые прошли между составлением описей. Суть этих “эволюций” с обширным, общей площадью в 3656,4 акра, держанием на общем праве сводилась, как мы помним (см. раздел по фригольду), к выкупу манориальными лодами этого держания у его владельцев и превращению его, вопреки нормам не только обычного, но и общего права, в более выгодные им копигольд и аренду. Но это выяснилось не сразу, а лишь тогда, когда я стала проводить сравнительный анализ данных манориальных описей по двум хронологическим срезам: в 60-е гг. XVI в. и 30-е гг. XVII в. В момент же работы с 17 манорами владельческого комплекса Пемброков первой трети XVII столетия, итогам которой посвящен данный раздел, моим глазам предстала действительно весьма необычная картина. В огромном владельческом комплексе общей площадью в десятки тысяч акров, на которой хозяйствовали сотни держателей, насчитывалось всего 6 (!) фригольдеров, к тому же некрестьян (большинство из них держали на рыцарском праве), чьи держания были сосредоточены лишь в 4-х манорах из 17.

Типическим же крестьянским держанием, повторю, в абсолютном большинстве маноров был копигольд. Какие же черты копигольда можно выделить при детальном изучении описей 30-х гг. XVII в.?

Численность держателей по копии, согласно экстенстам маноров, была довольно значительной, составляя 376 человек или более 80% населения владельческого комплекса. В их руках находилось 23552,5 акра земли (69,1% всей описанной площади). Однако надо посмотреть, вся ли земля, имевшая, согласно букве описей, статус копигольда, находилась в распоряжении собственно держателей на обычном праве? Не наблюдалось ли и в данном случае разрыва между статусом держаний и статусом держателей? Мы ведь знаем, что к 30-м гг. XVII столетия копигольд давно уже являлся полем острой борьбы за землю между различными сословиями английского общества. Держанием копигольда не гнушались ни благородные, ни мистеры-горожане, ни клирики. Все это ставит нас перед

необходимостью выяснить, насколько велика была в наших владениях (вернее, во владениях Пемброков) прослойка некрестьян на крестьянском копигольде. Ответ на этот важный вопрос можно дать, как мы помним, руководствуясь двумя критериями, входящими в арсенал средств, необходимых для проведения исследований по аграрной истории: 1. учитывая сословную принадлежность держателя копигольда и 2. при отсутствии такого рода данных, исходя из определенной площади земли, которая может быть признана границей крестьянского держания.

Если руководствоваться первым из указанных критериев, то следует отметить, что среди 376 копигольдеров мы находим 6 дворян и 11 горожан, выявленных по приписке, свидетельствующей о том, что местом их постоянного жительства или периодического пребывания является город. Клириков на копигольде нет.

Для того, чтобы получить более наглядное представление о характере некрестьянского копигольда в манорах Пемброков, обратимся сначала к таблице 31, дающей представление о дворянском землевладении на копигольде.

Итак, как следует из таблицы, в шести манорах владельческого комплекса мы обнаружили шесть дворянских держаний на копигольде. В руках благородных держателей копигольда оказалось 737, 5 акра, то есть 3% общей площади копигольда. У нас есть данные о том, что в состав угодий “дворянского копигольда” входила не только пахота, но по преимуществу пастбищные земли и луга, площадь которых почти в полтора раза превышала площадь пашни. Держания в 78, 90, 122 акра пастбищных угодий легко наводят на мысль о скотоводческой ориентации таких хозяйств. Недаром мы находим отару в 171 овцу у “копигольдера” Джеффри Бардона и в 222 овцы в руках у джентльмена Джона Уолкера.

Таблица 31. Дворяне на копигольде

Название манора	Имя и сословное положение	Общая площадь (акр.)	% к общей площади копигольда
Fuggleston	Джервис Шарп, джентльмен	37,5	0,07
Netherhampton	Вильям Хьюз, джентльмен	57,75	4,7
Stanton Bernard	Джеффри Бардон, джентльмен	164,25	10,1
Burford	Джон Уолкер, джентльмен	243,00	18,7
Bishopston	Томас Смит, джентльмен	106,75	8,5
Burcombe	Александр Боулз, сын Джона Боулза, джентльмена	128,25	7,9
Итого:	<b>6</b>	<b>737,5</b>	<b>3</b>

Все эти факты примечательны прежде всего потому, что в них находит отражение рост коммерческой ценности скотоводства в сравнении с продукцией пашенного земледелия. Добавим к сказанному, что благородные, “раскинувшие” свои владения на просторах копигольда маноров Пемброков, платили в совокупности 8,4£ 8d. ренты, что составляло около 3% суммы рент копигольдеров.

Так или иначе, хотя на первый взгляд успехи джентльменов в концентрации в своих руках изначально крестьянского вида держания – копигольда – были в 30-х гг. XVII в. как будто невелики, нам важно отметить тенденцию, за которой, как известно, было будущее.<sup>7</sup> В границах наших маноров мы столкнулись с начальной фазой этого процесса.

<sup>7</sup> Речь идет о тенденции практического исчезновения на протяжении XVII-начала XIX вв. копигольда как копигольда крестьянского, о концентрации его в конечном итоге в руках буржуазии и нового дворянства. См., например: Лавровский В.М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX в. М., Л., 1940.

Обратимся, далее, к городским элементам на копигольде маноров Пемброков в 30-е гг. XVII в. (см. таблицу № 32).

Таблица 32. Горожане на копигольде.

Название манора	Имя	Общая площадь (акр.)	Площадь пахоты (акр.)	Площадь пастбища (акр.)	Другие виды держаний
Bulbridge	Эдуард Рэндолл	3,25	3	0,25	-
Stanton Bernard	Вильям Смит, Кристофер Смит	126,95	44	60	95 овец + 14 акров огороженного луга
Wylve	Томас Смит, Джон Смит, Джоан Смит, Ричард Смит, Роберт Байкер	80,5	31,25	46,75	10 овец + 1 акр сада
Burford	Джон Карпентер, Джордж Карпентер, Джон Тугуд	274,75	189,25	65,25	19 акров леса
Итого:	11	485,4 (2,2% площади копигольда)	267,5 (3% пахоты копигольда)	172,25 (2% пастбища копигольда)	105 овец + 19 акров леса

Мы видим, что горожане были сосредоточены на копигольде четырех маноров. В распоряжении 11 горожан оказалось в целом 485,4 акра копигольда (из них 267,5 акра пахоты), что было равно соответственно 2,2% и 3% от общей и пахотной его площади.

Что касается пастбища, то в руках “горожан-копигольдеров” к началу 30-х гг. XVII в. было сосредоточено лишь 172,25 акра этого типа угодий. Если иметь в виду структуру держаний горожан на копигольде, то только в трех случаях – речь может идти о Джоне Карпентере, Джоне Тугуде и Вильяме Смите - позволительно было бы предположить наличие коммерчески поставленных хозяйств. Это достаточно крупные держания в 156, 118,25 и 86,75 акра, о коммерческой направленности которых свидетельствует наличие 16,25 акра

и 2, 75 акра огороженного леса в первых двух случаях и 14 акров огороженного луга вдобавок к 45 акрам пастбища, на которых паслись 65 овец в хозяйстве Вильяма Смита<sup>8</sup>. В целом же нельзя не поразиться тому обстоятельству, что эта, довольно компактная группа горожан, часть из которых жила даже не в Вилтоне, а в Лондоне, проявила такой оживленный интерес к копигольду Уилтшира. И я думаю, что мы не будем далеки от истины, если предположим, что не только уилтширские пахотные угодья, но и луга с пастбищами, позволявшие заниматься овцеводством, привлекали сюда этих представителей городских элементов.

Итак, за вычетом дворян и горожан на копигольде 359 его держателей как будто бы остается признать держателями крестьянского типа. Чтобы проверить это предположение, обратимся к такому показателю как площадь крестьянских держаний. Установим, как это и принято в отечественной историографии (о чем уже много раз упоминалось выше), верхний предел площади крестьянского держания в 120 акров. Я считаю, что этим мы действительно проводим грань между хозяйством, которое основывалось главным образом на труде членов семьи держателя и лишь в незначительной степени прибегало к пользованию наемным трудом, и хозяйством, которое систематически, притом в значительных размерах, использовало труд наемных рабочих. Вместе с тем указанное двукратное превышение максимума среднего размера копигольдерского держания<sup>9</sup> оставляет достаточно места, чтобы уловить и сохранить в границах крестьянского

---

<sup>8</sup> К сожалению, в таблице 32 не представилось возможным привести данные о структуре угодий каждого из “горожан-копигольдеров”; в ней помещены суммарные данные по манорам, в то время как текст описей позволяет вносить в характеристику держаний, когда это необходимо, определенные коррективы.

<sup>9</sup> Напомню, что еще во времена ДВ участки размером в 120 акров считались той предельной площадью, которую можно было обработать упряжкой в 8 волов (карукой) силами одной семьи. Поэтому такой надел, составляющий гайду (или карукату) традиционно считают в историографии “верхним пределом” крестьянского держания. Эта площадь представляет собой четырехкратное превышение ярдленда (или виргаты) – нижней границы среднего держания крестьянского типа – и двукратное превышение верхней границы такого держания, которую составляет предел в 60 акров.

копигольда зажиточные элементы крестьянства и тем самым не исказить общую картину его имущественной дифференциации.

Поскольку маноры Пемброков были полны держателей, которые, будучи зафиксированы в манориальной курии в качестве крестьян-копигольдеров, по своей социально-экономической сущности, хозяйствуя подчас на гигантских земельных участках, явно ничего общего с крестьянством не имели, то мы, пожалуй, для большей репрезентативности, разделим их на две группы. В первую будут входить те держатели, чьи участки превышали 150 акров, а во вторую – те, размеры участков которых варьировали между 120 и 150 акрами.

Для того, чтобы иметь наглядное представление об имущественном положении входивших в первую из названных групп, обратимся к таблице № 33.

Таблица 33. Держатели участков копигольда свыше 150 акров

Число держателей	% к общему числу копигольдеров	Площадь держаний (акр.)	% к общей площади копигольда
<b>31</b>	<b>8,2</b>	<b>5663,8</b>	<b>24,0</b>

Мы видим, что описями зафиксировано 32 таких держателя, что составляло 8,2% общей численности копигольдеров. Они сосредоточили в своих руках площадь земли, процентное отношение которой (24%) к общей площади копигольда в целых три раза превшает ту пропорцию, которую составляли держатели участков копигольда свыше 150 акров в среде массы крестьян - держателей на праве манора. И действительно, земельные владения некоторых таких держателей – “крестьян” просто поражают воображение. Так, Джон Баберсток из манора Фламстон держит 302 акра, Ральф Даниел и Ричард Фитц из Чилмарка – соответственно 202,25 и 251 акр, Генри Шергоулд из манора Брод Чок – 229 акров. Этот список можно было бы продолжить, но сейчас важнее другое. Важно признать, что подобного рода держания действительно не могут быть отнесены к держаниям крестьянского типа как хозяйства, явно выходящие за рамки самого представления о крестьянстве - классе так или иначе феодально подчиненном и эксплуатируемом, равно как и о крестьянском хозяйстве, основой которого являлось трудовое начало крестьянской семьи. Все это держания, приближавшиеся к мелким манорам и функционировавшие на основе применения наемного труда (скорее всего, труда тех субдержателей, о существовании которых мы уже упоминали

выше и которые скрывались в порах маноров, не будучи зафиксированными в экстендах этих маноров как лица, не являющиеся плательщиками ренты) свидетельствовали о наличии отчетливо выраженного “эксплуататорского элемента” в среде копигольдеров юго-восточной части Уилтшира, где и были расположены владения графов Пемброков. В самом деле, в руках 31 держателя находилось 5663,8 акра! В среднем на каждого из них приходилось, таким образом, до 180 акров копигольда. Иными словами, речь идет о той прослойке копигольдеров, представители которой в известной мере, возможно, и принадлежали в прошлом к крестьянству, но, преуспев в хозяйственной деятельности, превратились, по существу, в мелких лендлордов, которые, несомненно, обладали достаточными хозяйственными ресурсами не только для того, чтобы получать коммерческую прибыль, но и извлекать феодальную ренту, подобно лордам маноров, – путем сдачи земли субдержателям. Это была как раз та сельская аристократия периода аграрной революции в Англии, которая еще не обладала дворянскими титулами, но была настолько привилегированной по своему материальному положению, что породниться с кем-нибудь из ее среды в те времена уже было подчас не зазорно и обедневшим сельским джентльменам. Наши описи, конечно, не фиксируют подобных случаев (они и не должны фиксировать такие случаи как документы, призванные в

основном “регистрировать” ренты и земли, то есть условия держания), однако в литературе они описывались неоднократно.<sup>10</sup>

Обратимся теперь к группе держателей земельных участков более 120, но менее 150 акров. Придется условно назвать ее “промежуточной” группой – промежуточной между группой копигольдеров типа мелких маноориальных лордов (хоть и без дворянских титулов) и группой копигольдеров, которые отнесены к держателям крестьянского типа. Сведения о промежуточной группе представлены в таблице № 34.

**Таблица 34. Держатели участков копигольда от 120 до 150 акров**

Число держателей	% к числу копигольдеров	Площадь держаний (акр.)	% к площади копигольда
14	3,7	1805	7,6

Итак, в промежуточной группе оказалось 14 человек, что составило 3,7% состава держателей, зафиксированных в описях в качестве

<sup>10</sup> См., например: Hoskins W.G. *The Midland Peasant The Economic and Social History of a Leicestershire Village*. L., N/Y, 1957; Hoskins W.G., Finberg H.R. *Devonshire Studies*. L., 1952. Spufford M. *Contrasting Communities: English Village in the XVI and XVII centuries*. Cambridge, 1974.



копигольдеров. Интересно отметить то обстоятельство, что держатели из состава этой группы оказались сосредоточены в тех же самых, весьма немногочисленных, манорах, что и представители группы держателей земельной площади от 120 до 150 акров. Это в основном такие маноры как Брод Чок, Динтон и Теффонт, Чилмарк и Ридж – наиболее крупные и населенные поместья владельческого комплекса, отличавшиеся несомненными коммерческими возможностями, что повышало притягательную силу копигольда этих маноров в глазах предприимчивых людей. В этих манорах наши 14 держателей сосредоточили в своих руках площадь копигольда, равную 1805 акрам – в среднем примерно по 130 акров на человека.

Теперь настала пора уточнить, насколько велик в целом был “некрестьянский элемент” на крестьянском копигольде. Для того, чтобы получить наглядное представление об этом, обратимся к таблице № 35.

Таблица 35. Некрестьянский копигольд в Уилтшире 30-х гг. XVII в.

<i><b>Категории</b></i>	Численность (чел.)	% к общей численности копигольдеров	Площадь в акрах	% к общей площади копигольда
-------------------------	-----------------------	---	-----------------------	------------------------------------

Дворяне на

копигольде	6	1,6	737,5	3,0
Горожане на копигольде	11	2,9	485,4	2,2
Держатели от 120 до 150 акр.	14	3,7	1805	7,6
Держатели свыше 150 акр.	31	8,2	5663,8	24
<b>Итого:</b>	<b>62</b>	<b>17</b>	<b>8691,7</b>	<b>36,9</b>

Мы видим, что в итоге 62 “копигольдера-некрестьянина” сосредоточили в своих руках более восьми с половиной тысяч акров земельной площади, зафиксированной описями в качестве “обычной” земли, что составило почти 37% копигольда. Итак, более трети держания по обычаю в манорах Пемброков оказалось к 30-м гг. XVII в. в руках некрестьянских (как с сословной, так и с социально-экономической точки зрения) элементов. Безусловно, что это свидетельствовало о важных процессах, происходивших в недрах крестьянского по видимости копигольда, причем, на мой взгляд, не столько об интенсивном проникновении на его площадь дворян или горожан, сколько о “размывании” его ядра за счет отчетливой внутренней дифференциации держателей, которая вела, в частности, к образованию крепкой верхушки, представители которой “содержали” свои хозяйства явно на коммерческой основе.

Что касается копигольдеров собственно крестьянского типа, то их, за вычетом упомянутых элементов, осталось 314 человек. В их руках я насчитала 14860,8 акров земельной площади, то есть лишь 63,1% общей площади копигольда. Этот факт, свидетельствующий о том, что крестьянам-копигольдерам фактически уже не принадлежала третья часть земли, зафиксированной в маноориальных описях в качестве обычного держания, заслуживает внимания. В нем, с одной стороны, отразился итог борьбы за землю в манорах юго-западной Англии между заинтересованными в ней прослойками общества, с другой – стержневая линия этой борьбы, которую в нашей литературе традиционно (основываясь прежде всего на содержании 24

главы I тома “Капитала” К. Маркса о методах первоначального накопления) связывают с огораживаниями и их последствиями для крестьянства. Однако анализ наших манориальных описей показывает, что в некоторых регионах Англии периода аграрной революции огораживания играли далеко не решающую роль, были незначительными и не имели в качестве последствий массовых эвекций и депопуляции населения, характерных, пожалуй, лишь для центральной части страны.<sup>11</sup> Так, на Юго-Западе огораживания, как уже упоминалось, были эпизодическими, носили “кусковый” характер; площадь огороженных участков в различных манорах, колебалась, согласно нашим данным, между 3 и 6 % пахоты. Неизмеримо большей угрозой для стабильности крестьянского землевладения являлся процесс постепенного вытеснения трудовых крестьянских семейств с копигольдерских держаний, внедрение на эти держания представителей тех общественных прослоек, которые не стремились крестьянствовать на этой земле, а хотели превратить ее в источник рентных доходов (сдавая субдержателям) или коммерческой прибыли (применяя труд наемных рабочих, зачастую из числа тех же субдержателей). Обычно это “внедрение” происходило в тот момент, когда сроки крестьянского держания истекали, а лорд манора, нарушая обычай, требовал при реверсии после смерти держателя (или просто в момент смены копий) столь высокий вступной файн, в десятки, а иногда, как мы увидим далее, и в сотни раз превышающий установленные обычаями размеры, что “принимающий” землю в курии был вынужден отказываться от нее. Тогда-то и появлялся толстосум, для которого никакой файн не был чрезмерным. Им мог быть дворянин или купец из ближайшего (или отдаленного) города, но чаще всего – сосед-богачей, собиравший землю в манорах и не гнушавшийся тем, чтобы лишиться средств к существованию своего же, в недавнем прошлом, брата-крестьянина. Вот эта-то угроза, связанная с фактором повышения файнов за допуск при смене копий, неизмеримо более реальная

---

<sup>11</sup> См. Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М., 1949; Thirsk J. The Agrarian History of England and Wales. Vol. 4. 1500-1640. Cambridge, 1967.

по сравнению с огораживаниями той поры, оставалась почти незамеченной не только современниками, но и последующими исследователями вопроса. И в самом деле, на первый взгляд, традиционные устои английской деревни, казалось бы, не претерпевали деформации: ведь “некрестьянский элемент” действительно, как правило, внедрялся в крестьянский копигольд в рамках манориального обычая (при смене копий, во время установленной обычаем реверсии), а не наперекор ему. Однако по сути это был *процесс скрытого, неявного обезземеливания английского крестьянства, узурпации его держательских прав так называемыми “мирными” средствами, применяемыми в рамках манориального обычая (при реверсиях), но в то же время средствами, ломавшими этот обычай (ведь, согласно ему, как мы помним, размер файла не должен был превышать двухгодичного дохода с земли)*. Эта “скрытая” и потому еще более “изошренная” экспроприация английского крестьянства, не оставалась, естественно, незамеченной самим крестьянством, той страдающей стороной, которую разоряли непомерные файлы, являвшиеся, повторю, куда более мощным фактором экспроприации (во всяком случае, на Юго-Западе Англии), чем процесс огораживаний. Начиная с середины XVI в. то и дело раздавались жалобы на “ненасытных волков”, “чужаков”, которые своим согласием выплачивать высокие файлы лишали крестьян их земельных участков, собирали в своих руках сразу по несколько дворов, между тем как бедные крестьяне не могли найти ни одного.<sup>12</sup> Однако на “массовом” уровне крестьянских петиций и жалоб этот процесс остается, к сожалению, до сих пор практически неизученным. Наши же источники как бы подводят практический итог этому процессу, и итог довольно печальный для судеб крестьянского землепользования. Несомненно, что положить предел этому процессу можно было бы лишь превращением копигольда в свободное держание на общем праве, что сделало бы процесс распоряжения наделами со стороны самого крестьянства независимым от воли лорда.

---

<sup>12</sup> Tawney R.H. Agrarian Problem in the XVI century. L., 1912. P. 371, etc.

Вернемся, однако, к анализируемым описям и посмотрим, насколько интенсивным, особенно в свете обрисованной выше тенденции, был процесс внутренней дифференциации в среде копигольдеров крестьянского типа. Согласно упомянутым выше принципам классификации крестьянства, разделим всю совокупность крестьянских держаний на несколько категорий; итоги этой работы приведены в таблице № 36.

**Таблица 36. Дифференциация копигольдеров крестьянского типа**

Категории (акр.)	Число держателей	%	Площадь (акр.)	%
90 – 120	39	12,4	4252,3	28,6
60 – 89	66	21,4	4967,2	33,4
45 – 59	50	15,6	2975,2	20,0
30 – 44	30	9,5	950,2	6,4
15 – 29	47	15,0	1436,2	9,7
7 – 14	10	3,2	97,7	0,7
ниже 7	72	22,9	182,0	1,2
<b>Итого:</b>	<b>314</b>	<b>100</b>	<b>14860,8</b>	<b>100</b>

Данные этой таблицы достаточно любопытны. Обращает на себя внимание довольно яркая, подчас двукратная, диспропорция, между численностью держателей первых трех, наиболее зажиточных, категорий крестьянства и размерами находившейся в их хозяйственном распоряжении площади. Действительно, скажем, наиболее зажиточная крестьянская верхушка, держатели участков в 90 – 120 акров, составляя в массе копигольдеров крестьянского типа 12,4%, сосредоточила в своих руках чуть ли не треть (28,6%) земельной площади. Представители категории держателей участков размерами от 60 до 89 акров, составляя немногим более 20%, хозяйствовали на площади, в процентном отношении составлявшей уже более трети крестьянского копигольда (33,4%). Площадь, сосредоточенная в руках следующей категории держателей-крестьян, также превышала их процентное отношение к общей численности копигольдеров. “Перелом” в этом смысле наступает в разряде держаний площадью менее 44 акров. Здесь диспропорция между удельным весом численности держателей и удельным

весом земельной площади, сосредоточенной в их руках, становится менее заметной, но снова возрастает по мере приближения к наименее обеспеченным землей держателям. Однако это уже диспропорция иного рода: удельный вес земельной площади в данном случае, напротив, ниже удельного веса численности держателей. Так, 72 коттера, составляя в общих «рядах» копигольдеров-крестьян 22,9%, вели свои мизерные хозяйства на площади, в совокупности выразившейся в цифре лишь в 182 акра (1,2%). В среднем один такой держатель «хозяйствовал» на участке всего в два с половиной акра!

Итак, основываясь на анализе наших описей, следует подчеркнуть видимое преобладание зажиточной верхушки крестьянского копигольда. Владельцы более двух виргат земли составляли в наших манорах более трети (33,8%) общей численности, сосредоточив в своих руках земельную площадь, больше чем в половину превышавшую площадь крестьянского копигольда и достигавшую 62%. «Типичное» крестьянство, держатели от одной до двух виргат, составляло в манорах Пемброков около четверти держателей – его представители хозяйствовали на площади земли, в процентном отношении практически соответствовавшей указанному удельному весу численности данной категории (26,4 %). Чуть более 40% составили держатели участков ниже 30 акров; в их руках находилось, однако, всего немногим более 10% земельной площади. Однако собственно крестьянской бедноты (коттеров) в рамках представителей последнего из указанных имущественных разрядов крестьянства было не так уж и много: всего 22,9%. В этом смысле наши данные отклоняются от данных, полученных на основе обработки других регионов Англии, где прослойка безземельных и малоземельных держателей в среднем колеблется от 40 до 45 %.<sup>13</sup>

---

<sup>13</sup> См.: Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии М., 1958. С.137-141. Он же. Исследование по аграрной истории Англии XVII – XVIII вв. М., 1966. С.122-165. Thirsk J. English Peasant Farming. The Agrarian History of Lincolnshire from Tudor to Recent Times. L., 1957. etc.

Чем же объяснить некоторое противоречие наших данных известным наблюдениям в этой области? Что скрывается за достаточно необычным преобладанием зажиточных слоев крестьян-копигольдеров? Чем объясняется *не очень значительный удельный вес малоземельных прослоек держателей?*

Думается, что в наших источниках речь идет по преимуществу о держателях первой руки от лорда. Видимо, перед нами в большей степени формально-юридическая, а не подлинно экономическая картина владельческого комплекса. Иными словами, именно так выглядела английская деревня сквозь призму манориальных протоколов, составителей которых, в общем, могло и не интересовать, как сданные по копиям держания использовали их владельцами. У нас, таким образом, еще раз появился повод прийти к заключению о том, что в наших описях опущена большая часть слоя субдержателей, которые не были плательщиками рент, а, следовательно, не являлись и объектами опеки со стороны манориальной администрации, и прежде всего – в смысле отсутствия необходимости их фиксации в манориальных описях. В этом заключении меня укрепляет и то обстоятельство, что столь мощный слой зажиточного крестьянства не мог обойтись той численностью малоземельных, которая зафиксирована в описях.

Обратимся теперь к вопросу о сроках копигольда в 17 манорах Пемброков в 30-гг. XVII в. Анализ данных описей по этому вопросу приводит к наблюдению о наличии здесь в указанное время наследственного копигольда – явление, с которым мы не сталкивались, работая с материалами описей, относящихся к 60-м гг. XVI в. Следы наследственного копигольда обнаруживаются в четырех из 17 маноров. В маноре Брод Чок он составлял 6,8% общей площади копигольда, в маноре Балбридж – 5,3%, в маноре Уайли – 18,5%. А в маноре Бишопстон площадь копигольда данной юридической категории составила 43,3%. В целом же наследственным копигольдом владели, согласно нашим наблюдениям, не так уж много обычных держателей, зафиксированных описями; их было всего 14 человек, что

составило 3,7% общего количества. Однако они сосредоточили в своих руках целых 1275 акров (5,4%) земли: на одного такого держателя “приходилось” в среднем, таким образом, не менее 90 акров.

Посмотрим, кто был в числе этих счастливых держателей, обладавших “вечным”, наследственным копигольдом. Среди них действительно преобладали владельцы значительных земельных наделов: в маноре Брод Чок это, например, вдовы Джоан Лоз, обладательница 119 акров земли, и Мэри Бидлкомб, которая владеет 75,5 акрами копигольда. В маноре Бишопстон Вильям Кларк хозяйствовал на площади, равной 60 акрам, а Вильям Спринг – на 85,25 акра. Николас и Джон Поттикари в маноре Уайли, которым копигольд достался по наследству от их отца Джона Поттикари, хозяйствуют на площади, равной 54 акрам. Вильям Арунделл из того же манора со своей семьей обрабатывает участок копигольда в 112 акров, перешедший к нему по наследству от отца.

Таким образом, мы видим, что наследственный характер обычного держания, выразивший в значительной степени его юридическую привилегированность, в исследуемых нами манорах был очень часто присущ держаниям, и без того достаточно обеспеченным в хозяйственном отношении, то есть держаниям, владельцы которых могли гарантировать себе экономическую самостоятельность. Это, кстати, еще раз подтверждает положение, высказанное в свое время А.Н. Савиным: манориальный обычай в отдельных приходах и манорах Англии зачастую складывался “в невыгодную для беднейших крестьян сторону”,<sup>14</sup> в значительной мере закрепляя их бесправное юридическое положение, которое, как правило, соответствовало незначительной экономической обеспеченности их держаний.

А преобладающая масса копигольдеров в наших манорах держала “срочный” копигольд, то есть копигольд сроком от одной до трех жизней.<sup>15</sup>

---

<sup>14</sup> Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903, С. 173-176.

<sup>15</sup> Напомню, что, поскольку речь шла о “жизнях” одновременно существующих членов семьи, – как правило, мужа, жены и старшего сына, и принимая во внимание относительную



Вот как выглядело распределение всех зафиксированных описями обычных держателей в зависимости от сроков копигольда:

Таблица 37. Сроки копигольда

Копигольд	Численность (чел.)	%	Площадь (акр.)	%
На 3 жизни	198	52,6	10939	46,4
На 2 жизни	113	30,0	8540	36,2
На 1 жизнь	51	13,7	2797	12,0
Наследственны й	14	3,7	1276,5	5,4
<b>Итого:</b>	<b>376</b>	<b>100</b>	<b>23552,5</b>	<b>100</b>

Нетрудно заключить, что в исследуемых манорах в 30-е гг. XVII в., в отличие от середины века XVI, преобладали держания сроком не на одну, а на 3 жизни, составлявшие по площади 46,4%, а по численности обладателей такого вида копигольда 52,6%. Удельный вес копигольда сроком на две и особенно на одну жизнь, как видно из таблицы, был значительно ниже.

Здесь мы опять сталкиваемся с довольно-таки труднообъяснимым и совсем нехарактерным для периода аграрной революции явлением: оказывается, что вопреки “общеанглийской” тенденции этого времени к сокращению манориальными лордами сроков обычных держаний, в манорах Пемброков эти сроки, напротив, несколько возрастают (оставаясь, конечно же, также небольшими – насколько небольшими могли в принципе быть срочные держания). Во всяком случае, держание на три жизни, исчисляемое сроком в 21 год, было в три раза продолжительнее держания сроком на одну жизнь (или семь лет), - а именно такого рода держания, как мы помним, были в наибольшей степени распространены в Уилтшире в середине XVI в.

Чем же все-таки можно было бы попытаться объяснить эту явно проявившуюся тенденцию к возрастанию сроков копигольда (о ее наличии,

---

быстротечность этого существования в то время, держание на 3 жизни исчислялось сроком в 21 год. Вообще же следует отметить, что критерии исчисления такого рода держаний именно указанным временным отрезком еще не до конца ясны; они недостаточно аргументированы как в специальных исследованиях (См., например: Laurence E. A Dissertation on Estates upon Lives and Years. L., 1730), так и в научной литературе (Petty W. Economic Writings. Cambridge, 1889).

несомненно, свидетельствует и появление к 30-м гг. XVII в. наследственного, наиболее привилегированного, копигольда)?

Ответить на этот вопрос без привлечения таких источников как протоколы манориальных курий (в которых как раз и могли бы быть зафиксированы причины подобного рода явлений) довольно трудно – а протоколы курий маноров Пемброков, к сожалению, нам недоступны; я даже не знаю наверное, существуют ли они.<sup>16</sup> Все, что можно было бы предположить в связи с интересующим нас сюжетом, состоит в следующем. Возможно, сроки копигольда в течение тех 70 с лишним лет, что разделяют наши описи, постепенно увеличивались именно по той причине, что в наших манорах за этот период возросло количество крупных крестьянских держаний, которыми владели представители зажиточной крестьянской аристократии, чье хозяйственное положение было обрисовано выше. И действительно, почти все они держат на сроки 3-х жизней, хотя и гораздо реже являются владельцами наследственного копигольда. Очевидно,

---

<sup>16</sup> Эрик Керридж, известный английский исследователь, в 1953 году опубликовавший описи поместных владений графов Пемброков и сам занимавшийся проблемой эволюции рент в этих манорах, к сожалению, также нигде не указывает на наличие протоколов манориальных курий. Возможно, что их действительно не существовало, и клерки ограничивались лишь эпизодическими записями о “текущей жизни” маноров – об этом свидетельствует наличие кратких интерполяций в тексте самих описей, повествующих о некоторых сюжетах из области повседневного (но не включающих информации о правилах передачи земель при реверсиях). Во время моей поездки в Англию мне удалось побывать в Вилтоне – том самом “маноре-городе”, о котором упоминается в этой работе. (К слову, сейчас этот “манор” представляет собой небольшой городок “районного масштаба” - с невысокими домами, старой площадью, церковью, сохранившейся с XVI в., а главное – с опять-таки с сохранившимся с 40-х гг. этого столетия прекрасным “манор-хаузом”, построенным еще при Пемброке-старшем, и до сих пор представляющим собой резиденцию славных Пемброков, в которой проживает ныне лорд Генри – XVII граф Пемброк и XIV граф Монтгомери – со своим семейством). Мне, к сожалению, не удалось поговорить с самим графом (а хотелось!) – он был в то время в Лондоне. Однако меня очень приветливо встретил его управляющий – стюард (если не ошибаюсь – мистер Стентон). Он был так добр, что приказал открыть для “историка из России” историческую часть дворца, где я смогла увидеть все то, о чем может только мечтать любой исследователь, которому вдруг нечаянно повезло соприкоснуться с изучаемым прошлым. Мы гуляли по прекрасному парку, осматривали те самые земли, о которых я пишу (кстати, многие улицы в городке носят названия маноров XVI в., столь близкие моему сердцу: Flamston-Street, Broad Chalk, Dinton...). Так вот, во время наших бесед с добрым управляющим мне, к сожалению, так и не удалось выяснить, а были ли когда-либо в манорах Пемброков составлены Manorial Court Rolls. Даже он не знал этого.

манориальная администрация в какой-то степени была вынуждена идти на уступки в определении сроков держаний этим “крепким хозяевам”, будучи заинтересованной в денежных поступлениях в манориальный бюджет с их участков. Конечно же, покровительственное, “разрешающее”, участие администрации не могло простираться так далеко, чтобы в период бурных изменений в хозяйственном строе позволить повсеместно “учредить” наследственный копигольд. Однако копигольд на три жизни, очевидно, был вполне приемлем, как и в большинстве регионов страны, для более или менее нормального хозяйственного функционирования маноров Пемброков.

До сих пор мы рассматривали сроки копигольдерских держаний почти безотносительно к социально-экономическому статусу держателей. Для того, чтобы проверить некоторые из наших предположений, попытаемся вычлнить из числа указанных держателей собственно крестьян-копигольдеров. Результаты этой попытки представлены в таблице № 38.

**Таблица 38. Сроки крестьянского копигольда**

Копигольд	Число держателей (чел.)	%	Площадь (акр.)	%
На 3 жизни	163	51,9	5448,0	36,7
На 2 жизни	94	29,9	6444,0	43,3
На 1 жизнь	45	14,3	1973,6	13,3
Наследственный	12	3,8	993,8	6,7
<b>Итого</b>	<b>314</b>	<b>100</b>	<b>14860,8</b>	<b>100</b>

Мы видим, что число собственно крестьян-держателей копигольда сроком на три жизни составляет 163 чел. ( 51,9% общего числа держателей крестьянского типа); они имели в своем распоряжении 36,7% площади крестьянского копигольда. Следовательно, 35 держателей, сосредоточивших в своих руках 5491 акр земельной площади (10939 – 5448 = 5491), что составляло в среднем более 156 акров на одного держателя, могут быть отнесены нами к зажиточным хозяевам, крупной крестьянской аристократии. Справедливости ради стоит отметить, что в состав этих 35 человек входили и

два джентльмена, которые в своем неудержимом стремлении к обогащению не гнушались хозяйствовать не на наследственном, а на срочном копигольде.

Количество крестьян-держателей копигольда сроком на две жизни, как мы видим, составило 94 (или около 30%) общего числа держателей крестьянского типа, сосредоточивших в своих руках 43,3% площади обычного держания.

Что касается держателей копигольда сроком на одну жизнь, то число таких крестьян оказалось не намного ниже соответствующего количества держателей, подсчет которых велся с учетом привилегированной деревенской аристократии, дворян и горожан на копигольде. Среди копигольдеров-крестьян, державших на одну жизнь, как выясняется, было всего шесть человек, привилегированных в экономическом смысле ( $51 - 45 = 6$ ) – в среднем на каждого из них приходилось по 137 акров земельной площади ( $2797 - 1973,6 = 823,4$ ;  $823,4 : 6 = 137,2$ ).

Наследственный копигольд заслуживает особого внимания. Среди держателей этого вида копигольда оказалось всего два “привилегированных” держателя, которые, однако, сосредоточили в своих руках 281,5 акра земли и тем самым способствовали сокращению площади наследственных держаний собственно крестьян-копигольдеров до 993,8 акра (6,7% общей площади крестьянского копигольда). Очевидно, что основная часть наследственных копигольдеров, как показывают наши наблюдения, представляла собой *верхушку держателей крестьянского типа*,<sup>17</sup> и лишь некоторые относились к группе, которую мы условно назвали “промежуточной”.

Таким образом, мы не будем далеки от истины, если подчеркнем, что *наследственный характер копигольда был все же присущ в большей степени истинно крестьянским по своему юридическому статусу держаниям, причем держаниям, уже в достаточной степени обеспеченным с материальной точки зрения*. Что касается держаний на сроки жизни, то

---

<sup>17</sup> Даже если нивелировать различия, существовавшие в имущественном облике крестьян этой группы, то окажется, что каждый из них держал не менее, а подчас и гораздо более 80 акров земли.

наиболее краткие сроки, на одну жизнь, позволявшие лордам наиболее динамично “расправляться” с крестьянами путем инициации эвикций при смене копий, были присущи держаниям, наименее обеспеченным с социально-экономической точки зрения (в среднем на одного такого крестьянина приходилось всего немногим более 40 акров); назначение типичных сроков держаний “на три жизни” в эпоху аграрной революции, имело, очевидно, своего рода “поощряющий” оттенок, так как “присваивалось” администрацией наиболее зажиточным элементам в маноре. *Срочный характер держаний в указанное время уже четко дифференцировался. Думается, что истинным бичом английских земледельцев могли быть (а в манорах Юга-Запада страны – и были) уже держания не на три жизни, как принято считать традиционно, а на одну жизнь.*

Перейдем, далее, к анализу в наших манорах такого вопроса как рентные отношения. Вполне понятно, что проблема ренты копигольдеров, тем более в период аграрного переворота, представляет собой сюжет первостепенной важности. Именно уровень рента являлся выражением соотношения владельческих прав на землю между лордом и держателем: если он был относительно низким и к тому же длительное время стабильным, то это служило свидетельством укрепления держательских прав на землю. Относительно высокий уровень рента свидетельствовал, как известно, о крайнем бесправии держателей в их отношениях с манориальными лордами.

Начнем анализ этой интересной проблемы с исследования такого малоизученного в литературе вопроса как уровень держательских рента за единицу площади обычного держания. В свое время Р.Г. Тоуни и Э. Керридж, частично исследовавшие манориальные описи Пемброков, обошли молчанием эти любопытные сюжеты.<sup>18</sup>

---

<sup>18</sup> Tawney R.H. Agrarian Problem in the XVI century. L., 1912. Kerridge E. The Movement of Rent. 1540-1640 // EcHR. 2-nd ser. vol.6. 1953.

Начнем с сравнения итогов описей по интересующему нас вопросу с таблицы № 39, в которой представлены данные о средних размерах ренты за акр и виргату копигольда в каждом из маноров владельческого комплекса.

Таблица 39. Средняя рента за единицу площади копигольда

Название манора	Средняя рента за акр копигольда (d.)	Средняя рента за виргату копигольда (s.)
Bulbridge	5,00	12,50
Broad Chalke	2,40	6,00
Dinton and Teffont	2,46	6,20
Fovant	4,80	8,70
Fuggleston	2,70	6,70
Nehterhampton	4,90	12,40
Stanton Bernard	2,80	7,00
Stock Farting	3,60	9,00
West Oveton	2,25	5,60
Wilton	-	-
Wylve	3,60	9,00
Olvediston	2,90	7,25
Burford	3,60	9,00
Bishopston	3,08	7,70
Chilmark and Ridge	2,80	7,00
Flamston	3,70	9,50
Burcombe	2,30	5,70
<b>17</b>	<b>3,30</b>	<b>8,30</b>

Мы видим, что данные маноры характеризуются относительно высоким средним уровнем ренты за акр, а, следовательно, и виргату копигольда. Рента в 3,3 пенса за акр обычного держания (8,3 шиллинга за виргату) свидетельствовала о не очень-то благополучном положении копигольдеров в целом, даже если иметь в виду исключительно этот критерий их материальной обеспеченности и не принимать во внимание высоты файнов за допуск к держанию.<sup>19</sup>

<sup>19</sup> Вспомним, что вилланы эпохи Черной смерти считали приемлемым уровень ренты в 2 d. за акр и в качестве одного из основных требований во время восстания Уота Тайлера выдвигали требование понижения рент именно до этого уровня. См.: Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. М., 1937. Уровень ренты в 3,3 d. в 30-е гг. XVII в. представляется вроде бы хотя и не «катастрофическим», но и не слишком благополучным для крестьянства, особенно если представить себе, например, что держатель вполне типичного участка в 60 акров был вынужден ежегодно выплачивать лорду по 16,5 s. А ведь речь идет о среднем уровне ренты; в реальности в большинстве случаев она была гораздо выше.

В целом, конечно, нельзя не отметить достаточную пестроту рент за единицу площади в отдельных манорах. Так, достаточно сравнить ренту за виргату в манорах Балбридж (12,5 s/акр.) или Недерхамптон (12,4 s/акр.) с тем же “показателем” в манорах Вест Овертон (5,6s/акр.), Буркомб (5,7s/акр.) или других, чтобы понять, что в ряде маноров рента за единицу площади как минимум в два раза превышала соответствующий уровень ренты в большей части из них. Чем могли определяться такого рода колебания уровня ренты в различных манорах, принадлежавших одному и тому же лорду? Думаю, что учета лишь различия сложившихся в них обычаев, которыми эти ренты регулировались, явно недостаточно для объяснения этого феномена, поскольку все равно возникает вопрос: почему в одних случаях обычай оказывался более “эффективным” для крестьянства, чем в других?

В сущности, здесь возможно лишь одно объяснение. По всей видимости, нужно иметь в виду экономические потенции одной и той же единицы земельной площади в разных манорах. Скажем, в манорах, обладавших собственным маленьким рынком или расположенных недалеко от рыночных центров, эти потенции могли быть более высокими, чем в манорах, расположенных на периферии. Чтобы более или менее рассмотреть вопрос о дифференциации маноров согласно критерию их экономических возможностей, нам придется обратиться к таблице № 40, в которой приводится сопоставление средней высоты ежегодных обычных рент с виргаты копигольда, выраженной в шиллингах, и средней годовой стоимости той же единицы земельной площади, выраженной в фунтах.

Различие в высоте денежных единиц стоимости виргаты и ренты, взимаемой с нее, уже наводят на мысль о явной диспропорциональности между ними (рентой и стоимостью). Лишь в трех случаях, в частности, в манорах Буркомб, Вест Овертон, Чилмарк и Ридж низкий уровень копигольдерских рент соответствовал относительно низкому уровню ежегодной стоимости копигольдерского держания, да и то кратность между этими величинами, как следует из таблицы, колебалась между цифрами 14 и

17. В других же манорах разрыв между интересующими нас величинами был еще более значительным, достигая в маноре Брод Чок цифры 102!

Таблица 40. Рента и стоимость виргаты копигольда

Название манора	Средняя рента за виргату копигольда (s.)	Средняя стоимость виргаты копигольда (£)
Bulbridge	12,50	Дефект в описи
Broad Chalke	6,00	30,7
Dinton and Teffont	6,20	18,8
Fovant	8,70	5,2
Fuggleston	6,70	7,5
Netherhampton	12,40	4,1
Stanton Bernard	7,00	7,8
Stock Farming	9,00	5,3
West Overton	5,60	4,8
Wilton	-	-
Wylve	9,00	5,7
Olvediston	7,25	4,0
Barford	9,00	5,6
Bishopston	7,70	Дефект в описи
Chilmark and Ridge	7,00	5,0
Flamston	9,50	6,0
Burcombe	5,70	4,5
<b>17</b>	<b>8,30</b>	<b>8,20</b>

В целом же по комплексу маноров, как можно убедиться после проведения простейших подсчетов на основании цифровых данных нашей таблицы, средняя стоимость виргаты копигольда превышала среднюю ренту с той же единицы площади без малого в 20 раз.<sup>20</sup>

Как объяснить подобного рода пестроту? Почему при всей основательности рентных поступлений с копигольда в манориальный бюджет уровень рент был все же значительно ниже стоимости держаний на обычном праве?



Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, обратим внимание на практическое значение термина “worth”, которым манориальные клерки обозначали реальный годовой доход, поступающий с крестьянского держания.<sup>21</sup> Уровень “стоимости-дохода”, зафиксированный в наших описях для каждого крестьянского хозяйства, и не мог быть ниже ренты (в противном случае хозяйство было бы нерентабельным, а манориальные лорды, при всем своем “посягательстве” на крестьянские права все же стремились обеспечить хотя бы простое его воспроизводство). Значение приписки “worth” в практической жизни манориального мира, по всей видимости, состояло в том, что, исходя из ее величины, манориальные лорды могли назначать ренты, а, главным образом, фэйны при смене копий (по сути, термином “worth” обозначался так называемый необходимый продукт самого крестьянского хозяйства). Вступные фэйны, в свою очередь, как удалось установить, превышали “стоимость-доход” (в среднем по комплексу) в 7-8 раз. Это делалось с тем, чтобы, как мы уже знаем, компенсировать убытки лорда, связанные с неподвижностью годовой ренты (она была фиксирована обычаем и оставалась из года в год неизменной в течение всего срока обычного держания), однако все же с таким расчетом, чтобы соблюдать элементарные условия относительно “нормального” экономического функционирования крестьянского хозяйства, которое являлось основой жизнедеятельности всего владельческого комплекса.

---

<sup>20</sup> Однако это – с учетом очень высокого уровня стоимости в манорах-гигантах Брод Чок и Динтон; в большинстве же случаев годовая стоимость колебалась от 4 до 7,8 £.

<sup>21</sup> Этот термин преимущественно переводится в отечественных исследованиях по аграрной истории Англии именно как “стоимость”, а не как “доход”. (См., например: Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии. М., 1957. Семенов В.Ф. Положение обычных держателей Юго-Западной Англии // Средние века. Вып. 25. 1964). Мне представляется правомерным использовать “двойной” термин: “стоимость-доход”. В случае же, когда лорд приказывал манориальным клеркам подсчитать доход, который можно было бы получить с крестьянского держания, если бы его сдавали не на традиционных условиях, а на условиях, учитывавших рыночную конъюнктуру, применялся другой термин: “improved rent” – улучшенная рента или, как назвал ее А.Н. Савин, “рента-мечта”.

Попытаемся теперь ответить на вопрос, чем были вызваны наблюдаемые нами выше колебания (от манора к манору) ежегодной обычной ренты.

Рента копигольдеров могла быть повышена в тех случаях, когда речь шла о сравнительно новом копигольде, то есть о сдаче лордом держания в копигольд не в XIV-XV вв., когда конъюнктура рент складывалась в пользу держателей, а не лордов,<sup>22</sup> а в веке XVI, когда эта конъюнктура в период значительных социально-экономических изменений свидетельствовала о явном приоритете лендлорда.

Поскольку у нас нет прямых и полных, зафиксированных манориальными клерками, данных о времени образования копигольда в изучаемых манорах,<sup>23</sup> нам остается *предположить*, что в указанных колебаниях уровней ренты по манорам и частичной диспропорции между их высотой и высотой стоимости виргаты копигольда отразился факт одновременности образования последнего в каждом из них. Чем позднее в том или ином маноре возникала традиция копигольда, тем выше должен был быть относительный уровень ренты с единицы держания.

Однако в данном положении еще не заключается вся истина. Ключ к выявленной нами пестроте рент держателей по обычаю можно обнаружить также и в характере социально-имущественной дифференциации держателей. Ведь давно известно, что крупные держатели, как правило, платили за единицу площади относительно меньшую ренту, чем держатели мелких наделов. Чтобы проверить это допущение в нашем случае, обратимся к

---

<sup>22</sup>Hilton R.H. The Economic Development of Some Leicestershire Estates in the XIV and XV centuries. Oxford, 1947.

<sup>23</sup> Однако следует особо отметить случаи образования копигольда на домене манора Балбридж (такие “новообразования”, происходившие с нарушением основных максим земельного права, запрещавшего создавать копигольд на домениальной земле или земле фригольда, А.Н.Савин называл “ньюгольдом”). Не забудем в этой связи также и об отмеченном нами факте превращения в манорах Пемброков, очевидно, в конце XVI – начале XVII вв. обширного, более 3,5 тысяч акров, свободного держания в копигольд и аренду. Наши собственные данные, таким образом, уже свидетельствуют о факте недавнего по отношению ко времени составления анализируемых описей, образования части обычного держания.

таблице № 41, в которой представлена вычисленная по отдельным имущественным категориям рента копигольдеров крестьянского типа за акр земли.

Таблица 41. Средний уровень ренты за акр копигольда по имущественным разрядам.

Категории (в акр.)	Рента за акр (пенсы)
Свыше 150	2,50
120 – 149	2,48
90 – 119	2,60
60 – 89	3,30
45 – 59	3,20
30 – 44	3,60
15 – 29	3,58
7 – 14	4,50
Ниже 7	20,80

Данные этой таблицы свидетельствуют о том, что акр в руках зажиточных копигольдеров и держателей – “крестьян” типа мелких вотчинников облагался рентой, значительно более низкой в сравнении с рентой за тот же акр в руках мелких и мельчайших держателей. И действительно, достаточно сопоставить 2,5 пенса за акр копигольда для разряда держателей свыше 150 акров с 20,8 пенса за акр для разряда держателей менее 7 акров, чтобы наше предположение полностью подтвердилось. О зависимости высоты рента как от времени образования копигольда, так и от уровня его социально-экономической дифференциации свидетельствует, например, тот простой факт, что, как мы уже упоминали, копигольд манора Балбридж, характеризующийся, пожалуй, самым высоким уровнем средних рента, представлял собой, по сути, ньюгольд, и к тому же его держатели были преимущественно представлены в этом маноре крестьянами, мало обеспеченными в отношении наделения их земельной площадью.

Для того, чтобы анализ рента копигольдеров в наших манорах выглядел завершенным, обратимся к вопросу о файнах за допуск к держанию в том их виде, как они были зафиксированы в манориальных описях 30-х гг. XVII в. Мы уже не раз упоминали о том, что файн был своеобразным орудием в

руках лорда, которое использовалось для того, чтобы иметь возможность “одномоментно” восполнить весь тот ущерб, который наносила манориальному бюджету малая подвижность ежегодных рент, фиксированных обычаем.

О том, что это действительно так, свидетельствует таблица № 42, в которой представлено соотношение общей суммы ежегодных рент и общей суммы фанов по манорам держательского комплекса.

Таблица 42. Соотношение обычных рент и вступных фанов копигольдеров.

Название манора	Сумма рент (£)	Сумма фанов (£)	Кратность
Bulbridge	2	Нет данных	-
Broad Chalk	50,4	2853	56,7
Dinton and Teffont	25,8	2708,6	104,9
Fovant	21,6	584,3	27,0
Fuggleston	14,5	604,6	41,6
Netherhampton	26,2	595,0	22,9
Stanton Bernard	21,2	943,0	44,5
Stock Farting	11,5	520,6	45,2
West Overton	7,4	440,0	58,6
Wilton	Нет данных	Нет данных	-
Wylve	18,3	697,1	38,7
Olvediston	8,3	259,3	31,2
Barford	19,6	502,3	25,6
Bishopston	16,0	3,1	5,3 (фан<ренты)
Chilmark and Ridge	33,9	1076,9	31,7
Flamston	5,1	131,0	26,2
Burcombe	15,5	647,5	43,1
<b>17</b>	<b>296,5</b>	<b>12566,3</b>	<b>42,4</b>

Как явствует из данных этой таблицы, превышение сумм фанов над годичной рентой достигает зачастую многих десятков раз. По всему комплексу маноров это превышение составило цифру 42,4 – величина, прямо сказать, впечатляющая. Но в отдельных манорах это превышение было еще большим. Так, в маноре Стантон Бернارد указанная величина составила цифру 44,5, в Сток Фартинге – 45,2, а в маноре Динтон и Теффонт – 104,9!

Кстати, и в этом случае мы также сталкиваемся с вопросом: в чем причина подобной пестроты между соотношением рент и фанов в различных манорах? В остающихся нам неизвестными экономических потенциях того или иного манора, а следовательно, и копигольда в нем; в специфическом соотношении крупных и мелких держаний на копигольде либо в одновременности его образования?

По крайней мере одно из этих предположений (зависимость несоответствия рент и файнов от степени социально-экономической дифференциации) мы можем рассмотреть чуть подробнее. В таблице № 43 приведены данные о соотношении указанных величин в среднем в различных социально-экономических категориях крестьянства по всему манориальному комплексу.

Таблица 43. Соотношение рент и файнов для различных категорий крестьянства.

Категории (акр.)	Средний файн (£)	Средняя рента (£)	Кратность
90 – 119	58,5	1,5	39,0
60 – 89	42,1	0,9	46,7
45 – 59	32,5	0,7	46,4
30 – 44	17,5	0,5	35,0
15 – 29	17,5	0,4	43,7
7 – 14	17,1	0,2	85,5
ниже 7	3,5	0,2	17,5

Эти данные свидетельствуют о том, что среди зажиточного крестьянства (держателей более полутора виргат земли) превышение суммы файнов над рентой в среднем равнялось цифре 44. В среде обладателей от виргаты до полутора эта цифра была несколько ниже и составляла 39,5. Наибольший разрыв в указанных величинах наблюдался в среде бедного и беднейшего крестьянства. В среднем в этих категорий держателей земельных участков не свыше 15 акров файн превышал ренту в 51,5 раза. Следовательно, и в этом случае мы сталкиваемся с обратной пропорциональной зависимостью высоты рент и файнов от размеров площади держаний: чем меньше была площадь копигольда, тем относительно больше был разрыв между высотой выплачиваемых рент и файнов.

Завершая анализ рентных отношений, упомянем еще раз о сохранении даже в XVI-XVII столетиях их “рудиментарных” форм.

Согласно подсчетам, произведенным на основе наших описей, в XVI в. отработочная рента была характерна для 14,8% общего числа копигольдеров, натуральная – для 15,9%.

Что касается 30-х гг. XVII столетия, то в и в указанное время в манорах Пемброков вопреки явной “общеанглийской” тенденции перестройки рентных отношений на рыночный лад, сохранилось немало традиционных черт. По-прежнему продолжала существовать рента зерном (пшеница, ячмень, овес), птицей (голуби, каплуны), сеном, соломой, дровами. К сожалению, эти данные не могут быть в полной мере статистически обработаны с точки зрения общего объема этого вида рента по отдельным манорам, однако примечательно само их наличие в канун буржуазной революции. Всего из 376 держателей, отмеченных описями в качестве копигольдеров, натуральными рентами были обязаны 41 чел. (11%). Однако в отдельных манорах удельный вес этих рента достигал 24 % (Буркомб), 30% (Фугглестон) и даже 86% (Недерхамптон).

Подведем, наконец, некоторые итоги. Думаю, что сделанную в данном случае работу можно рассматривать в качестве некоего эксперимента, поставленного с целью выяснить, как протекал процесс разрушения мелкого крестьянского хозяйства в регионе, который традиционно считался классическим с точки зрения устойчивости аграрных отношений.

Как показало проведенное исследование по копигольду, этому наиболее массовому виду крестьянского держания, в предреволюционный период его “облик” претерпевал значительные изменения, для которых в условиях классического Средневековья, возможно, потребовалось бы гораздо больше времени, чем те неполные три четверти века, которые разделяли наши земельные кадастры в XVI-XVII вв. Эти изменения заключались в некотором возрастании некрестьянских сословных элементов на земле копигольда – исконно крестьянского вида землепользования, а также в усилении расслоения крестьянской деревни, “размывании” среднего слоя надельного крестьянства, что нашло свое выражение, с одной стороны, в увеличении удельного веса землевладения наиболее обеспеченных его слоев, с другой – в наличии чрезвычайно низкого удельного веса землевладения

беднейшего крестьянства при общем возрастании его численности. Не последнюю роль в развитии аграрных отношений на Юго-Западе Англии играли и “операции” с фригольдом, выразившиеся в почти полном намеренном уничтожении манориальными лордами свободного держания и превращении его в более выгодные в экономическом смысле копигольд и аренду, где ренты не носили символического характера, а были фиксированы обычаем или регулировались рыночной конъюнктурой.

Добавим к сказанному, что особенность генезиса капитализма в указанном регионе состояла еще и в том, что основная угроза для крестьянства в процессе его обезземеливания заключалась не в движении огораживаний, как было принято считать традиционно на основе анализа положения дел в Центральной Англии с ее массовыми эвикциями и депопуляцией населения, а в непомерном повышении манориальными лордами файнов за допуск к держанию в момент смены копий, что компенсировало лордам нежелательную для них стабильность обычных рент. Если раньше размеры файнов фиксировались и охранялись манориальной юрисдикцией, то в период аграрной революции практика непомерного их повышения являлась, в сущности, наиболее ярким показателем приоритета воли лорда над обычаем манора, доказательством постепенного ослабления этого обычая в деле защиты прав английского крестьянства.

Итак, основной путь развития капиталистических отношений в уилтширской деревне предреволюционного периода пролегал под покровом наиболее традиционной формы держания – копигольда, территория которого не сокращалась за счет огораживаний и эвикций, а даже несколько расширялась за счет фигольда и подвергалась достаточно кардинальной ломке за счет проникновения дворянских элементов, формирования мощного слоя зажиточного крестьянства, приближавшегося по своему имущественному положению к мелким джентри, и сокращения землевладения среднего и особенно мелкого крестьянства, разоряемого непомерными файнами. Для массы копигольдеров, не защищенных, в

отличие от свободных держателей, общим правом Англии, этот путь, безусловно, означал крестьянское парцеллярное бесправие, процесс постепенной фактической узурпации их прав, причем задолго до революции.

### ***Часть 3. Обычное держание в северо-западной Англии: копигольд поместья Рочдейл. Первая треть XVII в.***

#### *1. Общая характеристика*

А теперь настала пора обратиться к итогам исследования и специфике обычного держания в 20 манорах комплекса Рочдейл, расположенного, как мы помним, в графстве Ланкашир на Северо-Западе Англии.

Прежде всего нам надо выяснить, каков был удельный вес копигольдеров в общей массе держателей комплекса Рочдейл первой трети XVII в. Чтобы получить ответ на этот вопрос, обратимся к таблице № 44, в которой содержатся сведения о держательском составе маноров.

Как видно из таблицы, в 20 манорах Рочдейла насчитывалось 234 обычных держателя, что составляло немногим более 40% этого состава (58% приходилось на фригольдеров и лишь 0,5% - на более чем немногочисленных арендаторов). Таким образом, достаточно весьма беглого взгляда, чтобы понять, что интересующий нас в данном случае регион отличался некоторыми особенностями в отношении распространения обычного держания. Копигольд здесь, даже в отличие от Юго-Запада Англии (не говоря уж о центральных районах страны), не являлся наиболее широко распространенной формой землевладения и землепользования – в этом смысле первенство принадлежало свободному держанию. Таким образом, по типу аграрного развития наши маноры в Ланкашире были ближе, скорее, к специфике развития восточной Англии с ее достаточно высоким удельным весом фригольда.



Таблица 44. Общая численность держателей

Название манора	Общее число держателей по описи <sup>24</sup> (чел.)	Фригольдеры (чел.)	Копигольдеры (чел.)	Арендаторы (чел.)
Castleton	17	8	8	1
Marland	1	1	-	-
Newbold	10	10	-	-
Beursill	29	29	-	-
Butterworth	82	82	-	-
Clegg	13	13	-	-
Hollingworth	13 <sup>25</sup>	13	-	1
Wardleworth	36	25	11	-
Wuerdale	13	13	-	-
Wardle	40	16	24	-
Blatchingworth	40	19	21	-
Walsden	30	19	11	-
Todmorden	16	11	5	-
Faling	12	12	-	-
Chadwick	24	9	15	-
Spotland	64	19	44	1
Wolstenholm	32	12	19	1
Healy	20	9	11	-
Whiteworth	55	6	49	-
Rossendale	17	1	16	-
<b>Total</b>	<b>564</b>	<b>327 (58%)</b>	<b>234 (41,5%)</b>	<b>3<sup>26</sup> (0,5%)</b>

Как видно из таблицы, держатели распределялись по манорам весьма неравномерно. Начнем с того, что в восьми манорах из двадцати копигольдеров не было совсем: Марланд, Ньюболд, Берсилл, Вердалл, Клегг и некоторые другие в интересующее нас время были вовсе незнакомы с таким видом земельного держания как держание по обычаю, практически во всех случаях представляя собой сплошной фригольд. Мы не можем сказать определенно, существовало ли в указанных манорах когда-либо в прошлом держание по обычаю: источники не предоставляют нам возможности “уловить” его эволюцию, даже если оно и существовало (а дополнительных описей поместья Рочдейл, относящихся к более ранним стадиям его

<sup>24</sup> Приписка “по описи” здесь необходима, т.к. нередко держания “дублируются”, и фактически число держателей меньше той цифры, которая указана в описи.

<sup>25</sup> Число держателей в этом маноре именно 13, а не 14, как можно было бы подумать, учитывая цифру “1” в графе “аренда”. Дело в том, что один из держателей-фригольдеров по имени Джеймс Скотт одновременно зарегистрирован в курии и как арендатор.

<sup>26</sup> На самом деле перед нами – 4 случая аренды (см. предыдущую сноску).

развития, в нашем распоряжении не имеется<sup>27</sup>). Можно было бы предположить, что копигольда в указанных манорах не было никогда, и в первую очередь в связи с тем, что, как указывалось выше, комплекс Рочдейл в свое время принадлежал к “старинному домену короля” с характерной для такого рода владений большой распространенностью свободного держания. Но тогда возникает вопрос: а почему, согласно описям, копигольд наличествует в остальных 12 манорах, то есть более чем на ½ площади Рочдейла?

Так или иначе, но в период составления описей, по всей видимости, существовали какие-то причины, объясняющие отсутствие держания по обычаю в ряде маноров, - причины, на существо которых наши описи пока не делают намека<sup>28</sup>.

В тех манорах, которые характеризовались *наличием* копигольда, эта форма землепользования, тем не менее, была распространена с разной степенью равномерности. Так, в деревнях Годморден и Каслтон количество обычных держателей не превышало цифру 10; в манорах Хили, Валсден и Вардлверф их численность была абсолютно идентичной, по 11 человек на поместье; еще в трех манорах этот “показатель” не выходил за пределы двадцати держателей (в каждом); в Блетчингверф и Вардл хозяйствовали соответственно 21 и 24 копигольдера и, наконец, в манорах Спотлэнд и Уайтверф - 44 и 49 человек.

Таким образом, даже весьма беглый взгляд на распределение копигольдеров по отдельным манорам дает представление о том, что в

---

<sup>27</sup> К сожалению, мне не удалось выяснить, составлялись ли вообще описи этих владений до 30-х годов XVII столетия.

<sup>28</sup> Впрочем, “слабое” распространение здесь обычного держания (по сравнению со свободным), очевидно, можно будет попытаться связать в дальнейшем, в ходе исследования, с особо привилегированным положением в манорах Рочдейла зажиточной фригольдерской аристократии, состоявшей из немногих благородных собственников земли, которым – через посредство манориальной администрации – до такой степени покровительствовали владельцы поместного комплекса, что само широкое распространение “благородного” фригольда, сосредоточенного в основном в руках этих немногих, могло расцениваться в качестве свидетельства этого покровительственного отношения. Мы постараемся в дальнейшем проверить наше предположение.

интересующим нас регионе этот вид держания играл, очевидно, подчиненную роль по отношению к свободному держанию. Еще более очевидной эта истина станет в том случае, если мы обратим внимание на таблицу № 45, в которой количество копигольдеров выражено не только в абсолютных величинах, но и в процентном отношении к общей численности держателей в каждом из маноров.

Таблица 45. Распределение копигольдеров по манорам

Название манора	Общее количество держателей (чел.)	Количество копигольдеров (чел.)	% к общему количеству держателей
Castleton	17	8	47,0
Marland	1	-	-
Newbold	10	-	-
Beursill	29	-	-
Butterworth	82	-	-
Clegg	13	-	-
Hollingworth	13	-	-
Wardleworth	36	11	30,6
Werdale	13	-	-
Wardle	40	24	60,0
Blatchingworth	40	21	52,5
Walsden	30	11	36,7
Todmorden	16	5	31,2
Faling	12	-	-
Chadwick	24	15	62,5
Spotland	64	44	68,8
Wolstenholm	32	19	59,4
Healy	20	11	55,0
Whiteworth	55	49	89,1
Rosendale	17	16	94,1
Total	<b>564</b>	<b>234</b>	<b>41,5</b>

Как видно из таблицы, лишь в двух случаях (маноры Россендейл и Уайтверф) удельный вес копигольдеров является достаточно высоким, составляя около 90% общей численности держателей. В большинстве же случаев этот “показатель” колеблется в пределах от 52 до 68%, а подчас снижается и до 30 % с небольшим (маноры Тодморден, Валсден, Вардлверф). Итак, в целом относительно невысокий удельный вес численности копигольдеров в наших манорах на Северо-Западе Англии – установленный в ходе исследования факт.

Посмотрим теперь, какова же была площадь обычного держания в указанных манорах. Может же случиться так, что относительно немногочисленные копигольдеры хозяйствовали на крупных “блоках” земли (как это было на Юго-Западе Англии в манорах Пемброков), способствуя тем самым “укрупнению” общей площади обычного держания, и, следовательно, возрастанию ее удельного веса? Для того, чтобы проверить это допущение, обратимся к очередной таблице (№ 46), в которой представлены данные, касающиеся интересующего нас сюжета.

Таблица 46. Площадь копигольда

Название манора	Площадь копигольда (акр.)	% к общей площади земли держаний	% к общей площади манора (с учетом общинной земли)
Castleton	188,5	11,7	11,7
Marland	-	-	-
Newbold	-	-	-
Beursill	-	-	-
Butterworth	-	-	-
Clegg	-	-	-
Hollingworth	-	-	-
Wardleworth	65,3	8,9	8,4
Werdale	-	-	-
Wardle	389,2	23,9	15,5
Blatchingworth	1158,5	41,9	31,3
Walsden	526,5	27,3	11,1
Todmorden	750,0	41,4	26,9
Faling	-	-	-
Chadwick	234,6	31,7	27,5
Spotland	394,9	29,1	16,8
Wolstenholm	580,5	41,6	26,0
Healy	150,5	25,6	18,2
Whiteworth	864,2	25,0	21,8
Rossendale	326,5	12,0	12,0
Total	<b>5629,2</b>	<b>19,7</b>	<b>14,7</b>

О чем же свидетельствует таблица? Оказывается, что ее данные совершенно не оправдали наших надежд на высокую концентрацию “обычной” земли в руках крестьян. Удельный вес площади копигольда в целом по комплексу маноров оказался значительно ниже удельного веса численности обычных держателей, составляя всего 19,7% держательского клина и лишь 14,7% всей площади маноров (с учетом общинных земель). Напомню, что удельный вес численного состава копигольдеров составлял

41,5%, что означает двукратное превышение над удельным весом земельной площади. Эти факты свидетельствуют о том, что копигольд не только не являлся “ведущей” формой землепользования, но, очевидно, мог быть в этом регионе весьма “скудным”, “нищим”, малообеспеченным, если судить о нем, принимая во внимание такой важный критерий как площадь крестьянских наделов<sup>29</sup>. Нам предстоит еще проверить это предположение, когда речь пойдет о дифференциации обычных держателей и доходности их хозяйств.

Что можно сказать о наделении крестьян землей в отдельных манорах, пользуясь пока лишь обобщенными данными наших таблиц? Вполне очевидно, судя по таблице № 46, что наиболее обеспеченными в этом плане могли быть копигольдеры манора Блетчингверф, площадь обычного держания в котором составляла 1159,5 акров (или почти 42% держательского клина). Это один из крупных маноров держательского комплекса, площадь которого (вместе с общинными землями) составляла около 3700 акров; к тому же один из немногих, где количество держателей по обычаю, пусть чуть-чуть, но превышало количество фригольдеров (их соотношение выражалось пропорцией 21:19). Наши цифровые данные позволяют констатировать, что на одного держателя по обычаю в этом маноре приходилось в среднем по 55,2 акра земельной площади (1158,5:21). Разумеется, когда речь пойдет о дифференциации держателей, эти обобщенные данные будут скорректированы с точностью до акра для каждого крестьянина, а пока нельзя не поразиться тому обстоятельству, насколько невеликими (по сравнению, в частности, с юго-западным регионом) были крестьянские наделы поместья Рочдейл. И это при том, что в данном случае речь идет о маноре, который характеризуется наибольшим удельным весом площади копигольда!

Однако не забудем: специфика исследований по аграрной истории состоит в том, что они постоянно требуют учета фактора корреляции между

---

<sup>29</sup> Для сравнения напомним также, что удельный вес площади копигольда в манорах Пемброков на Юго-Западе Англии составлял в 30 гг. XVII в. около 70% всего

земельной площадью и количественным составом держателей. Так, например, если мы обратимся к другому манору (Тодморден), также отличающемуся достаточно высоким для данного владельческого комплекса удельным весом площади копигольда (41,4% держательского клина), то мы увидим, что средняя площадь крестьянского надела в нем не в пример выше, чем в предыдущем случае и составляет 150 акров (хотя площадь копигольда в целом в нем равна всего лишь 750 акрам). Это, в какой-то степени неожиданное, “явление” достаточной обеспеченности крестьян объясняется тем, что в данном маноре проживало всего лишь пять держателей копигольда (см. таблицу № 44).

Заглянем теперь в маноры со средним удельным весом (примерно 20-30%) площади копигольда. Возьмем наудачу манор Чадвик, в котором этот “показатель” равен 31,7%. Пятнадцать копигольдеров хозяйствуют здесь на земле, площадь которой составляет 234,6 акра. Следовательно, средний надел копигольдера в этом маноре равен всего 15,6 акра – эти цифры как нельзя более ярко свидетельствуют о скудости земельного обеспечения держателей по обычаю. В маноре Хили (25,5% “обычной земли”) 11 копигольдеров обрабатывают в совокупности всего 150,5 акров – таким образом, на каждого из них в среднем приходится по 13,7 акра. Особенно интересны маноры Спотлэнд и Уайтверф, отличающиеся, как мы помним, достаточно высоким удельным весом численности копигольдеров – в каждом из них сосредоточено более 40 такого рода держателей. При этом удельный вес площади копигольда а названных манорах оказывается относительно невысоким, равняясь, соответственно, 29,1% и 25%. После проведения несложных подсчетов выясняется, что средняя площадь крестьянских наделов на копигольде составила в указанных манорах 8,9 акра (Спотлэнд) и 17,6 акра (Уайтверф).

Таким образом, не следует судить о том, насколько “представителен” тот или иной манор любого держательского комплекса, основываясь лишь на таком показателе, как удельный вес численности держателей – как свидетельствует исследовательская практика, указанный показатель должен приниматься во внимание лишь в совокупности с таким критерием как удельной вес площади того или иного типа держания.

Не откажу себе в удовольствии еще раз проиллюстрировать этот важный, хотя и очевидный<sup>30</sup>, принцип исследований по аграрной истории на примере манора Россендейл, который характеризуется, напомним, самым высоким удельным весом численности копигольдеров (94,1%). Основываясь лишь на указанном удельном весе, мы вполне могли бы причислить этот манор к числу наиболее “продвинутых” с точки зрения развития копигольда. Однако оказывается, что удельный вес земельной площади этого вида держания был в нем более чем невысок, составляя всего 12%. Выясняется, что 16 обычных держателей этого манора (которые были к тому же представителями “последних вилланов” в этом комплексе – об этом интересном феномене речь пойдет ниже), представляя собой большинство населения, хозяйствовали в среднем на земельной площади, едва превышавшей 20 акров “на брата”. Этому, достаточно скудному, копигольду в данном маноре “противостояли” земельные угодья одного-единственного фригольдера, но зато какого! Им оказался, надеюсь, памятный нам Теофил Холт, сосредоточивший в своих руках 2383,5 площади фригольда, по сути, и составлявшего просторы манора Россендейл.

Если же мы проникнем в маноры с низким ( до 20%) удельным весом площади копигольда, то окажется, что в одном из них (Вардлверф; характеризуется наиболее низким, всего в 8,9%, удельным весом “обычной” земли ) копигольдеры хозяйствовали уж и вовсе на мелких земельных

---

<sup>30</sup> К сожалению, при всей своей очевидности, указанный принцип далеко не всегда принимается во внимание исследователями, некоторые из которых в своих построениях основываются лишь на принципе учета численности крестьянских дворов. См. по этому

участках, площадь которых составляла в среднем 5,9 акра. Однако в данном случае это обстоятельство не удивит нас, если мы вспомним, что названный Вардлверф представлял собой манор городского типа, в котором не только фригольдерские держания, но и участки “обычной” земли не могли отличаться значительными размерами как держания “внутригородские”.

В маноре Каслтон, также характеризующемся низким удельным весом “обычной” земли (11,7%), каждый из проживавших там копигольдеров работал на относительно “приличных” участках земли, составлявших в среднем по 23,4 акра на держателя. Это, конечно, больше, чем в “манорегороде” Вардлверф, однако явно недостаточно для того, чтобы считать копигольдеров названного манора обеспеченными в отношении наделения их землей.

Итак, нам как будто бы удалось нарисовать, пока в очень обобщенном виде, картину распространения копигольда в поместье Рочдейл, находившемся в северо-западной части Англии первой трети XVII в. *Она свидетельствует об удивительно слабом, необеспеченном копигольде как с точки зрения сопоставления удельного веса площади и численности его держателей с этими же “показателями” в других регионах страны, так и с точки зрения недостаточно высокого развития здесь данного вида держания по сравнению с фригольдом<sup>31</sup>. Похоже, история обычного держания не так явно, как это было в других регионах страны, “совпала”*

---

поводу: Винокурова М.В. Нерешенные проблемы аграрной истории Англии XVI – XVIII вв. // Новая и новейшая история. М., 1985. С.160.

<sup>31</sup> В манорах поместья Рочдейл мы наблюдаем картину, прямо противоположную той, что предстала перед нами на Юго-Западе Англии этого же периода. Если в Рочдейле соотношение удельного веса площади фригольда и копигольда можно представить в виде пропорции 79,7%: 19,7% (к площади держаний всего владельческого комплекса), в которой “процент” площади свободного держания более чем в 4 раза превышает “процент” площади копигольда, то на Юго-Западе этого же времени соотношение было качественно иным – в XVI в., согласно нашим подсчетам, проведенным на основе анализа описей поместий Пемброков, соотношение указанных “показателей” выразилось соответственно в виде пропорции 14,1%:63%. Только в этом случае, напротив, “процент” площади фригольда был в 4,5 раза ниже “процента” площади обычного держания. А к 30-м гг. XVII в. , как мы помним, достаточно обширный фригольд в манорах Пемброков и вовсе исчезает, будучи превращенным в другие виды держаний.



*здесь “с историей крестьянства в целом” – часть этой истории вполне можно было проследить, как это было сделано выше, и на основе развития крестьянского фригольда.*

Однако все же хочется верить, что и в этом, внешне, казалось бы, малоподвижном мире, протекала жизнь, полная если не бурных конфликтов, то, во всяком случае, отличающаяся своей региональной спецификой. Давайте попробуем взглянуть на полученную картину сквозь призму сословного состава держателей, отмеченных манориальными описями в качестве копигольдеров.

Итак, что же можно сказать о сословном составе копигольдеров в манорах комплекса Рочдейл?

Для того, чтобы получить представление об этом сюжете, обратимся к таблице № 47, в которой представлены данные по интересующему нас сейчас вопросу<sup>32</sup>.

Таблица 47. Сословный состав копигольдеров по описям<sup>33</sup>.

---

<sup>32</sup> Мне не хотелось бы здесь специально отмечать те критерии, на основании которых в данном случае выделены сословные группы, представленные в таблице - я не раз уже делала это выше.

<sup>33</sup> По “техническим” причинам в эту таблицу не включены “клирики” и “горожане” на копигольде. Однако это не страшно, так как не меняет общей картины. Выяснилось, что, строго говоря, на копигольде поместья Рочдейл проживал только один горожанин, Вильям Баттерверф, отнесенный нами к этой категории по приписке “butcher” и указанию на то обстоятельство, что он приехал в манор Вардл из города. Участок этого держателя,

Название манора	Площадь копигольда (акр.)	Число копигольдеров (чел.)	Дворяне на копигольде (чел.)	Площадь дворянского копигольда (акр.)	Крестьяне на копигольде (чел.)	Площадь крестьянского копигольда (акр.)
Castleton	188,5	8	3	162	5	26,5
Marland	-	-	-	-	-	-
Newbold	-	-	-	-	-	-
Beursill	-	-	-	-	-	-
Butterworth	-	-	-	-	-	-
Clegg	-	-	-	-	-	-
Hollingworth	-	-	-	-	-	-
Wardleworth	65,3	11	4	33,3	7	32
Wuerdale	-	-	-	-	-	-
Wardle	389,2	24	5	218,6	18	131,6
Blatchingworth	1158,5	21	3	541,3	18	617,3
Walsden	526,5	11	3 держания	205,0	8	321,5
Todmorden	750,0	5	2	646,0	3	104,0
Faling	-	-	-	-	-	-
Chadwick	234,6	15	4	143,3	11	91,3
Spotland	394,9	44	7	185,7	37	209,2
Walstenholm	580,5	19	2	137,5	17	443,0
Healy	150,5	11	2	18,0	8	115,5
Whiteworth	864,2	49	8	478,5	41	385,7
Rosendale	326,5	16	-	-	16	326,5
<b>Total</b>	<b>5629,2</b>	<b>234</b>	<b>43</b> <b>(18,4%)</b>	<b>2769,2</b> <b>(49,2%)</b>	<b>189</b> <b>(80,8%)</b>	<b>2804</b> <b>(49,8%)</b>

Первое, что бросается в глаза при анализе приведенной таблицы, – значительное количество дворян на копигольде. Действительно, согласно описям, целых 43 джентльмена (18,4% всех тех, кто был зафиксирован в них в качестве копигольдеров) раскинули свои владения на территории этого “низкого”, “неблагородного” вида держания, сосредоточив в совокупности в своих руках более 2700 акров (почти половину – 49,2%) общей его площади. Крестьянский копигольд, представители которого в манорах поместья Рочдейл были гораздо более многочисленны и превышали количество “благородных” в 4,4 раза, составляя цифру 189 (или более 80% держателей на праве манора), сосредоточили в своих руках, как выясняется, другую

---

составлявший 39 акров, равнялся 0,7% общей площади держания по обычаю. Кстати, часть жителей манора городского типа Вардлверф я не могла в данном случае причислить к горожанам на основании самого факта их проживания в этом маноре, так как опись Вардлверф числит их (7 человек) в разделе “держания на праве копигольда”. И наконец, описями зарегистрирован лишь один “клирик на копигольде” - это Хьюг Брукс (Hugh Brooks), викарий манора Хили, хозяйствовавший на 17 акрах копигольда (0,3% общей его площади) и получавший примерно 6,6£ годового дохода.

половину (49,8%) “обычной” земли. Таким вот, удивительно пропорциональным образом, была распределена земля между относительно небольшим количеством “благородных” и основной массой “неблагородных”, то есть крестьян, на копигольде наших маноров.

Однако цифра 43, отражающая численность дворян на копигольде, повторю, представляется не такой уж высокой лишь в том случае, если соотносить ее с гораздо более значительным количеством обычных держателей. Но если не делать этого, а принять ее во внимание как количественную ( и, между прочим, – качественную) характеристику специфики отношений на копигольде в эпоху аграрной революции, то в целом нельзя не поразиться тому обстоятельству, что такая компактная группа дворян заинтересовалась обычным держанием поместья Рочдейл. Вспомним, что группа дворян на копигольде Пемброков в интересующий нас период состояла лишь из 6 человек.

Если же иметь в виду интенсивность внедрения джентри на территорию обычного держания в различных регионах Англии в целом, то ведь на самом деле для конца XVI – начала XVII вв., как, похоже, свидетельствуют наши описи вопреки принятому в историографии мнению, был характерен не столько “великий исход” коммерчески настроенных “благородных” из города в деревню<sup>34</sup>, сколько гораздо менее авантюрный, но зато более основательный и эффективный переход к новым видам хозяйственной деятельности тех самых оседлых поместных сквайров, которые знали толк в способах “улучшения” рент и для которых постепенно “коммерциализируемые” ими самими же ренты в конце концов оказывались не абстрактной “рентой-мечтой”, а мечтой воплощенной. Одним из способов перехода к новым формам хозяйствования как раз и являлось проникновение “благородных” на территорию копигольда, где ренты были относительно низкими, “твердыми” (то есть фиксированными обычаем), а потому наиболее привлекательными для новых хозяев – эта специфика рент, как

---

<sup>34</sup> Tawney R.H. The Rise of the Gentry. 1558-1640 // EcHR. 2-d ser. Vol. 11. 1941.

принято считать, в период постоянного роста цен позволяла увеличивать доход с копигольда автоматически, без всяких усилий со стороны держателя.

“Технология” самого процесса проникновения “благородных” на копигольд, как представляется, еще недостаточно изучена в литературе. Так, в частности, принято считать, что оно происходило преимущественно на основе *насильственного* захвата дворянами “обычных” земель, нередко было связано с движением огораживаний и провоцировало многочисленные эвикции<sup>35</sup>. Бесспорно, так оно и было. Но, похоже, не везде, а лишь в тех регионах Англии, где огораживания проходили наиболее интенсивно (центральные и восточные части страны). В менее развитых с этой точки зрения ареалах специфика проникновения “благородных” на копигольд могла быть несколько иной – оно могло протекать (как это было показано нами на примере фригольда) при “разрешающем” участии манориальной администрации, возможно, и с элементами выкупа (за счет фйнов) обычного держания в период смены копий – с последующим “устройством” его недавних хозяев в качестве субдержателей или поденщиков в этих же манорах. Однако это предположение, естественно, нуждается в тщательной проверке на основании источников из различных регионов страны – попытку такой проверки мы предпринимали на нашем материале по Юго-Западу, когда говорили о повышении фйнов за допуск как факторе экспроприации английского крестьянства.

## 2. “Дворянский” копигольд манориального комплекса Рочдейл.

Посмотрим же, как можно пристальней, что представлял собой “дворянский” копигольд, образовавшийся в порах одиннадцати маноров Рочдейла. Наличие такой компактной группы “благородных” на “обычной”

---

<sup>35</sup> См., например: Савин А.Н. История двух маноров // ЖМНП. 1916. №4. Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М. 1949; Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. М., 1958 и др.

земле обязывает нас к тому, чтобы с максимальной дотошностью описать условия держаний тех, из кого она состояла.

Начнем с манора Каслтон. Мы находим в нем трех “благородных” на копигольде. Кто они? Это джентльмен Роберт Хейвуд (его копия датирована – зафиксирована в курии – 9 мая 1605 г.), который держит на праве манора около 84 акров “обычной” земли, получая с них ежегодный доход, превышающий 20£ (или 5 s/акр.). Это и Чарльз Холт, документ которого, подтверждающий его права на участок копигольда в 43,5 акра, датирован 21 мая 1622 г. И наконец, в этом маноре ведет хозяйство на участке копигольда в 34,5 акра наш давний знакомый эсквайр Роберт Холт, владевший, как мы помним, тысячами акров земли фригольда и являвшийся одним из самых богатых обитателей Рочдейла. Судя по дате копии (20 ноября 1561 г.), можно сказать, что либо указанный участок копигольда был приобретен еще отцом Роберта, либо наш эсквайр к моменту описи (30-е гг. XVII в.) был уже в весьма почтенном возрасте. Даже если это было именно так, то это обстоятельство не могло являться препятствием на пути к максимально энергичному и рачительному хозяйствованию эсквайра Холта, о чем, в частности, свидетельствует и получение им высокого ежегодного дохода с указанного, в сущности, небольшого, участка копигольда. Этот доход составлял около 18£, что означало получение около 10 s. с акра (очень высокий уровень дохода с “обычной” земли!). Между тем ренты за данный участок копигольда Роберт Холт не платил совсем.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что у дворян на копигольде манора Каслтон (как мы увидим в дальнейшем – и у почти всех дворян других маноров тоже!) имеется точная дата “приобретения” держания, зафиксированная в манориальной курии, и, следовательно, вошедшая в описи. Разумеется, это не случайно. И очень важно для нашего исследования. Уже на основании фиксации в курии факта и времени внедрения дворян на копигольд можно сделать интересные выводы. Вряд ли в ней стали бы фиксировать насильственный захват участка пришеельцем

извне. Дело в том, (как показывает анализ имен благородных на копигольде – мы приведем эти имена ниже) “пришельцами” были свои, знакомые сельские сквайры и джентльмены из ближайших маноров одного и того же комплекса, зафиксированные в них в качестве владельцев фригольда и, что вполне очевидно, прибиравшие к рукам не только держание на общем праве, но и держание обычное. Далее, если они и совершали в наших манорах захват копигольда с последующими эвикциями держателей (как принято считать традиционно), то вряд ли такой акт стали бы фиксировать в манориальной курии. Чего ради? Какой сеньор, какая администрация потерпели бы такое “скваттерство”, такое насилие над местным правом, веками освящавшим и регулировавшим внутреннюю жизнь манора, и именно в силу этого обстоятельства являвшимся столь необходимым не только держателям, но и лордам? Гораздо спокойнее было дать (а для вновь прибывающих – получить у администрации) разрешение на смену владельца участка копигольда, особенно в период истечения сроков копий у традиционных держателей (или в период реверсии) и совершенно легально зафиксировать означенное действие в курии. Очевидно, так оно и было. *Именно в этом легальном разрешении проникать на землю различных юридических статусов внутри манориального комплекса и заключалось то самое покровительственное отношение его администрации к благородным “собирателям земель”, о котором мы все время упоминаем.* Я не думаю, однако, что эти “благородные” получали, подобно обычным держателям, копию на тот участок земли, который переходил им в руки – по-моему, это могло бы расцениваться как нивелирование или даже принижение социального статуса джентльменов. Напротив, в самих оригиналах протоколов курий, где и производилась запись о вхождении в держание, в случаях фиксации “благородных” на копигольде, к записи, помимо включения в нее имени “претендующего” на копигольд и даты оформления этой претензии, всегда делали приписку, свидетельствующую о статусе того лица, к которому переходил участок: “gentleman”, “esquire”, “knight” и т.д. А

вот в случае фиксации в курии крестьянского копигольда, такой приписки не делали; именно поэтому в практике исследований по аграрной истории всех тех, кто не имел приписки, свидетельствующей о социальном статусе, и принято относить к крестьянам<sup>36</sup>.

Однако продолжим наше рассмотрение “дворянского копигольда”. Заглянем в “манор-город” Вардлверф, специфике которого мы уделили достаточно много внимания на предыдущих страницах работы. Оказывается, в нем существовал, помимо свободных держаний, и небольшой копигольд, составлявший в совокупности всего лишь 65,3 акра. На копигольде этого манора мы находим несколько джентльменов, большинство из которых опять-таки являются нашими старыми знакомыми. Это эсквайр Абель Бакли (копия от 27.03.1595), хозяйствовавший на участке 15,5 акров, с которого он получал, в сущности, весьма невысокий доход в 3£ (всего 4,2 s/акр.) – мы помним этого джентльмена как владельца обширного (в 293 акра!) держания на общем праве в этом же маноре. Это также наш знакомый, эсквайр Теофил Холт (копия от 4.04.1607), который имеет здесь участок копигольда всего в 2,25 акра, но зато это – участок огороженной пахотной земли в пределах манора городского типа. Странно, но этот “коммерчески оформленный” участок приносит не очень -то большой доход: его уровень за акр равен всего 4,4 s.

---

<sup>36</sup> Между прочим, объяснение этому наблюдению (об автоматическом причислении не обозначенных сословно держателей копигольда именно к крестьянам) я нашла только сейчас, в период работы над описями поместья Рочдейл, сравнивая особенности фиксации манориальными клерками дворянских и крестьянских держаний на копигольде. Хотя этот вопрос интересовал меня всегда, еще с тех пор, когда Михаил Абрамович Барг в начале 80-х гг. рассказывал мне о традициях работы с манориальными описями и специфике их интерпретации историками-аграрниками. Но я все никак не могла принять на веру то обстоятельство, что “не обозначенные сословно” в описях – и есть крестьяне. А все оказалось очень просто: имена крестьян действительно не сопровождали припиской, свидетельствующей о их “крестьянском” статусе на копигольде. И не только потому, что этот статус “неблагородных” подразумевался сам собой и посему не требовал специальной фиксации, но и потому, что – в виде знаков особого “сословного отличия” – такой припиской сопровождали имена *дворян на копигольде*. Просто раньше мне не приходилось работать с такой компактной и многочисленной группой представителей этой категории.

Чем дальше мы углубляемся в поры дворянского копигольда, тем больше хочется воскликнуть: “Ба! Знакомые все лица!”: и в самом деле, на территории обычного держания Вардлверф мы видим и Катерину Холт с ее молодым мужем Джошуа, которые имеют здесь 5 акров своего копигольда (правда, с весьма скромным доходом в 4 s/акр.) и еще 10, 5 акра передают через курию (как это было положено по обычаю при земельных “передвижках” в среде копигольдеров) на имя джентльмена Ричарда Энтвисла. Как же устойчивы в мире английского копигольда были обычаи, связанные с передачей земли, если их влияние распространялось не только на держателей собственно крестьянского типа, но и на лиц гораздо более высокого сословного статуса!

Но в данном случае это наблюдение не является единственным. Помимо него мое внимание привлек вот какой факт. Оказывается, что доход с небольших (от 2 до 10 акров) участков “дворянского копигольда” в черте манора городского типа во много раз ниже дохода с “внутригородского” дворянского фригольда! Напомню, что согласно нашим подсчетам, уровень последнего с акра равнялся целым 16£, в то время как доход с идентичной площади “городского” “дворянского копигольда” составил цифру всего лишь 5,7 s. Таким образом, кратность между этими двумя величинами составила цифру **56**. Доход дворян с “городского” копигольда был ниже дохода с фригольда в целых 56 раз! Возникает закономерный вопрос: чем же в таком случае копигольд был столь притягателен для “благородных”? Зачем было стремиться туда, где не была обеспечена если не более высокая, то хотя бы относительно сопоставимая с доходом от свободного держания, выгода? Ответ на этот вопрос не лежит на поверхности (к тому же, мы пока не убедились в том, что именно такова была повсеместная тенденция, проявлявшаяся в манорах не только городского типа, но и в манорах традиционно “деревенских” – как раз наоборот, придется повторить, что бытующее в историографии мнение сводится к тому, что именно высокий доход с копигольда ввиду малой подвижности его рент, мог привлекать на



него “благородных”). Попробуем в дальнейшем не упускать эту проблему из виду и, если позволят наши источники, хотя бы частично разрешить ее.

В маноре Вардл (традиционно “деревенского” типа) мы насчитываем 5 “благородных” на копигольде. Это опять знакомые нам люди. Все тот же “вездесущий” (особенно когда речь шла о перспективе обогащения) Роберт Холт (копия от 21 октября 21 г. правления короля Якова) собрал в этом маноре целых 80 акров “обычной” земли; за этот участок он платит относительно невысокую ренту (11 s. 8d. или 1,8 d/акр.) и получает 14£ годового дохода (3,5 s/акр.). Совершенно ясно, что данный участок копигольда вполне выгоден нашему эсквайру. Еще бы – ведь уровень дохода с акра этой земли более чем в 23 раза превышает уровень ренты с акра этого же участка. Другой эсквайр, Эдуард Баттерсверф, хозяйствует в данном маноре на участке копигольда общей площадью около 39 акров; за названный участок он платит ренту всего 4d. (0,1 d/акр.) и получает с него доход в 6£ (3,1 s/акр.). В данном случае уровень ренты с акра, как мы видим, во много раз ниже уровня годового дохода: кратность между этими величинами составляет цифру 372! Также знакомый нам эсквайр Абель Бакли (копия от 5 октября 1602 г.) приобрел в маноре Вардл 10 акров “обычной” земли и получает с нее доход около 1,5£ (3,3 s/акр.); рента в данном случае не указана. Далее, в этом маноре также зафиксирован копигольд на имя знакомой нам Катерины Холт (копия от 21 октября 1620 г.) – она получила его, как следует из источника, “по передаче” от эсквайра Теофила Аштона в манориальной курии. Копигольд этот составляет 25,6 акра и представляет собой огороженный участок пастбища (close of pasture) – явление, не столь уж часто встречающееся в наших описях (огораживания были, по видимому, очень незначительными в данном регионе; да к тому же и сам факт фиксации в данном случае в источнике типа угодий в немалой степени удивителен, ибо, как указывалось выше, наши описи в целом отличаются отсутствием такого рода информации). Участок приносит Катерине Холт годовой доход в 4,5£. Рента в данном случае остается

неизвестной: то ли она просто не отражена в описи, то ли Катерина была освобождена от нее как вдова (тем более вдова благородного происхождения) в период между своими двумя замужествами. Мы не можем ответить на этот вопрос, так как не знаем точную дату второго замужества Катерины. Наконец, в маноре Вардл зафиксирован еще один “благородный” на копигольде: это Роберт Ховорф (копия от 25 декабря 1629 г.), хозяйствовавший на довольно приличной площади обычного держания (64 акра) – доход его с этих земель 8,7£ в год (2,7 s/акр.). Этот случай интересен тем, что в описи имеется приписка более позднего времени,<sup>37</sup> свидетельствующая о том, что названный участок копигольда достался Роберту по смерти его отца, тоже Роберта. Оказалось, что Роберт Ховорф-старший, эсквайр, в декабре 1629 г. составил в курии специальный акт о наследовании, заверенный тремя наиболее уважаемыми джентльменами манора (в источнике приводятся их имена), в котором он адресовал названный участок копигольда своему сыну по достижении им совершеннолетия, но с условием, что он выплатит своим сестрам (Элинор, Элизабет Мэри и Маргарет) 600 фунтов (!) в качестве их доли наследства. Это свидетельство убеждает нас в том, что операции, производимые с “дворянским” копигольдом в манориальной курии, иногда могли отличаться от тех юридических процедур, которые были связаны с реверсиями копигольда крестьянского. В данном случае эсквайр не просто сдает копигольд в курии, проводя его через руки лорда (о чем обычно делалась соответствующая запись), а оставляет завещание – совершенно в соответствии с правилами передачи недвижимости в судах общего права или в городских нотариальных конторах. Очевидно, что дворянский статус каким-то образом мог сказываться на порядке оформления обычного держания в манориальной курии, придавая внутрпоместным порядкам черты совершенно иного рода и свидетельствуя, кстати, не просто о мирном проникновении дворян на копигольд, но и о том, что этот ненасильственный

---

<sup>37</sup> The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster... P.110.

процесс подчас мог характеризоваться признаками, характерными для классической процедуры наследования недвижимости. Как мы помним, крестьяне-копигольдеры завещаний не оставляли; вместо них они, участвуя в курии в процедуре реверсии, просто указывали на приемника. Фиксация этого процесса в протоколе курии и означала “ратификацию” земельных “передвижек” крестьянских держаний, причем, курия, похоже, играла при этом роль местной нотариальной конторы.

Но продолжим наш анализ “дворянского” копигольда. На сей раз настала очередь манора Блетчингверф, на копигольде которого числятся три джентльмена. Кто они? Под номером первым здесь опять выступает недавно упомянутая нами (причем далеко не в первый раз: Катерина Холт. Именно в этом маноре и находится тот самый огромный участок копигольда в 475 акров, который, как мы предположили ранее (это случилось в самом начале исследования, когда речь шла о специфике манориальных описей как источников, пригодных подчас для выводов “микроисторического”, казуального характера) был подарен ей ее свекром, отцом ее молодого мужа Джошуа Радклиффа. За этот огромный участок земли “молодые” платят ничтожную годовую ренту (всего 3 s., что составляет 0,1 d/акр.). Но надо сказать, что и доход с этого копигольда весьма невысок: он приносит всего 12J в год (0,5 s/акр.). Вот и еще одно свидетельство относительно невысокой доходности обычного держания, находившегося в руках джентльменов (по сравнению с доходностью фригольда). Другой “благородный” на копигольде, эсквайр Джеймс Хеллиуэлл (копия от 16.04.1622), сосредоточил в своих руках (по передаче – “by surrender” – от Элизабет Ансворф) два огороженных участка пастбища общей площадью в 65 акров, за которые он платит достаточно высокую ренту в 17 s.8d. (3,4 d/акр.). И наконец, нам опять встречается имя, ставшее, пожалуй, наиболее привычным: наш знакомый эсквайр, Роберт Холт, протянул свои руки в манор Блетчингверф – он не побрезговал присовокупить к своим гигантским владениям фригольда,

которые исчислялись тысячами акров, всего лишь 3,5 акра “низкого” держания по копии в указанном маноре.

В другом маноре, Валсден, мы находим три записи, свидетельствующие о наличии дворян на копигольде. К их числу относится, в частности, опять-таки уже знакомый нам эсквайр Джеймс Хеллиуэлл (копия от 1.05.1620 г.), на имя которого в курии зафиксирован участок копигольда общей площадью в 11 акров, состоящий из сада и шести мелких участков огороженного пастбища, площадь каждого из которых в отдельности, однако, не указана. За данный участок копигольда наш знакомый платит довольно высокую ренту почти в 2 s., уровень которой за акр держания составляет 2d. Для данного случая и для данного региона это достаточно высокий уровень ренты. Вспомним, кстати, что именно о такой ренте мечтали, как это указывалось выше по другому поводу, английские крестьяне времени восстания Уота Тайлера. Таким образом, XVI-XVII вв. являли, хотя и в редких случаях, примеры воплощения мечты английского крестьянства, но... на “дворянском” копигольде. О том, что данный участок “обычной” земли был вполне выгоден эсквайру Хеллиуэллу, свидетельствует факт превышения годового дохода над уровнем ренты. Доход, в данном случае равнявшийся 4,3£ (7,8 s/акр.), превышал ренту в 46,8 раза – цифры кратности, явно не столь астрономические, как в некоторых случаях, проанализированных выше. Вторая запись, фиксирующая наличие в маноре Валсден “дворянского” копигольда, следует сразу же за первой и свидетельствует о том, что еще одним владельцем обычного держания здесь являлся сын или брат (источник молчит по этому поводу, как и должен молчать – это ведь опись земельных держаний, а, скажем, не протокол курии, где, хотя и редко, могли встречаться указания на родственные отношения, существовавшие между крестьянами того или много манора) Джеймса Хеллиуэлла, тоже Джеймс, поименованный в описи как Helliwell-junior. Младший из Джеймсов (копия от 27.04.1622 г.) хозяйствует на площади копигольда в 7,5 акров. Он платит за этот участок ренту всего в 4d. (0,5

d/акр.) и получает 2£ годового дохода (5,3s/акр.). В данном случае соотношение между указанными величинами составляет цифру 127,2, которая также свидетельствует о достаточно высокой рентабельности этого небольшого участка “обычной” земли. И, наконец, перед нами в очередной раз возникает фигура Роберта Холта (копия от 21.10.1624), который сосредоточил в своих руках в данном маноре целых 186,5 акра копигольда – участок, за который он выплачивает почти 30s. ренты (1,9 d/акр.) и с которого получает, кстати, весьма невысокий годовой доход. Уровень этого дохода равен всего 9£ (0,9 s/акр.). Таким образом, мы видим, что разрыв между доходом и рентой в данном случае составляет весьма небольшую цифру: около 5,5. Следовательно, доходность такого большого участка копигольда, сосредоточенного в руках предприимчивого эсквайра, явно оставляет желать лучшего.

Возникает вопрос: почему в данном маноре ренты на “дворянском” копигольде относительно выше, а доход относительно ниже, чем в манорах, положение дел в которых было проанализировано ранее? Ответ на него таков: дело в том, что весь копигольд Валсден значится в описи этого манора как “ancient” или “villein” – термины, которые обычно употребляются в источниках по манориальной истории для обозначения держаний, которые находились в руках “последних вилланов”.<sup>38</sup> Таким образом, выясняется, что весь копигольд манора Валсден представляет из себя блок “старовилланских” держаний, если судить об этом явлении на основании терминологии источника. Это означает, что крестьяне-держатели манора Валсден не имели, очевидно, документальных подтверждений своих прав на землю в этом маноре (а таким подтверждением у “настоящих” копигольдеров, как мы знаем, являлась копия манориального протокола о держании) и, что вполне вероятно, при реверсиях “переход” их участков из рук в руки как лиц, все еще лично зависимых от лорда манора, мог фиксироваться просто

соломинкой. Мы также помним, что последние вилланы отличались от “настоящих” копигольдеров тем, что *они обычно платили более высокие ренты* или были обязаны большим количеством отработочных и натуральных повинностей. К сожалению для нас (хотя и к счастью для тех крестьян, которые жили в Рочдейле около четырех столетий назад), наши описи в Ланкашире не фиксируют такого рода повинностей. Зато достаточно высокие ренты, которые выплачивают, вопреки своему высокому сословному статусу, даже дворяне на “древнем” копигольде этого манора,<sup>39</sup> свидетельствуют о живучести распорядков, связанных со спецификой повинностей последних вилланов. Таким образом, мы видим, что “благородных” в наших манорах *в их неудержимом порыве к упрочению своего благосостояния на основе приобретения прежде всего недвижимости, привлекал не только “чистый”, “классический”, копигольд (они и его-то считали “низким” видом держания), но и старовилланские земли.*

До сих пор этот факт не принимался в расчет в историографии (как мы видели выше, проблема “последних вилланов” вообще не привлекала ранее “исследовательского” внимания); между тем свидетельства источников по поводу этого процесса, как представляется, могли бы внести определенные коррективы в наше понимание земельных сдвигов периода аграрной революции в целом. Зафиксировать указанное “передвижение” земли тем

---

<sup>38</sup> Отметим, что в описях некоторых из наших маноров для обозначения “последних вилланов” применялся также термин “tenants at will”. Мы увидим это позже, когда речь пойдет о крестьянском копигольде манора Россендейл.

<sup>39</sup> Ренты, выплачиваемые “последними вилланами” крестьянского происхождения, также достаточно высоки по сравнению с уровнем обычных держательских рент других маноров Рочдейла – мы будем еще подробнее говорить об этом тогда, когда речь пойдет о крестьянском копигольде данного комплекса в целом. А пока отметим здесь, что средний уровень за акр “вилланского” копигольда Валсден был равен 1,7 d. Для сравнения: в маноре Блетчингверф этот “средний” уровень был равен 0,9 d/акр., в маноре Спотлэнд – 1,2 d/акр., и даже в маноре “городского” типа Вардлверф – 1,3 d/акр. Хотя, справедливости ради, отметим, что, судя по итогам первичной обработки источников, нам будут все же встречаться маноры, в которых ренты, выплачиваемые крестьянами-копигольдерами “классического” типа за акр копигольда, в среднем будут превышать высоту рент последних вилланов.

более важно, что побудительные мотивы процесса приобретения “благородными” “крепостной” земли отличались некоторой парадоксальностью: ведь приобретать-то ее было, в общем, не так уж и выгодно, коли ренты на ней были относительно высокими, а доход – относительно низким! Так или иначе, ясно одно: раз приобретали, значит было нужно. И, возможно, при условии рачительного хозяйствования на этой земле, для которого местные сквайры имели все возможности (чего нельзя сказать о ее бывших держателях – крепостных крестьянах), она могла повышать степень своей плодородности, а, следовательно, приносить в перспективе достаточно высокий доход, что и являлось основной целью “благородных”.

Но заглянем, далее, в манор Годморден. В этом маноре мы находим всего двух дворян на крестьянском копигольде. Это, во-первых, эсквайр Сэвилл Радклифф, которого мы уже давно выделяем из массы жителей поместного комплекса как родственника (свекра) Катерины Холт. Эсквайр имеет в данном маноре (запись в протоколе от 27 января 1621 г.) обширный участок земли копигольда, площадь которого превышает 300 акров! Это в основном пастбище, причем состоящее из огороженных участков земли (closes), когда-то, видимо, являвшейся пахотой. Другой эсквайр данного манора, Ричард Таунли, также хозяйствует на “обычной” земле, представляющей собой, как записано в описи, “большой огороженный участок пастбища” (“large close of pasture”) – участок в 343 акра! И что же мы видим? Оказывается, эти большие земельные угодья на момент описи не приносили их владельцам ощутимой выгоды: опять-таки, как и в ряде предыдущих случаев, доход с акра дворянского копигольда как-то своеобразно коррелировался с уровнем ренты с указанной единицы площади. Уровень дохода был совсем ненамного выше уровня ренты: так, Сэвилл Радклифф получал 1,1 s. с акра земельной площади при ренте 1,9 d/акр. (цифра кратности равна 6,9), в то время как Ричард Таунли – всего 0,9 s. с акра при ренте за акр - 1,8 d. (доход превышает ренту всего в 6 раз). Цифры

кратности между рентой и доходом, исчисляемые единицами (да даже и десятками) свидетельствуют (особенно если принимать во внимание высокий “разрыв” между этими величинами, достигающий подчас нескольких сотен, например, на дворянском фригольде) о невысокой рентабельности хозяйств “благородных” на крестьянском копигольде. Но еще раз повторю, что, видимо, страсть к упрочению материального положения у последних была настолько непреодолима, что земля любого статуса и любой площади (даже, как мы видели, исчисляемая немногими акрами) была вполне к месту. Удивляет еще и то обстоятельство, что такой низкий доход при достаточно высокой ренте поступал с того вида земельных угодий, который мы традиционно считаем угодьями “коммерческого типа”. Действительно, в историографии всегда считалось, что уж участки, огороженные для выпаса овец, должны приносить высокий доход. Между тем этот доход в данном случае (в абсолютных цифрах) был равен всего 16£ с 303 акров у Сэвиля Радклиффа и 15£ с 343 акров у Ричарда Таунли. Это крайне низкий доход с таких крупный участков огороженной земли!<sup>40</sup> Видимо, в наличии были какие-то обстоятельства “регионального” характера, которые могли жестко минимизировать этот показатель. Так или иначе, перед нами – факт, свидетельствующий, между прочим, и о том, насколько осторожно надо относиться к, казалось бы, уже выявленным тенденциям в течении тех или иных процессов, особенно в переходные периоды, отмеченные к тому же явно выраженной локальной спецификой этих процессов.

Но продолжим наше изучение дворянского копигольда. В следующем маноре под названием Чадвик мы находим четырех джентльменов на обычном держании. Кто они? Ну, во-первых, это, уже, боюсь, изрядно поднадоевший всем Роберт Холт, который, согласно копии от 21 октября 1624 г., хозяйствует на большом участке копигольда (116,5 акров), состоящем из огороженных участков пахоты, пастбища и луга (угодья в

---

<sup>40</sup> По моим наблюдениям, на Юго-Западе Англии доход с участков идентичной площади, огороженных под пастбище, мог исчисляться десятками, а иногда даже сотнями фунтов.



описи не “расписаны” по отдельным их видам). Рента за столь крупный участок, тем не менее, не указана. Однако нет указаний и на то, что в описи наличествует пропуск, допущенный писцом (обычно в этих случаях мы встречаем термин “blank”). Возможно, эсквайр, как это нередко случалось, и вовсе не платил ренты за данный участок копигольда. Это предположение станет более основательным, если мы вспомним, что в соседних манорах Роберт Холт платил за “обычную” землю вполне высокую ренту – он мог быть освобожден от нее администрацией манора, в качестве компенсации за “понесенный материальный ущерб”, в данном случае. Возможно, существовала и другая причина, на основании которой эсквайр мог быть освобожден от выплаты ренты. Дело в том, что столь огромный участок земли приносил очень низкий доход, который составлял всего 4£ 10 s. в год (0,7 s/акр.). Это почти невозможно представить – получать более чем с сотни акров всего четыре с половиной фунта в год! Но описи не лгут. Видимо, так оно и было. Вполне вероятно поэтому представить ситуацию, когда лорд манора или его стюард могли освободить от уплаты ренты известного в поместье человека, дворянина, владеющего тысячами акров свободной земли, которому пришла в голову “фантазия” приобрести земельный массив земли весьма сомнительного качества, если судить о нем по низкой степени доходности этой земли. В этом же маноре, между прочим, владеет небольшим участком “обычной” земли в 10,5 акров и наследник Роберта Холта – Ричард (копия от 30.04.1607), который также не выплачивает за него ренты и получает совсем мизерный доход в 0,4s. с акра. Если мы сравним эту цифру с уровнем дохода Ричарда с его же обширного участка фригольда в маноре Волстенхолм в 142,5 акра, то увидим, что доход с акра фригольда составляет пусть и не такую уж значительную (по сравнению с доходами иных фригольдеров<sup>41</sup>), но все же достаточно “приличную” цифру в 4,5 s/акр., что означает 135-кратное превышение второй из указанных величин над первой. Итак, опять: доход с акра фригольда в 135 раз выше дохода с акра

---

<sup>41</sup> Так, напомним, что доход с акра фригольда Катерины Холт превышал 32 шиллинга.

“дворянского” копигольда! И тем не менее – мы наблюдаем в наших манорах удивительно интенсивное проникновение “благородных” на “обычную” землю... Вот и еще свидетельства из этого же ряда: в интересующем нас маноре совсем незначительными участками копигольда владеют эсквайры Сэмюэль Бамфорд (12,5 акр.) и Эдвард Ростхорн (3,8 акр.). Но, между прочим, эти небольшие участки “дворянского” копигольда приносят их владельцам совсем неплохой доход: 9,6 s/акр. в первом случае и 7 s/акр. – во втором. Подчас складывается впечатление, что площадь “дворянского” копигольда и доход с него могли находиться в обратно пропорциональной зависимости: чем меньше был участок, тем выше мог быть доход с него как с единицы земельной площади, на которой просто легче было вести интенсивное хозяйство. Однако это предположение надо проверять, а это трудно сделать доказательно, так как мы едва ли наберем в наших описях десять - двадцать случаев, когда площадь участков “дворянского” копигольда не превышала бы 15 акров. В основном все же “благородные” прибирали к рукам довольно крупные участки копигольда.

Следующим манором в нашем обзоре дворянского копигольда является манор Спотлэнд, в котором мы насчитываем целых 7 “благородных” на площади обычного держания. Это много для одного манора и поэтому, наверное, было бы полезным сосредоточить сведения об этих благородных “держателях” несвободной земли в отдельной таблице (см. таблицу № 48).

Таблица 48. Дворянский копигольд манора Spotland

Имя	Статус	Площадь (акр.)	Доход	Доход с акра (s.)	Рента	Рента за акр (d)
1. Генри Радклиф	gentleman	23,7	8J 10s.6d.	7,2	-	-
2. Катерина Холт	esquire	113	14 J	2,5	10s.5d.	1,1
3. Роберт Холт	esquire	22	1J 16s.8d.	1,6	-	-
4. ... Ростхорн	esquire	2,5	14 s.	5,6	-	-
5. Томас Брич	gentleman	10,5	13J 13s.4d.	7	-	-
6. Абель Бакли	esquire	2,5	15s.	6	8d.	3,2

7. Ричард Холт	esquire	11,5	3s.5d.	0,3	-	-
7	7	<b>185,7</b>	<b>39,7J</b>	<b>4,3</b>	<b>11s. 1d.</b>	-

Итак, как следует из таблицы, семеро “благородных” держателей копигольда сосредоточили в своих руках 185,7 акра его земельной площади в данном маноре (47%)<sup>42</sup>. Интересной особенностью данного манора является то обстоятельство, что, вразрез с утверждением, приведенным выше (о том, что в целом по владельческому комплексу Рочдейл численность зажиточных “благородных” держателей копигольда превышает численность малоземельных – и это действительно так) мы находим в нем совсем немного тех, кто обладает обширными земельными угодьями. В сущности, это лишь Катерина Холт, в чьих руках (по двум копиям, которые, кстати, не датированы) сосредоточено 113 акров пахоты, луга и пастбища. Остальные держания гораздо скромнее: чуть больше 20 акров находится в руках Генри Радклиффа и Роберта Холта, немногим более 10 – у Томаса Брича и Ричарда Холта (сына и наследника Роберта), а у Абея Бакли и малоизвестного эсквайра Ростхорна (имя собственное не указано), кажется, лишь однажды встретившегося мне в мире держателей Рочдейла, – всего лишь по 2,5 акра. Так что, действительно, дворянский копигольд данного манора явно невелик по площади.

Его доходность также оставляет желать лучшего. В целом по манору доход с копигольда, находящегося в руках “благородных”, приближается к 40£; доход же с акра земли указанного статуса равен в среднем всего 4,3s. Кстати, крупные участки отличаются опять-таки невысокой доходностью: так, Катерина Холт получает всего 2,5 s. с акра, в то время как, например, Абель Бакли с акра своего весьма незначительного участка – 6s., а эсквайр Ростхорн с участка идентичной площади – 5,6 s. Рент наши “благородные” за свои участки практически не платят (за исключением Катерины Холт и Абея Бакли), что затрудняет решение вопроса о соотношении между их

<sup>42</sup> Площадь копигольда в Спотлэнд равна 394,9 акра (см. таблицу № 47).

рентными обязательствами и доходностью участков дворянского копигольда.

Далее, в маноре Волстенхолм мы находим еще двух “благородных” на копигольде. Это уже известный нам Ричард Холт, эсквайр (копия от 30.04. 4 года правления Якова I), наследник Роберта Холта, и джентльмен Сэмюэль Бамфорд. Ричард Холт хозяйствует в названном маноре на 90,5 акрах земельной площади, представляющей собой участки огороженного пастбища, с которых он получает весьма невысокий доход в 14£ (3,1 s./акр.), выплачивая при этом ренту в 12 s. 1 d. (1,6 d/акр.). Кроме того, в описи указано, что он владеет амбаром (почему клерки посчитали нужным упомянуть именно об этом “показателе” хозяйственного благополучия эсквайра Холта – трудно сказать). Что касается Сэмюэля Бамфорда, то он “держит” в названном маноре сразу три участка копигольда, расположенные компактно, – по трем разновременным копиям. Первая из них датирована 10 ноября 1597 г. и фиксирует наличие в руках Бамфорда 9 акров “обычной” земли; в описи указано, что данный участок копигольда отошел к нему “по передаче” (через руки лорда) от его отца, Уильяма Бамфорда. Согласно второй копии, от 13 октября 1614 г., также составленной на сына от имени и по инициативе названного Уильяма, за Сэмюэлем “закреплено” 14 акров земельной площади, за которую он платит 4s.8d. ренты (доход с данного участка не указан). И наконец, согласно третьей копии от 14 мая 1623 г., составленной на его имя неким Томасом Хаммером, джентльменом (неизвестно, кем он приходится нашему эсквайру), Сэмюэль Бамфорд хозяйствует на 24 акрах “обычной” земли. В итоге выясняется, что с 47 принадлежащих ему акров копигольда Бамфорд получает весьма невысокий доход в 7 £ 15s. (3,3 s/акр.), выплачивая при этом ренту 8s.9d. (2,2 d/акр.). Однако этот случай интересует не столько своей типичностью (соотношение дохода и ренты с акра - нормальное, не “запредельное”, и равно всего цифре 18, что встречается в наших описях не столь уж часто), сколько тем, что он иллюстрирует возможность “переноса” правил передачи земли в

манориальной курии через руки лорда, характерные для крестьянства, и на “благородных” тоже. Это является еще одним доказательством того обстоятельства, что, видимо, эта процедура, основанная на обычае, была очень устойчива и важна во внутренней жизни манора.

Еще в одном маноре, Хили, мы также находим лишь двух “благородных” на копигольде. Это Сэмюэль Хаммер (дата копии не указана), сосредоточивший в своих руках в названном маноре 17 акров угодий, состоявших из пахоты, пастбища и луга. С них Сэмюэль получает довольно приличный доход в 6£13s.4d., что составляет 7,8 s. с акра – и это при “нулевой” ренте (в данном случае нам известно доподлинно, что этот джентльмен был освобожден от выплаты ренты, ибо в описи записано, что “yearly rent - nil”).

Другой “благородный”, известный нам эсквайр Абель Бакли, по копии от 17 марта 1595 г., хозяйствует на 10,5 акрах копигольда, представляющего собой частично огороженный участок пахоты, а частично – огороженный участок пастбища в 6,5 акров. При достаточно высокой для такого небольшого участка ренте в 17 d. (1,6 d/акр.), названный эсквайр получает с него весьма невысокий доход. Он составляет всего 1£ в год (1,9 s/акр.). Впрочем, в данном случае невысокий уровень дохода объясняется довольно просто: дело в том, что эсквайр Бакли посчитал нужным иметь в своем хозяйстве, состоящем из более чем 400 акров фригольда, расположенного в трех разных манорах Рочдейла, и этот крошечный участок “обычной” земли, причем весьма невысокого качества. Но оказывается, что, как указано в описи манора Хили, он владеет очень скудным пастбищем, на котором, должно, быть, трава едва прорастала сквозь камни. Ведь в документах специально отмечено это обстоятельство: “close of very stony pasture”. Тем не менее, и кусочек этого “каменистого пастбища”, практически не приносящего дохода, оказывается совсем не лишним в хозяйстве нашего предприимчивого эсквайра – об этом свидетельствует сам факт его наличия в руках Абеля Бакли, да еще в течение довольно длительного времени – более чем 20 лет на

момент описи. Вот она, “предприимчивость” сельских сквайров начала XVII в. - на свой собственный, местный, лад. В ней мы не увидим героических попыток “коммерческого авантюризма ” с целью проникновения в близлежащие города, торговые союзы и компании... Нет – на местном, локальном, уровне все обстояло значительно скромнее: речь шла о неприметном, подчас чуть ли не робком внедрении на копигольд (в рамках манориального права – через оформление копии в курии). Но зато с каким вдохновенным упорством оно осуществлялось! Препятствием на пути к овладению копигольдом не мог служить, как выясняется, даже весьма невысокий уровень дохода с этого копигольда – всякий доход был хорош! Вот в этом-то, подчас поражающем меня, упорстве и “неприметности” внедрения на обычное держание (еще раз подчеркну: именно в рамках манориального обычая), между прочим, и могла состоять в данном регионе основная угроза этому виду землепользования. Мы не наблюдаем здесь воздействия на крестьянское хозяйство тех разрушительных вступных файнов, которые представляли для него основную опасность на Юго-Западе Англии. В данном случае роль такой опасности играл процесс проникновения “благородных” на копигольд; причем в их число входили не “пришельцы” из близлежащих городов, а свои, местные, сквайры.

Подтверждением этого, в частности, является и то обстоятельство, что в следующем из интересующих нас маноров, маноре Уайтверф, мы находим на копигольде вполне компактную группу “благородных” – целых 8 человек. Кто они? Мы узнаем это из таблицы № 49.

Таблица 49. Дворянский копигольд манора Уайтверф

Имя	Статус	Площадь (акр.)	Доход	Доход с акра (s.)	Рента	Рента за акр (d)
1. Чарльз Наталл	gentleman	16,5	1J 2s.4d.	1,4	2s.8d.	1,9
2. Эдуард Баттерверф	esquire	53,5	3,6 J	1,4	7s.9d.	1,7
3. Роберт Ховорф	esquire	40	2J 6s.8d.	1,2	-	-
4. Абель Бакли	esquire	37,5	2J 13s.4d.	1,4	-	-
5. Джон	gentleman	126	16J 13s.	2,6	17s.	1,6

Бэлфилд						
6.Роберт Холт	esquire	187	11J	1,2	10s.	0,1
7.Ричард Энтвисл	gentleman	12	1J.13s.	2,8	2s.1d.	1,9
8.Джон Чадвик	gentleman	6	1J6s8d	4,4	-	-
<b>8</b>	<b>8</b>	<b>478,5</b>	<b>40,4 J</b>	<b>1,7</b>	<b>39,5s.</b>	<b>1,2</b>

Итак, как видно из таблицы, восемь “благородных” сосредоточили в своих руках в маноре Уайтверф 478,5 акра копигольда – 55,3 % общей площади этого вида крестьянского держания в данном маноре.<sup>43</sup> Таким образом, более половины земельной площади обычного держания – этого изначально “крестьянского” вида землепользования (а практически – и землевладения) находилась в маноре Уайтверф уже не в руках самого крестьянства. Напомним здесь, что и в целом по манориальному комплексу Рочдейл в руках дворян была сосредоточена почти половина площади копигольда: 49,2% этого вида держания<sup>44</sup>. Уже одно это обстоятельство говорит об успехах отмеченного нами постепенного (но упорного) процесса проникновения “благородных” на крестьянский копигольд, осуществляемого в рамках манориального обычая. Несомненно, что этот процесс, как уже отмечалось, представлял собой хотя и завуалированную (по форме), но явную (по сути) угрозу крестьянскому копигольду.

Однако в этой связи перед нами встает интересная проблема. Если, как было сказано выше, описи маноров поместья Рочдейл совершенно не фиксируют вступных файлов (и на крестьянском, и на “благородном” копигольде) – их просто не выплачивало крестьянство данного региона – то был ли смысл для манориальных лордов открывать путь к доступу на копигольд дворянам? Ведь владельцы поместного комплекса, давая местным эсквайрам “добро” на оформление копий, в соответствии с тем, как этого требовал обычай, ничего не приобретали; они не получали с них платы за “вхождение” в держание (тем более высокой, “взвинчиваемой”

<sup>43</sup> Общая площадь копигольда в Уайтверф составляла 864,2 акра. (см. таблицу № 47).

<sup>44</sup> См. таблицу № 47.

манориальными лордами так, как это было, например, на Юго-Западе), так как (повторим) в данной местности фэйны здесь в принципе не выплачивались. Как же тогда быть? Как разрешить эту загадку – ведь согласитесь, что трудно поверить в полное бескорыстие владельцев поместья Рочдейл по отношению к указанному процессу проникновения “благородных” на “обычную” землю; тем более, что и по собственному исследованию маноров Пемброков, и по литературе я знаю, что этот процесс как раз предполагал “запуск” дворян на копигольд при условии выплаты ими тех самых высоких фэйнов, которые были не в состоянии выплачивать крестьяне при смене копий.

Я долго думала над этим противоречием (полное отсутствие фэйнов при значительной концентрации крестьянского копигольда в руках “благородных”) и пришла к выводу о том, что, похоже, оно являлось *отражением своеобразной политики местных магнатов вроде манориальных лордов поместья Рочдейл, острие которой вполне сознательно могло быть направлено против наплыва в их маноры “пришельцев извне”*. В какой-то степени этот процесс мог отражать (на практическом уровне), да еще в канун классовых битв в стране, предпосылки формирования того самого феномена, который А. Эверитт, создавая свою концепцию, именовал “локальной автономией”<sup>45</sup>? Понятно, в виду вовсе не имеется процесс формирования какой-то автономной, иерархической социальной структуры Ланкашира в предреволюционные годы – для того, чтобы говорить об этом, мы не располагаем достаточным количеством подходящих источников; да анализ этих широких социальных процессов никогда даже отдаленно не входил в мои планы. Нет, *речь идет о достаточно скромном, “микрлокальном” процессе создания некой провинциальной, внутриместной элиты, состоящей из местного дворянства, в ряды которой не допускались чужаки*. И действительно, как

---

<sup>45</sup> Everitt A. The Community of Kent and the Great Rebellion, 1600-1660. Leicester, 1966; Idem. The Local Community and the Great Rebellion. L., 1969.



*уже показывает наше подробное описание дворянского копигольда, и особенно именной состав тех, в чьих руках он находился, на территорию обычного держания допускались только свои, местные, хорошо знакомые манориальной администрации (и нам – в процессе изучения описей) “благородные”, владевшие к тому же не одной сотней акров фригольда в близлежащих манорах.<sup>46</sup> Мы не найдем в их числе, пожалуй, ни одного пришельца извне (во всяком случае, даже в тех единичных случаях, когда нам встречались незнакомые имена, вроде имени эсквайра Ростхорна из манора Спотлэнд, – при них не содержалось сведений, которые бы указывали на “внепоместное” происхождение их носителей). Думаю, что и в процессе проникновения джентри на копигольд сказалось то самое “сознательно-разрешающее” участие манориальной администрации, о котором речь шла выше, когда мы анализировали процесс концентрации в руках немногих дворянского фригольда.*

*Итак, небольшая группа местного джентри, не превышающая двух десятков человек, собирает, при покровительственном отношении манориальной администрации, во многих манорах комплекса не только свободную по своему статусу землю, но и землю “обычную”... Причем, судя по всему, в обнаруженном нами процессе укрепления материального благосостояния этой местной элиты были заинтересованы не только сами ее представители, но и владельцы маноров вместе со своей администрацией, занимающие промежуточное положение между нею и номинальными собственниками Рочдейла, каковыми, как мы помним, исторически являлись короли Англии. Возможно, что сам факт создания такого мощного слоя зажиточного джентри в трудные и тревожные времена перед “Великим мятежом”, наступление которого предчувствовалось на всех уровнях общества того времени, искупал для владельцев поместного комплекса*

---

<sup>46</sup> Думаю, мы еще раз убедимся в этом чуть ниже, когда речь пойдет о сравнении условий держаний фригольда и копигольда, сосредоточенных в руках наиболее часто встречающихся в наших описях “благородных”.

*некоторые потери материального плана, связанные, в частности, с отсутствием файлов при вступлении “благородных” на копигольд.*

Но вернемся к анализу интересующей нас таблицы. Мы видим, что в руках “благородных” манора Уайтверф сосредоточены различные по площади участки копигольда. В основном это дотаточно крупные блоки земли. Так, Роберт Холт (согласно копии от 21 октября 1624 г.) сосредоточил в своих руках более 180 аров “обычной” земли, за которые платит низкую ренту и с которых получает весьма невысокий годовой доход в 11£. Этот случай интересен, однако, тем, что, как выясняется из описи, данный участок земли адресован нашему эсквайру не кем-то из таких же, как он, “благородных” жителей манора, он также не является “выморочной недвижимостью”, которую можно было заполучить после смерти копигольдера в курии; наконец, его приобретение нельзя расценивать как результат насильственного внедрения на чью-то землю без разрешения традиционного держателя этой земли (внедрения, которое могло проводиться лишь по инициативе лорда или представителей его администрации – конечно же, опять-таки через курию)<sup>47</sup> ... Нет, в данном случае перед нами необычное явление – реверсия (напомню – передача участка земли через руки лорда в манориальной курии), сознательно “организованная” для видного представителя местной владельческой элиты обыкновенным копигольдером и его семьей. Некий держатель Джон Пиллинг, его жена Дженнет и сын Эдмонд с невесткой Сибиллой являются, как записано в источнике, инициаторами этой реверсии, они передают свой крупный участок копигольда не кому-нибудь, а именно известному в округе эсквайру Холту. Причины, побудившие их к этому, остаются нам неизвестными, однако сам факт свидетельствует о том, насколько тесно в манориальном мире переплетались человеческие судьбы...<sup>48</sup>

---

<sup>47</sup> А именно такими, как показывают описи маноров, были традиционные пути проникновения “благородных” на копигольд.

<sup>48</sup> Приведенный нами факт вызывает достаточно много предположений. Во-первых, это могла быть насильственно организованная самим же эсквайром Холтом реверсия, который,

Далее, джентльмен Джон Бэлфилд хозяйствует на участке в 126 акров, получая при этом также невысокий доход в 2,6 s/акр. Эсквайры Эдуард Баттерверф, Роберт Ховорф и Абель Бакли проникли на более скромные по площади участки (от 37,5 до 53,5 акров), также приносящие им весьма невысокий годовой доход. Джентльмены Джон Чадвик, Ричард Энтвисл и Чарльз Наталл, хозяйствуя на участках копигольда, площадь которых не достигает и 20 акров, получают доход с акра в 1,4 s. (в двух последних случаях; при весьма высокой ренте) и в 4,4s. (в случае Джона Чадвика; при отсутствии ренты). И опять мы видим, что доход с незначительного участка копигольда (в данном случае с 6 акр.) мог быть относительно выше, чем с крупного участка “обычной” земли, находящейся в руках “благородных”. В целом же доход с “благородного” копигольда и здесь, как мы видим, совсем невелик: он составляет всего-то 1,7 s/акр.

Теперь, когда мы, наконец, закончили, на основе источников, описание и анализ “дворянского” копигольда, имеет смысл вернуться к интересующему нас вопросу о соотношении уровней дохода “благородных” с земли различных юридических статусов.

Как мы выяснили ранее, в ходе исследования, посвященного свободному держанию Рочдейла, средний уровень дохода с акра *дворянского фригольда манориального типа* по всему владельческому комплексу составил 0,3£ (около 6,7s/акр.). Далее, мы также помним, что средний доход с акра *внутригородского дворянского фригольда* составил, согласно нашим подсчетам, почти астрономическую цифру 16,2£ (324 s/акр.). А вот соответствующий “показатель” на *копигольде в руках “благородных”*

---

позарившись на крупный участок, мог принудить держателя Пиллинга к данному действию (хотя, с другой стороны, он мог через голову Пиллинга и просто обратиться к стюарду с просьбой о “введении” на этот участок, как это, видимо, в большинстве случаев и происходило). Возможно также, что семья копигольдера была обязана Холту чем-то важным, и в знак благодарности инициировала в курии реверсию... Наконец, Пиллинги всей семьей могли испросить разрешения у лорда на переселение в другой манор или город, заплатить требуемый в этом случае денежный взнос – и податься “на выселки”. Да мало ли еще что! Жаль, что истинных причин подобного явления мы не узнаем никогда, однако сам факт того, что манориальные описи иногда могут наводить на подобные размышления о действиях и событиях, не лишенных некоторой “жизненной динамики”, является их неоспоримым достоинством.

равнялся всего лишь 2 s/акр.<sup>49</sup> Итак, эти цифры еще раз с полной очевидностью доказывают, что *проникновение “благородных” на копигольд было невыгодной политикой прежде всего для них самих, если судить об этом с точки зрения такого показателя, как годовой доход с земли. “Классические” фригольдерские держания внутриманориального типа приносили гораздо больше выгоды, не говоря уже о том, как много могло дать (и давало, как мы показали это выше) хозяйствование даже на небольших “клочках” внутригородского фригольда.* К таким вот выводам приводят нас наши источники.

Подтверждение этому мы можем найти и на так называемом уровне “обобщающих” примеров. Попытаемся сравнить доходность участков фригольда и копигольда, сосредоточенных в руках какого-нибудь наиболее яркого представителя внутриманориальной элиты, собиравшего в манорах Рочдейла землю обоих указанных статусов. Тот из читателей, кто подумал, что речь в этом случае пойдет прежде всего о эсквайре Роберте Холте, не сделал ошибки. Именно его пример в наибольшей степени подходит для этой цели.<sup>50</sup>

---

<sup>49</sup> Согласно нашим подсчетам, общая сумма дохода с дворянского копигольда составила в абсолютных цифрах **273,5J**, в то время как общая сумма дохода с дворянского фригольда – **5048,8J**. Таким образом, доход с фригольда превышал соответствующий “показатель” на копигольде в руках дворян в 18,5 раза, в то время как площадь дворянского фригольда превышала площадь копигольда, занятую “благородными”, лишь в 5,8 раза (сравните: 15965,6 акр. и 2769,2 акр.).

<sup>50</sup> Однако, чтобы наше, высказанное чуть раньше, утверждение о том, что в состав внутриманориальной “элиты” Рочдейла входили знакомые нам джентльмены, не выглядело голословным, приведем здесь имена тех, кто, сосредотачивая в своих руках участки не только фригольда, но и крестьянского копигольда, собрал таким образом значительные земельные массивы. Это, помимо **Роберта Холта, эсквайры Чарльз Холт, Генри Радклифф, Йордан Чадвик, Эдуард Баттерсверф, Фрэнсис Холт, Джеймс Хеллиуэлл, Эдуард Аткинсон, Сэвил Радклифф, Джеральд Скоффилд, Роберт Ховорф, Ричард Энтвисл, Теофил Холт, Абель Бакли, Катерина Холт, Сэмюэль Хаммер, Ричард Холт и Джон Белфилд.** Действительно, в составе этих людей нет “пришельцев” извне манориального комплекса, все они свои, местные. Они и составляют представительную локальную элиту. К сожалению, я не имею возможности подробно анализировать здесь имущественное положение каждого (хотя я все это тщательно просчитала в черновых таблицах, собрав землю каждого из них по фригольду и копигольду отдельно по различным манорам, подсчитав доход с земли различных статусов и т.д.). Однако, думаю, что примера Роберта Холта как наиболее активного “скваттера” и “собирателя земель”, приведенного в тексте, будет достаточно.

Итак, посмотрим, на основании обобщенных данных о владениях нашего эсквайра в разных манорах (по фригольду и копигольду в отдельности), какой из этих видов держаний был наиболее выгоден для этого “собирателя земель”. Обратимся к таблице № 50.

Таблица 50. Владения эсквайра Роберта Холта

### Фригольд

Название манора	Площадь (акр.)	Доход (£)	Доход с акра (s)
1. Castleton	1055	496	9,4
2. Buttersworth	535,5	17,8	3,2
3. Clegg	110,5	54,3	9,8
4. Werdle	152	95,8	10
5. Wardle	616	208	6,7
6. Blatchingworth	472	151,8	6,4
7. Hundersfield	158	30	3,8
8. Spotland	200	118	11,8
9. Chadwick	115	55	9,6
10. Healy	123	41,8	6,8
11. Whiteworth	12	3,5	5,8
11	<b>3549</b>	<b>1272</b>	<b>7,2</b>

### Копигольд

1. Castleton	34,5	17,1	9,8
2. Wardle	80	14,1	3,5
3. Blatchingworth	3,5	0,3	2,0
4. Hundersfield	186,5	9,0	0,9
5. Chadwick	116,5	4,5	0,7
6. Spotland	22	1,8	1,6
7. Whiteworth	187	11	1,2
7	<b>630</b>	<b>57,8</b>	<b>1,8</b>

Итак, мы видим, что Роберт Холт собрал, помимо огромного массива фригольда в три с половиной тысячи акров в 11 манорах Рочдейла, еще и 630 акров копигольда, расположенного в 7 манорах поместного комплекса. Он не пренебрегал при этом даже маленькими участочками вроде участка в 3,5 акра в Блетчингверф.

Но нам сразу же бросается в глаза тот факт, что доход с фригольда у названного эсквайра значительно (в 22 раза, если сравнивать абсолютные цифры) превышал доход с копигольда<sup>51</sup>.

Добавим к этому, что примерно такую же картину между соотношением доходов с фригольда и копигольда мы наблюдаем и у других джентльменов, входящих в местную владельческую элиту. Так, в среднем, доход с акра всего фригольда, сосредоточенного в руках эсквайра Абея Бакли в трех манорах, превышал доход с акра копигольда, собранного по четырем манорам этим же эсквайром, в 2,8 раза; у джентльмена Йордана Чадвика соответствующий показатель был равен цифре 2,3; у Эдуарда Баттерсверфа – цифре 4,7; у Джеймса Хэллиуэлла – 2,4 и т.д.

Действительно, как показывают и наши “обобщенные примеры”, наряду с многочисленными индивидуальными, проанализированными выше, – доходность “дворянского” копигольда была невысока и явно уступала уровню доходности внутриманориального фригольда, находившегося в руках “благородных” – вывод, который прямо противоречит установившемуся в историографии мнению о том, что в период аграрной революции в Англии копигольд мог привлекать джентльменов как особый источник дохода.<sup>52</sup> Согласно нашим наблюдениям, он мог являться и являлся *дополнительным* источником такого рода, которым, тем не менее, отнюдь не пренебрегали местные сквайры-фригольдеры, настроенные на максимально интенсивное использование земли любого юридического статуса.

### 3. Крестьянский копигольд комплекса Рочдейл

А теперь настала пора более пристально рассмотреть крестьянский копигольд Рочдейла первой трети XVII в. Мы помним, что за вычетом 2769,2 акров «дворянского» копигольда, сосредоточенного в руках 43 джентльменов

---

<sup>51</sup> В то время как цифра кратности между площадями этих видов держаний составляла цифру значительно меньшую: площадь фригольда, находившегося в руках Холта, превышала площадь копигольда лишь в 5,6 раза.

<sup>52</sup> Towney R.H. *Agrarian Problem in the Sixteen Century*. L., 1912.

(см. таблицу № 47), практически вся остальная площадь обычного держания, составлявшая 2804 акра, была собрана 189 *крестьянами*-копигольдерами. Таким образом, как уже указывалось выше, представители этого вида копигольда были гораздо более многочисленны, превышая количество «благородных» на нем в 4,4 раза. В то же время они хозяйствовали на площади обычного держания, практически равной площади «дворянского» копигольда.<sup>53</sup>

Рассмотрим же специфику крестьянского копигольда по отдельным манорам (см. таблицу № 51).

Таблица 51. Крестьянский копигольд.

Название манора	Численность (чел.)	Площадь (акр.)
Castleton	5	26,5
Marland	-	-
Newbold	-	-
Beursill	-	-
Butterworth	-	-
Clegg	-	-
Hollingworth	-	-
Wardleworth	7	32
Wuerdale	-	-
Wardle	18	131,6
Blatchingworth	18	617,3
Walsden	8	321,5
Todmorden	3	104,0
Faling	-	-
Chadwick	11	91,3
Spotland	37	209,2
Walstenholm	17	443,0
Healy	8	115,5
Whiteworth	41	385,7
Rosendale	16	326,5
<b>Total</b>	<b>189</b>	<b>2804</b>

Мы видим, что копигольдеры-крестьяне, как и вся масса обычных держателей, зафиксированная описями (включая благородных), рассредоточены по манорам достаточно неравномерно. Мы уже подробно говорили о специфике распределения всех держателей, зафиксированных описями в качестве копигольдеров, по отдельным поместьям, отмечая весьма

<sup>53</sup> Напомню, что площадь «дворянского» копигольда составляла 49,2%, а крестьянского - 49,8% всей площади держаний, зафиксированных описями в качестве «обычных». 1%

невысокий удельный вес этого вида землепользования в нашем регионе и его подчиненную роль по отношению к свободному держанию (даже с учетом фактора включения в описях в разряд «обычной» земли и «дворянского» копигольда). Здесь же мы, пожалуй, имеем возможность убедиться в этом и на примере собственно *крестьянского* копигольда. Действительно, судя по таблице, по тексту самих описей и по нашим многочисленным черновым «зарисовкам» состояния дел на указанном виде держания («зарисовкам», нередко остающимся «за кадром») – обычное держание в его классической форме, то есть *держание, закрепленное непосредственно за крестьянами на основании копий протоколов о держании, составленных в манориальной курии*, явно свидетельствовало о недостаточно широком распространении в северо-западном «углу» Англии этого вида землепользования.

«Как же так?» – вправе задать вопрос читатель. Разве можно говорить о недостаточно широком распространении крестьянского копигольда, если в манорах Рочдейла, как видно из таблицы 51, насчитывалось целых 189 копигольдеров крестьянского типа – 80,8% всех держателей, зафиксированных описями в разделе «держание по обычаю»? Несомненно, указанная цифра как будто бы впечатляет. Но это только на первый взгляд – ведь речь идет о крупном поместном комплексе, состоящем не из пяти-семи, а из двадцати маноров. На поверку же оказывается, что в восьми из них копигольдеров-крестьян не было вовсе (маноры Марланд, Ньюболд, Берсилл, Баттерверф, Клегг, Холлингверф, Вердал, Фалинг). В пяти манорах не набиралось и десятка копигольдеров крестьянского типа (Каслтон, Валсден, Вардлверф, Годморден, Хили). В Вардл, Блетчингверф, Чадвик, Спотлэнд, Россендейл численность интересующих нас держателей не превышала 20 человек на манор. И только два из них были полны копигольдеров-крестьян: в манорах Спотлэнд и Уайтверф их насчитывалось соответственно 37 и 41 чел.

---

земельной площади приходился на скудный «городской» копигольд.



Между тем, если мы попытаемся на некоторое время вернуться в наш «добрый старый» Уилтшир, то увидим, что, например, в 60-е гг. XVI в. всего в 12 манорах графов Пемброков насчитывалось, за вычетом 39 представителей некрестьянских сословных элементов на копигольде (6 дворян, 32 горожан Вилтона и одного клирика), целых 244 держателя, обозначенных в описях в качестве держателей по обычаю. Да и заполнены копигольдерами-крестьянами маноры Пемброков указанного времени гораздо основательнее: так, среди этих маноров нет ни одного, где бы не присутствовали интересующие нас держатели; ни в одном из них не насчитывается менее десятка копигольдеров-крестьян – напротив, в таких, например, манорах как Балбридж, Брод Чок, Динтон, Уайли, Чилмарк мы можем зафиксировать по 35, 47, 32, 24, 27 копигольдеров-крестьян соответственно.

Что касается состава держателей 17 маноров Пемброков, состояние дел в которых было изучено мной для 30-х гг. XVII в., то в них, за вычетом 6 дворян и 11 горожан на копигольде, в указанное время насчитывалось целых 359 (95,4%<sup>54</sup>) держателей, зафиксированных описями в качестве держателей крестьянского типа. Таким образом, согласно описям, численность копигольдеров крестьянского типа в 17 манорах Уилтшира первой трети XVII столетия в 1,9 раза превышала численность этого же вида держателей в тот же период в 20 манорах Ланкашира.<sup>55</sup>

Кроме того, как уже неоднократно указывалось выше, характеризуя, на основании анализа манориальных описей, ту или иную сословную группу, недостаточно принимать в расчет лишь такой показатель как численность ее представителей. Гораздо более важным принципом работы с источниками по аграрной истории, ввиду его особой доказательности, основанной на выявлении реальной социальной стратификации деревенского общества,

---

<sup>54</sup> Из 376 копигольдеров – такова была их общая численность по 17 манорам Пемброков первой трети XVII в.

<sup>55</sup> 359: 189 = 1,899...

является принцип учета земельной площади, находящейся в распоряжении того или иного вида держателей.

Давайте посмотрим, что можно сказать о крестьянском копигольде Рочдейла, если принять во внимание указанный принцип.

Как следует из составленных нами таблиц 47 и 51 и как уже указывалось выше, площадь «чисто» крестьянского копигольда в целом составляла 2804 акра или 49,8% общей площади этого вида держания.<sup>56</sup> Итак, в руках 80,8% держателей-крестьян находилось лишь 49,8% площади крестьянского копигольда. Уже эта, весьма явная, диспропорциональность между численностью держателей и размерами их земельной площади свидетельствует о некотором «неблагополучии» в среде ланкаширского крестьянства, если критерием благополучия считать пусть уж не верхнюю границу крестьянского надела в 120 акров, то хотя бы надел в две виргаты или 60 акров, традиционно расценивающихся в нашей историографии в качестве верхней границей *среднего* крестьянского держания.<sup>57</sup> Весьма ярким, хотя пока и сомнительным свидетельством этого «неблагополучия», то есть – другими словами – свидетельством *скудости* наделения крестьян Ланкашира землей<sup>58</sup>, является такой, достаточно «технический», показатель как средний размер крестьянского надела по всему манориальному комплексу. В манорах Рочдейла он равен всего 14,8 акр. земельной площади<sup>59</sup>!

---

<sup>56</sup> Напомню, что общая площадь копигольда (с учетом, в основном, копигольда «благородных») составляла 5629,2 акра.

<sup>57</sup> См. Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии. М., 1958; Он же. Исследования по аграрной истории Англии XVII-XIX вв. М., 1966; Винокурова М.В. Английское крестьянство..., М., 1992. С. 136-137.

<sup>58</sup> Именно *скудость* наделения землей крестьянства Рочдейла, что в Ланкашире, я и имею в виду, когда говорю о недостаточно широком распространении крестьянского землепользования в указанном регионе.

<sup>59</sup>  $2804 : 189 = 14,8...$  Для сравнения: идентичный «показатель» в манорах Пемброков той же первой трети XVII в. равнялся 62 акрам – а ведь мы считали и крестьянство юго-западной Англии, ввиду явно проявляющейся в его среде имущественной дифференциации, не вполне «благополучным». Убедимся же еще раз, что все познается в сравнении. Впрочем, к процессу дифференциации крестьянства Ланкашира (и его сравнению с дифференциацией крестьянства на Юго-Западе Англии) мы еще обратимся впоследствии.

Мыслимо ли это? Неужели и впрямь крестьяне Рочдейла были так бедны?

Прежде чем переходить к доказательствам обобщающего порядка (я имею в виду анализ такой важной в данном случае проблемы как имущественная дифференциация в среде крестьян-копигольдеров), попробуем достичь «чистоты эксперимента» за счет случайной выборки. Для этого возьмем наудачу, скажем, по пять держателей от начала списка<sup>60</sup> в описях каждого из маноров Рочдейла (включая, между прочим, маноры Валсен и Россендейл, состав держателей в которых мы впоследствии проанализируем особо на предмет выявления в них «последних вилланов») и обратим внимание на площадь их участков<sup>61</sup>. Кстати, эта попытка, как я надеюсь, поможет нам, хотя бы частично, обрисовать правовую специфику держаний по копии, а также – в некоторых случаях – специфику «повседневного» во внутренней жизни маноров.

Итак, манор Каслтон. В нем действительно лишь 5 держателей крестьянского типа. Кто они? Это, во-первых, Эдмонд Купер, который держит по копии от 4 августа 1622 г.,<sup>62</sup> (причем на основании теперь уже хорошо известной нам формулы «to him and his», свидетельствующей о юридической чистоте «внутриманориального порядка», то есть о сугубо «обычном» характере его держания, которое, по обычаю, перейдет его *кровным* родственникам) участок земли, расположенный, как записано в описи, «рядом с участком Роберта Холта». Площадь участка Эдмонда равна 14 акрам. Далее, под номером два, в описи числится крестьянин Оттиуелл Уоррал, который держит сроком на три жизни участок площадью всего в 2 акра (в копии от 7 октября 1622 г. упоминаются, кроме него, еще его жена

---

<sup>60</sup> Можно было бы взять и большее количество крестьян, но мы ограничены тем обстоятельством, что в первом из маноров (Каслтон) их всего пять. В маноре Тодморден, правда, держателей крестьянского типа и того меньше – всего три человека; но брать, проводя наш локальный эксперимент, по три крестьянина от манора, было бы не очень-то правильно по причине низкой репрезентативности такого рода опыта.

<sup>61</sup> Уровень рент и доходности каждого из участков пока не будем особенно принимать во внимание, во всяком случае – не будем делать обобщений по поводу этих данных. Это предмет особого рассмотрения.

Мэри и сын Сэмюэл, которым, на основании формулы “to him and his”, согласно обычаю, перейдет данная земля). Следующий держатель, которого зовут Фрэнсис Скоффилд, держит по копии от 13 апреля 1622 г. на себя, свою жену Мэри и сына Сэмюэла (3 жизни, формула та же<sup>63</sup>) 4,5 акра «обычной» земли. Четвертый крестьянин манора по имени Роберт Коллинг держит по копии от 14 мая 1622 г. все на тех же условиях участок площадью 3,5 акра (кстати, жену его, как и в только что указанных двух случаях, также зовут Мэри, а сына – Сэмюэл<sup>64</sup>). И, наконец, пятый и последний из держателей крестьянского типа в данном маноре, Роджер Уайтворф, согласно своей копии от 14 сентября 1626 г., хозяйствует на маленьком клочке земли, находящейся у местного болота (near Castleton Moor),<sup>65</sup> площадью в 2,5 акра.

Так что, как мы видим, обычные держатели первого из наших маноров отнюдь не страдали от переизбытка земельной площади. Держания их крайне скудны; в четырех случаях из пяти перед нами – типично коттерские держания. Совокупная площадь крестьянского копигольда в этом маноре составляет всего 26,5 акра.

Следующий из интересующих нас для данного случая маноров – Вардлверф. Мы помним, что это «манор-город»; однако в данном случае нам просто надо сосредоточить свое внимание на участках копигольда. Нас будут интересовать лишь копигольдеры-крестьяне, причем, согласно условиям нашего локального «эксперимента», всего пятеро из них (из семи, зафиксированных описью), следующие друг за другом в порядке прямой очередности.

Итак, первый из них – крестьянин Чадвик (имя собственное не указано, как и срок оформления копии). Зато в данном случае указан тип держания: это участок пахоты площадью в 2,5 акра. За ним следует крестьянин Генри Гарсайд, который держит по копии от 27 марта 1595 г. участок копигольда в

---

<sup>62</sup> The Survey of the Manor of Rochdale in the County of Lancaster... 1626. Manchester, 1913. P. 10.

<sup>63</sup> Op. cit. P.11.

<sup>64</sup> Op. cit. P.11.

4,2 акра. Держатель номер три – Исаак Клегг, который держит по копии (срок оформления не указан) 13,2 акра копигольда за ренту 20 d. в год. Четвертый держатель – крестьянин Чарльз Наталл, который получил путем реверсии, по передаче (by surrender) от своего отца в манориальной курии (дата копии, правда, как и в предыдущих случаях, не указана) 5,85 акров копигольда. И, наконец, копигольдер Сэмюэль Хаммер, согласно копии от 27 января 1598 г., держит огороженный участок пахоты общей площадью в 3,75 акров.<sup>66</sup>

Итак, мы видим, что и в этом маноре участки крестьян более чем скромны: опять в четырех случаях из пяти мы имеем дело с держаниями коттеров. Совокупная же площадь всего копигольда данного манора (с учетом земельной площади еще двух держателей, не названных нами), составляет лишь 32 акра.

Третий из интересующих нас маноров – Вардл, с его 18 держателями по обычаю, из которых в данном случае нас будут интересовать первые пятеро.<sup>67</sup>

Первая из них – Мери Клегг, о которой в описи ничего не сказано, кроме того, что она держит пять акров копигольда. Второй держатель, Гилберт Дакворф, по копии от 27 января 1598 г., держит три акра земли указанного юридического статуса. Держатель номер три, Джон Милн, копия которого была составлена в курии 7 марта 1624 г., «по передаче» от эсквайра Теофила Аштона держит месуагий и 20,25 копигольда, за которые платит ренту 3s. (1,6 d/акр.). Далее, крестьянин Ральф Хаммер по копии от 10 октября 1598 г. держит участок копигольда площадью всего 5 акров от своего отца Ральфа-старшего. И, наконец, Джеймс Филдинг на основании сразу трех

---

<sup>65</sup> Op. cit. P.12.

<sup>66</sup> Условия держаний всех указанных копигольдеров манора Вардлверф см: Op. cit. P. 94-95.

<sup>67</sup> В описи данного манора имена держателей-крестьян следуют за именами «благородных» копигольдеров, хотя такая очередность вовсе не является правилом; нередко клерки фиксировали в описях представителей указанных социальных категорий «внутри» копигольда вполне произвольно.

копий, последовательно составленных на его имя в 1595, 1598 и 1609 гг., держит 20, 25 акров копигольда.<sup>68</sup>

Как мы видим, и в данном случае крестьянские держания весьма скудны; держания в 20 акров на фоне коттерских участков представляются чуть ли не «гигантскими»... Кстати, площадь земли всех 18 держателей по обычаю, зафиксированных описью данного манора, составляет всего 131,6 акра (таким образом, в среднем на каждого крестьянина Валсден приходится всего по 7,3 акр.).

Так может быть следующий из маноров, Блетчингверф, явит нам иную картину? Возможно, в нем, не забывая о принципе нашей выборки, мы найдем крестьян, за которых мы смогли бы порадоваться как за держателей крупных земельных участков? Посмотрим, так ли это.

В маноре Блетчингверф опись, так же, как и в предыдущем случае, фиксирует 18 крестьян. Нам нужны первые пять человек, зафиксированные в списке. Это, во-первых, держатель Ральф Милн, который, согласно копии от 21 мая 22 года правления короля Якова «по передаче» от некоего Ричарда Лайтоллерза (кто он, этот последний: родственник, сосед, друг, опекун?) держит мизерный земельный участок копигольда площадью в 1 акр 1 руду 2 перча (всего – около 1,75 акра) за годовую ренту в 4d.<sup>69</sup> Следующий крестьянин, Ричард Ансворф, согласно копии от 16 сентября 1622 г. и «по передаче» от своего отца, Александра Ансворфа, держит на момент описи 5 акров земельной площади.<sup>70</sup> Что можно сказать о третьем держателе? Его

---

<sup>68</sup> Условия держаний всех означенных копигольдеров манора Вардл см.: *Op.cit.* P. 103-105.

<sup>69</sup> *Survey...* P. 127.

<sup>70</sup> *Op. cit.* Интересно, что в описи в данном случае, что совсем нехарактерно для документов подобного рода, отмечена дальнейшая «держательская судьба» этой крестьянской фамилии. Оказывается, что 7 мая 1633 г. означенный Ричард Ансворф умирает, прожив на своем небольшом участке, таким образом, примерно 13 лет, и, чувствуя приближение смерти, передает в курии землю, согласно правилам, предписываемым обычаем, своему сыну Александру. Тот, проработав на ней всего около полутора лет, по неизвестным причинам отказывается от нее и 4 октября 1634 г. передает участок через руки лорда своему двоюродному брату Йордану Чадвику (имя которого уже встречалось нам на предыдущих страницах как имя достаточно крупного фригольдера, либо названный Чадвик мог быть полным тезкой знакомого нам фригольдера). Тот, в свою очередь, по прошествии 8 лет, в 1642 г. - через курию – некоему Джеральду

имя – Йордан Чадвик. По копии «от 16 сентября 17 года правления короля Якова», он держит, как записано в описи, целых 115 акров копигольда! Наконец-то мы видим некоторый просвет в череде безрадостных свидетельств источника о скудости земельных наделов крестьян Рочдейла! Действительно, по сравнению с массой других жителей многих маноров поместья, держатель Чадвик кажется чуть ли не Крезом. Хотя в сущности-то его участок даже немного «не дотягивает» до верхней границы обычного крестьянского держания в 120 акров (в манорах поместий Пемброков на Юго-Западе Англии мы видели массу гораздо более зажиточных крестьян). К тому же и доход данный участок приносит небольшой: всего около 19£, что составляет лишь 2,2 s/акр. Но в данном случае дело не в этом. Для нас все-таки важен тот факт, что в среде держателей маноров Рочдейла, хотя и очень редко, но можно было встретить крестьян, хозяйствовавших на более или менее «приличной» земельной площади. И еще одно интересное для данного случая обстоятельство: названный в указанном случае в разделе «копигольд» Йордан Чадвик не фиксируется описью как «благородный» фригольдер – это дает нам основание предположить, что этот житель манора Блетчингверф, *будучи записан в среде собственно крестьянства*, по всей видимости, и мог явиться тем самым двоюродным братом (а, впрочем, скорее, его потомком) крестьянина Александра Ансворфа, который, в свою очередь, был сыном только что упомянутого в качестве держателя номер два Ричарда Ансворфа.

---

Ньюоллу. На этом линия фиксации держателей в курии прерывается. Но вот что интересно: с какой целью, по чьему указанию (или собственному «наитию?»), короче - *почему вдруг* клерки допускают эту интерполяцию в тексте описи, весьма классической и «обыденной» по своей форме? Мог ли этот крохотный кусочек земли обладать како-то «стратегической», значительной с точки зрения локальной топографии или экономики, важностью? В источнике ничего не сказано по этому поводу, но, возможно, это мог быть участок угольных копей или каменоломен (а такие участки иногда, правда, очень редко, фиксируются описями)... Кроме того, изумляет и сам факт датировки этих интерполяций, повествующих о событиях 30-х и даже 40-х гг. XVII в. – периоде, когда в стране уже шла Гражданская война. А ведь составление самого свода описи датируется серединой двадцатых годов указанного столетия! Вот такие, своего рода, «локальные» загадки, исчерпывающе отгадать которые, очевидно, уже никогда не представится возможность. А хотелось бы. Зачем? Ответ прост – чтобы представить себе, «как все было на самом деле».

Так что, вероятно, в предыдущем случае речь могла идти все-таки о полном тезке знакомого нам фригольдера Йордана Чадвика, а не о нем самом (или его потомке).

Далее, за зажиточным держателем Чадвиком в нашем коротком, по условиям «эксперимента», списке следует крестьянин Вильям Роудс, который, согласно копии манориального протокола, составленного в курии 9 мая 1602 г., держит два огороженных участка пастбища общей площадью всего 4,5 акра. За них, как за участки огороженные, а, следовательно, казалось бы, выгодные, он выплачивает очень высокую ренту в целых 18 s., что составляет 48 d/акр.(!). Но при всем том доход он получает очень низкий: всего 13 s. или 2,8s/акр. Получается, что держатель платит за данный участок ренту, значительно превышающую его доход. Итак, перед нами - небольшой, да еще к тому же и нерентабельный копигольд. И, наконец, пятый, последний из интересующих нас в данном маноре держателей копигольда – Питер Холт, который хозяйствует на 9 акрах «обычной» земли, получая с них невысокий доход в 8 s. (0,8 s/акр.).<sup>71</sup>

Итак, надежды на то, что в данном маноре мы сможем встретить зажиточных крестьян, оправдались, с учетом нашей выборки, лишь в небольшой степени: порадовал только один из них, Йордан Чадвик. Хотя, забегая вперед, скажу, что, когда мы будем рассматривать проблему дифференциации держателей крестьянского типа по комплексу в целом, мы увидим, что именно Блетчингверф будет в наибольшей степени представлен относительно зажиточными держателями. Мы можем убедиться в этом и сейчас, если, скажем, обратим внимание на последний столбец таблицы № 47, в котором представлены данные, характеризующие общую площадь крестьянского копигольда по отдельным манорам: площадь указанного вида держания в маноре Блетчингверф - наибольшая среди всех других (617,3 акра), хотя количество держателей весьма среднее – 18 человек.

---

<sup>71</sup> Survey... P. 127-128.



Перейдем к рассмотрению положения дел в следующем маноре, название которого Валсден. В нем мы находим восемь копигольдеров крестьянского типа, первые пятеро из которых будут нас интересовать на предмет наделения их земельной площадью.

Не забудем, что особенностью данного манора является то обстоятельство, что его копигольд зафиксирован описью (составленной, как мы помним, в 20-х гг. XVII в.) как копигольд *крепостной*. В источниках манориальной истории такого вида держание (и об этом говорилось уже неоднократно) обозначается обычно как «villain copyhold» или «ancient copyhold», а его держатели принадлежат к категории крестьян, которых мы, вслед за А.Н. Савиным, называем «последними вилланами».

Таким образом, выясняется, что весь копигольд манора Валсден представляет из себя блок «старовилланских» держаний, если судить об этом явлении на основании терминологии источника. Это означает, как мы уже отмечали при анализе «дворянского» копигольда данного манора, что крестьяне-держатели Валсден не имели, очевидно, здесь документальных подтверждений своих прав на землю (а таким подтверждением у «настоящих» копигольдеров, как мы знаем, являлась копия манориального протокола о держании). Мы также помним, что последние вилланы отличались от «настоящих» копигольдеров тем, что *они обычно платили более высокие ренты* или были обязаны большим количеством отработочных и натуральных повинностей.

Посмотрим же на положение этих «последних вилланов». Первый из них – Абрахам Скоффилд, на основании показаний которого 21 мая 1625 г. в курии был составлен протокол о введении его в держание (копия этого протокола, очевидно, не была составлена и выдана Скоффилду на руки – иначе бы в описи присутствовала традиционная формула, свидетельствующая о держании классически «копигольдерского» типа:

«tenant by copy of court roll»<sup>72</sup>). Скоффилд ведет свое хозяйство на участке земли, площадь которого равняется 41 акр. В документе о держании указано также, что у этого крестьянина имеются амбар и сад. Рента его составляет 3 s. 8d. 9 (или 1,1d/акр.); данный, не такой уж мелкий участок земли, приносит, впрочем, невысокий доход в 5 фунтов (2,4 s/акр.).<sup>73</sup> Второй из «последних вилланов» Валсден, Майкл Ройд, составил в курии свой протокол о держании 4 мая 1625 г. и получил его (держание) «по передаче» (by surrender) сразу от трех семейных пар: «Джошуа Филдинга и его жены Мери, Уильяма Клегга с женой и [возможно, от вышеназванного] Абрахама Скоффилда, также с женой»<sup>74</sup>. Площадь участка представляется также вполне основательной; во

---

<sup>72</sup> В данном случае, как и в случаях, относящихся к «держательским судьбам» остальных семи крестьян данного манора, которых мы числим, вслед за источником, «последними вилланами», привлекает внимание отсутствие самого слова *копия*, что, несомненно, свидетельствует о том, что ее просто и не было составлено (в то время как в других манорах, в которых нет крепостного крестьянства, многие десятки случаев «настоящего», классически чистого для данного периода копигольда, держатели которого в целом давно уже освободились от личной зависимости, свидетельствуют о наличии в формуле о держании этого ключевого слова, а следовательно, и о физическом наличии самого документа). Другое дело, что в случае «настоящего» копигольда в документах могла присутствовать, а могла и не присутствовать формула «to him and his» или «sibi et suis» (что свидетельствовало о наличии возможности перехода того или иного участка копигольда к кровным родственникам или о проблематичности такой возможности). Однако само слово «копия» в документах о «настоящем» копигольде присутствовало всегда.

<sup>73</sup> Survey... P. 145.

<sup>74</sup> Op.cit. Это интересный и нетипичный случай передачи, очевидно, целого ряда (в данном примере – как минимум трех) земельных участков, да еще от целых семейств, в руки одного и того же, к тому же крепостного, держателя. Две семейные пары из числа передавших землю в курии, Скоффилды и Филдинги, совершенно очевидно также принадлежат к «последним вилланам», о чем свидетельствует фиксация глав этих семейств в держательском составе Валсден под номерами 1 и 11. Что касается Клеггов, то они могли быть родственниками Джона Клегга, «последнего виллана» № 4 из данного манора, но могли также принадлежать к типичным (а не крепостным) копигольдерам других маноров, в которых не так уж редко можно было встретить людей с указанной фамилией. Обстоятельства передачи земли через курию интересны еще и тем, что в данном случае в описи также имеется интерполяция более позднего времени, относящаяся к 40-50 гг. XVII в., свидетельствующая о серии передач указанного участка в 20,5 акра из рук в руки. Возможно, что столь длительное внимание манориальных властей к данному, в сущности, ничем особым не выделяющемуся «кусочку» земли, к тому же земли крепостного происхождения, объясняется тем, что, оказывается, у этой земли и ее держателей имеется опекун (guardian), некий Джон Стенфилд. Его сословное положение, правда, не указано, и он не известен мне в качестве лица, принадлежащего к местной дворянской или фригольдерской элите, о материальных интересах которого могли бы столь длительно заботиться местные власти. Однако сам факт наличия опекуна у участка

всяком случае, зафиксированный описью участок в 20,5 акра нельзя считать коттерским наделом. Скоффилд имеет сад и амбар, «расположенный на вершине холма», а также два небольших коттеджа в придачу. Он платит высокую ренту в 4 s.4d. (2,5d/акр.) и получает не такой уж низкий доход в 5£ (что составляет почти 5 s/акр.). Итак, второй из интересующих нас «последних вилланов» манора Валсден как будто бы также не столь уж беден. То же самое, похоже, можно сказать и о держателе номер три. Это Эдмунд Уайтхед, хозяйствующий на участке в 23 акра и получающий с него доход в 4,5 £ (рента не указана). Следующий держатель, уже упомянутый нами в другой связи Джон Клегг со своей женой Мери, держат 20 акров крепостного копигольда, получая с них вполне приемлемый доход в 4£. И, наконец, пятый по списку «последний виллан», Джон Кроссли, хозяйствует на огромном участке крепостной земли, площадь которого составляет 131 акр огороженного пастбища, лежащего, правда, не единым массивом, а раздробленного на несколько участков. Джон Кроссли платит за свой участок не столь уж высокую ренту (всего 2 s. 16d., что составляет лишь 0,3 d/акр.), зато получает приличный доход в 35 £ (3,5 s/акр.).

Итак, насколько можно судить по приведенным данным, держатели манора Валсден были наделены землей в большей степени, нежели держатели других маноров. Это были в основном «средняцкие», а не коттерские, хозяйства, позволявшие получать доход, вполне пригодный для поддержания нормального состояния семейной экономики. Данный вывод можно подтвердить еще и тем доказательством, что в среднем на каждого из 8 крестьян-держателей указанного манора приходилось примерно по 40 акров земли: если мы не сочтем за труд обратить наше внимание на таблицу № 47, то, заглянув в последний ее столбец, в котором приведены итоговые данные о земельной площади, легко сможем отыскать цифру 321,5 акра, обозначающую общую площадь крестьянского копигольда Валсден; будучи

---

крепостной, вилланской земли и его держателей свидетельствует о том, что в исследуемый нами период земля *любого* статуса могла котироваться достаточно высоко –

поделенной на 8, она и даст искомую цифру 40, обозначающую среднюю площадь надела каждого из вилланов.

Здесь мы опять встречаемся с интересным феноменом, о котором уже шла речь, когда мы анализировали положение «последних вилланов» маноров Пемброков в Уилтшире. Ведь действительно обращает на себя внимание тот факт, что хозяйства представителей этого, достаточно уникального, социального слоя английской деревни периода XVI-XVII вв. являются вполне крепкими, стабильными, дающими пусть не высокий, но вполне приличный доход их держателям, равно как и владельцам маноров. Так, некоторые из «последних вилланов», которых до двадцатых гг. XVII столетия, а, возможно, подчас, и гораздо дольше «консервируют» в порах маноров Рочдейла, выплачивают владельцам этих маноров не такую уж низкую ренту. Для того, чтобы доказать это, приведем здесь такие важные данные, как уровень ренты, выплачиваемой каждым из наших восьми вилланов, за акр «крепостного копигольда». Учтем при этом, что средний показатель уровня ренты за акр в Рочдейле для «нормального» копигольда (за вычетом «крепостного» копигольда маноров Валсен и Россендейл) составлял, по нашим подсчетам, цифру 0,9 d.<sup>75</sup>

Итак, вот какова была высота интересующего нас показателя в среде «последних вилланов» манора Валсен: Абрахам Скоффилд - 1,1 d/акр., Майкл Ройд - 2,5 d/акр., Эдмунд Уайтхед - рента не указана, пропуск в описи, Джон Кроссли - 0,3 d/кар., Джон Клегг - 0,7d/акр., Абрахам Филдинг - 0,7 d/акр., Чарльз Холт - 3,5 d/акр., Джошуа Филдинг - 5,5 d/акр. Мы видим, что из всех держателей-крестьян, чья рента была зафиксирована описью, лишь у Джона Кроссли и Абрахама Филдинга ее уровень на акр земельной площади был ниже среднего показателя. Думается, что достаточно высокие ренты, выплачивать которые, очевидно, имели

---

настолько, чтобы осуществлять опеку даже над землей, состоящей «в крепости».

<sup>75</sup> Это, конечно же, очень невысокий уровень. Напомню, что рента за акр земельной площади копигольда Уилтшира составляла в среднем, согласно моим подсчетам, цифру 3,6 d/акр.

возможность некоторые из «последних вилланов» Валсден, могли служить веской причиной для того, чтобы владельцы Рочдейла не позволяли им выкупать себя и свое хозяйство, а, напротив, проводили политику «консервации» этих, среднего уровня, держателей в маноре. Впоследствии мы еще проверим это предположение на примере «последних вилланов» манора Россендейл.

А пока продолжим наши наблюдения над имущественным положением копигольдеров следующего из маноров, который носит название Тодморден. Как мы помним, их всего трое. Так, первый из них, копигольдер Ричард Лорд, держит всего 6 акров земельной площади, представляющей собой участок пастбища. Зато два других держателя, Чарльз Лорд и Гилберт Холден, хозяйствуют (соответственно) на достаточно крупных участках земли в 54 и 44 акра.

В следующем из интересующих нас маноров, который носит название Чадвик, опись регистрирует 11 копигольдеров крестьянского типа. В данном случае можно с уверенностью сказать, еще не заглядывая в источник с целью установить конкретную площадь наделов первых пяти человек из этих крестьян, что держания их очень невелики. Так, если мы опять-таки попытаемся, на основании данных таблицы 47, установить средний размер крестьянского надела в этом маноре, то окажется, что он равен всего-навсего 8,3 акра.<sup>76</sup>

И все же заглянем в источник. Имя первого из интересующих нас держателей – Джеймс Мейкрофт. Согласно копии манориального протокола, составленной для этого крестьянина «28 апреля 12 года правления короля Якова»<sup>77</sup>, он держит всего-навсего 2 акра каких-то угодий, вид которых точно не указан. Не указаны для данного случая также ни рента, ни доход. Но не приходится сомневаться, что они, скорее всего, невысоки. Перед нами – участок типичного коттера. Так что стоит удивиться, как можно было вести

---

<sup>76</sup> 91,3 (акр.) : 11 = 8,3...

<sup>77</sup> Survey... P. 177.

хозяйство на земле, площадь которой была так ничтожно мала. По поводу второго из интересующих нас держателей в описи сделаны, одна за другой, сразу две записи. Имя этого держателя – Томас Ридберн. Он держит в маноре Чадвик, согласно копии манориального протокола от 10 ноября 1598 г., 5,5 акра земли на «Baaslade» (что это такое – неизвестно) и, согласно еще одной копии, дата которой, правда, не указана, - 4 акра «улучшенной пахоты» неподалеку от Baaslade. Итого – 9,5 акров. Надо сказать, что 5,5 акров земли приносят Томасу неплохой доход: 2£ 4s 8d., что составляет целых 8,1s/акр, в то время как доход от земли, которую он держит по второй копии, не указан. Зато как раз во втором случае указана рента за «улучшенную пахоту»: ее уровень достаточно высок и составляет 2,5 d/акр. Достаточно удивительно, что эти «показатели» в данном случае так высоки (хотя высокая для этого региона рента объясняется, видимо, хорошим качеством пахоты). Думаю, что и высокий доход, и хорошее качество пахоты можно объяснить в данном случае обстоятельствами, лишь косвенным образом связанными со спецификой агрикультуры. Дело в том, что указанные участки земли перешли Томасу Ридберну в манориальной курии «по передаче» от лиц высокого социального происхождения, каковыми являлись эсквайр Фрэнсис Даккинфилд и джентльмен Роберт Радклифф, по какой-то причине «указавшие» при регистрации этих участков в курии (видимо, в прошлом принадлежавших им самим на правах копигольда) не на кого-то другого, а именно на Томаса. Кем мог им доводиться Томас – неизвестно, но, судя по имени, явно не прямым родственником. Возможно, этих людей связывали какие-то, неизвестные нам, узы дружеской привязанности или патроната... Кто знает? Косвенным намеком на такую возможность опять-таки может служить одно интересное обстоятельство. Дело в том, что, как мне удалось установить, интересующий нас копигольдер манора Чадвик одновременно являлся и свободным держателем в этом же маноре<sup>78</sup>. А поскольку

---

<sup>78</sup> Как фригольдер, Ридберн держит два участка земли, равные 17,1 и 32,5 акрам. Совокупная площадь его держания на общем праве, равная 49, 6 акра, приносит 19£

приоритет свободного держания и состояния внутри манора превалировал над статусом держания по обычаю, то можно сказать, что, пожалуй, Томаса Ридберна следует числить прежде всего фригольдером, который «по совместительству» держит здесь по двум копиям и 9,5 акра копигольда. Похоже, что высокий статус свободного человека (который не затемняли обстоятельства хозяйствования на «низком» копигольде – ведь мы уже убедились, что в изучаемое время и благородные не брезговали этим видом держания) в жизни тех, кто составлял изучаемую нами локальную деревенскую общность Ланкашира, не мог не влиять на кажущиеся нам подчас, с высоты сегодняшнего дня, «мелкие», а на самом деле – очень важные взаимоотношения повседневности между членами этой деревенской общности. Можно, в связи с этим, предположить, что свободное состояние держателя Ридберна явилось основанием для передачи именно ему участков копигольда благородными Даккинфилдом и Радклиффом; они, эти люди, могли и в дальнейшем не оставлять заботами и покровительством человека, которому передали в свое время землю в курии, могли в конце концов каким-то образом способствовать дальнейшему процветанию этой земли, в частности, возможности получения с нее достаточно высокого дохода.

Но оставим в стороне, до случая,<sup>79</sup> попытки реконструкции по данным описей условий внутренней жизни маноров и сосредоточимся на условиях держания третьего из интересующих нас, в связи с проблемой имущественного положения крестьянства, держателе манора Чадвикпо имени Габриэль Ридберн. Оказывается, что Габриэль является сыном Томаса и держит, согласно копии манориального протокола от 11 апреля 1610 г., 12, 5 акра «различных огороженных участков пахоты, пастбища, луга» (“diverse closes of arable, pasture, meadow”<sup>80</sup>); однако данный копигольд

---

годового дохода, что составляет 7,6 s/акр. При этом опись отмечает, что этот фригольдер имеет на своем участке «хорошо отремонтированный дом» (well repaired house). Survey... P.177.

<sup>79</sup> Как правило, каждый такой случай связан с наличием в описях дополнительного, иногда очень косвенного, материала.

<sup>80</sup> Survey... P. 178.

перешел Габриэлю не от его отца, главным статусом которого в маноре является (не забудем!) статус фригольдера, а от семейной пары обычных держателей, Генри Смита и Сары, его жены. Таким образом, видимо, копигольд, являясь «побочным продуктом» деятельности свободных держателей в процессе собирания земель внутри маноров, отходил им, как правило, «по передаче» через курию не собственно от родственников-фригольдеров (которые, наряду с фригольдом держали и копигольд), а от «чистых» копигольдеров, – друзей, соседей или тех, кому грозило разорение и т.д. Другими словами, фригольдеры, имеющие двойственный статус в маноре, могли получать копигольд «by surrender» не от своих родственников (в частности, родителей), а от копигольдеров, с которыми они не были связаны родственными узами. Зато «фамильные» участки фригольда в этом случае, как правило, переходили по наследству.

Следующий, четвертый, из интересующих нас держателей, Ричард Хэли, согласно копии манориального протокола от 20 мая 1623 г., держит всего 5 акров земли в пойме ручья Naden Brook. В пойме этого ручья находится и дом Ричарда, что специально оговорено в описи<sup>81</sup>. Несмотря на то, что участок держателя невелик, он приносит хороший годовой доход в 2,5 фунта (целых 10 s/акр); рента не указана. Очевидно, на высоту этого дохода могла влиять возможность своевременного и обильного орошения посевов из ручья. И, наконец, в качестве пятого по счету из интересующих нас держателей в описи зафиксирована вдова Мери Хейвуд, которая как положенную ей после смерти мужа «вдовью долю» держит участок площадью всего 2,2 акра.

Итак, мы видим, что участки выбранных нами, согласно условиям нашего эксперимента, держателей, действительно весьма невелики. Однако некоторые из них, ввиду обстоятельств различного порядка, приносят неплохой доход, что нельзя сбрасывать со счетов, исследуя проблему обеспеченности крестьянства.

---

<sup>81</sup> Ibid.



Заглянем, далее, на страницы описей следующего манора, название которого – Спотлэнд. В этом маноре мы находим в целом целых 37 держателей копигольда крестьянского типа. О том, что их участки, как и во многих предыдущих случаях, весьма невелики, опять-таки могут свидетельствовать полученные нами данные о средней площади надела, приходящегося на одного держателя. Он, как следует все из той же таблицы 47, равен всего-навсего 5,7 акра (209,2 : 37). Посмотрим, какие примеры может предоставить нам наш основной источник.

Под первым номером в ряду держателей по обычаю выступает, как оказывается, наш знакомый фригольдер из манора Чадвик (который держит в нем же и на правах копигольда «по передаче» от двух лиц благородного происхождения) - *Томас Ридберн*. Выясняется, что в маноре Spotland он хозяйствует на маленьком участке земли в 2,5 акра, выплачивая за него при этом вполне приличную для данной местности ренту в 6 пенсов (2,4 d/акр) и получая средней величины доход в 5,3 s/акр. Достаточно высокая для данного случая рента могла быть назначена за этот крохотный участок не в последнюю очередь в связи с тем, что перед нами – копигольд наследственный, который, во-первых, определен в курии как земля, закрепленная за держателем на основании формул «to him and his for ever» и «copyhold by inheritance»; а во-вторых для данного случая в описи зафиксирован и прямой наследник, также уже знакомый нам сын Томаса Габриэль<sup>82</sup>.

Таким образом, эти данные еще и еще раз подтверждают тот факт, который был отмечен уже не однажды: внутри маноров в исследуемый период шла интенсивная борьба за землю любого юридического статуса – будь то «благородный» или крестьянский фригольд, или (даже) – «низкий», подчас крепостной копигольд. В этой связи, кстати, не стоит недооценивать значения процесса собирания земель и в связи с исследованием проблемы

---

<sup>82</sup> Survey... P. 180.

дифференциации копигольдеров. Нищий держатель одного манора мог выступать как вполне обеспеченный хозяин во втором.<sup>83</sup>

Далее, держателем номер два в описи манора Спотлэнд выступает копигольдер Томас Уайтхед, который, согласно копии от 19 апреля 1593 г., держит «по передаче» в курии от своего отца, тоже Томаса, на основании известной нам и очень благоприятной для крестьянства Англии формулы «to him and his for ever»<sup>84</sup> наследственный копигольд общей площадью 4,5 акра (доход довольно высокий - 6,4 s/акр.; возможно потому, что это держание состоит из ряда огороженных участков). Другой копигольдер, Джон Чадвик, согласно копии от 4 октября 1605 г., держит в этом маноре 4 акра земли (вид держания не указан). Его сосед по описи, (но это не значит, что по манору<sup>85</sup>)

---

<sup>83</sup> Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что, по отношению к процессу «собирания» копигольда самими крестьянами значение указанного процесса не стоит и переоценивать. Если размах деятельности «благородных» в деле концентрации как фригольда, так и обычного держания в одних руках вполне очевиден и явно «проступает» в тексте описей, поскольку речь, как правило, идет о приобретении крупных земельных участков одними и теми же лицами (и как кажется, этот процесс весьма основательно зафиксирован нами в разделах по фригольду и «дворянскому» копигольду), то в случаях «собирания» копигольда в руках одного и того же держателя-крестьянина, обладавшего гораздо меньшим «держательским потенциалом», то есть имеющим меньше материальных средств и различного рода возможностей для приобретения дополнительных земель, вряд ли можно говорить о их массовом характере, и прежде всего именно ввиду незначительности указанного «потенциала». Другими словами, держатели-крестьяне были слишком слабы и малообеспечены по сравнению со своими соседями - сквайрами для того, чтобы пытаться конкурировать с ними. Между прочим, подтверждением этого факта служит и то обстоятельство, что случаи концентрации земель в руках крестьян совсем немногочисленны, они слабо отражены в описях, а сами участки собираемой земли невелики и не могут являться основанием для того, чтобы мы пытались до акра учитывать эти приращения, рассматривая вопрос об имущественном расслоении крестьянства в данном регионе. (Хотя, напомню, что, ввиду основательной обеспеченности крестьянства юго-западного региона, мы не столь явно сбрасывали этот фактор со счетов).

<sup>84</sup> Мы видим, на основании этого примера, что даже в случае наследственного копигольда все равно соблюдалось правило передачи земли в курии через руки лорда, что, как мы помним, символизировало власть последнего как верховного собственника в маноре.

<sup>85</sup> К сожалению, проблема топографии поместья Рочдейл, которая могла бы оказаться весьма интересной и полезной в связи с нашим исследованием, недоступна для изучения по той простой причине, что описи, как правило, не содержат почти никаких указаний на этот счет (если не считать названий самих маноров, отдельный местечек и т.д.) – в них нет и не может быть каких-либо планов, схем или карт местности, тем более топографически ориентированных... Что касается дополнительных источников подобного рода, то, к сожалению, я не имею таковых в своем распоряжении. Да и не знаю, есть ли специальные; ведь даже в классическом издании, своего рода энциклопедии по истории

держатель под номером четыре, Джон Шепперд, хозяйствует на 5,5 акрах, лежащих в болотистой местности («5,5 acres of moor»<sup>86</sup>). Эти немногочисленные «болотные» акры приносят Джону, как и следовало ожидать, весьма скромный доход всего в 10 s., что составляет 1,8 s/акр. И, наконец, пятый по списку держатель Генри Хопвуд, согласно копии манориального протокола от 21.05.1625 г. держит относительно «крупный» участок копигольда в 16,5 акра, приносящий ему средний величины доход, уровень которого составлял 5,7 s/акр.<sup>87</sup>

Итак, как мы видим, держатели манора Спотлэнд так же, как и население многих других маноров Рочдейла, не отличались особой обеспеченностью. Хотя, надо признать, что условия держаний некоторых из них довольно специфичны и, несомненно, интересны.

Перейдем, далее, к рассмотрению положения дел в маноре Волстенхолм. И здесь, по условиям нашего эксперимента, нас будут интересовать первые пять крестьян, которые держали землю на основании обычая. Первый из них, копигольдер по имени Джон Хедмэн, держат на основании копии от 9 мая 1605 г., по формуле «to

---

всех графств Англии, включая историю отдельных поместий, “The Victoria County History...”, не имеется интересующих нас сведений «топографического порядка».

<sup>86</sup> Survey... P. 181.

<sup>87</sup> Интересно опять-таки наличие интерполяции в описи, свидетельствующей о том, что в глазах манориальных клерков этот участок земли (или его владельцы) были чем-то примечательны: очень уж детально «расписана» будущая судьба этого, казалось бы, обыкновенного держания. Нет сомнений в том, что копигольд этот имеет наследственный характер. Оказывается, что указанные земли перешли Генри Хопвуду (при посредничестве Абея Бакли, знакомого нам эсквайра, который был свидетелем при передаче земли в курии) от его отца. В описи указывается, что они должны перейти Генри, старшему сыну, и далее – его детям. Если у старшего сына детей не будет, то тогда – второму сыну Джону и его детям. В случае смерти Джона или отсутствия у него семьи – третьему сыну и его детям. И так далее, вплоть до младшего, шестого, сына. Если же случится, что и у младшего возникнет «default» (а именно этим термином обозначен в источнике возможный «провал» сыновей Генри по части деторождения), то тогда могут наследовать и дочери: Грейс и Мери. Вот такие детальные «инструкции»; а ведь это даже не завещание, а просто запись, сделанная в протоколе курии при передаче участка через руки лорда (по сути, однако, в повседневной жизни манора, игравшая, похоже, роль «крестьянского» завещания). Напрашивается предположение, что и в данном случае причиной повышенного внимания со стороны манориальной администрации к держательской судьбе данной фамилии могло служить участие в процессе передачи земли лица благородного происхождения, видного представителя местной элиты Абея Бакли.

him and his forever by copy of Court Roll» участок наследственного копигольда, площадь которого равнялась 15 акрам. За данный участок выплачивается рента в 4 s. (3,9 d/акр), достаточно высокий уровень которой объясняется, по-видимому, именно наследственным, то есть более привилегированным, характером копигольда. Доход в данном случае не указан. Держатель номер два, крестьянин по имени *Томас Хедмэн*, также хозяйствует на участке наследственного копигольда (формула та же) согласно копии манориального протокола от 2 октября 1590 г. В данном случае перед нами – крупный участок «обычной» земли, площадь которого составляет 72,5 акра. Однако он приносит держателю весьма невысокий годовой доход: немногим более 10£ (2,8 s/акр.). Да и рента за этот достаточно крупный участок ничтожно мала: она составляет лишь 4 s.10d. (0,7s/акр.). Впрочем, нам уже неоднократно приходилось отмечать факт «диспропорциональности» между площадью земли, находящейся в руках того или иного крестьянина, и высотой выплачиваемой им лорду манора годовой ренты. Крупные (или относительно крупные – как, например, в данном случае) держатели могли и недоплачивать. Но если мы внимательнее всмотримся в текст описей, то увидим, что невысокий годовой доход на крупном участке «обычной» земли, оказывается, компенсировался достаточно приличным доходом, получаемым Томасом с арендуемого у лорда манора, сэра Джона Байрона, участка площадью в 26 акров. Указанный участок аренды, зафиксированной в договоре от 13 ноября 1611 г., приносит Томасу 9,7£ в год (7,5 s/акр.) – при очень низкой ренте в 0,3 d/акр. Интересной особенностью указанного договора об аренде является то обстоятельство, что ее длительность, судя по всему, моделируется по типу копигольда: аренда записана за крестьянином не на годы (как это бывало обычно при оформлении договорных отношений), а на «срок жизни» копигольдера. Причем в документе содержится приписка о том, что она

является действительной в течение указанного срока только в том случае, если Томас не совершит никаких преступлений.<sup>88</sup>

Далее, держателем номер три в маноре Волстенхолм является крестьянин Абрахам Волстенхолм, который хозяйствует на целых четырех участках огороженного пастбища площадью в 9, 10, 19 и 40 (итого – 78) акров. Данный блок копигольда, по всей видимости, также является наследственным, так как в источнике присутствует уже известная нам формула «to him and his for ever». Держатель номер четыре, Джон Волстенхолм, держит 45 акров смешанных угодий, в состав которых входят луг, пастбище и пахота, и которые приносят Джону весьма невеликий доход в 7,5£ (3,3s/акр.). И, наконец, последний из интересующих нас в данном случае держателей, Томас Ридберн - старший (являвшийся, как мы помним, одновременно и фригольдером, и держателем по копии в маноре Спотлэнд), хозяйствует в Волстенхолм, согласно целым трем копиям (от 2 мая 1590 г., от 30 августа 1593 г. и от 28 апреля 1615 г.), на совокупной площади копигольда в 45 акров.

Итак, в данном маноре перед нами – держания по обычаю, площадь которых, согласно очередности фиксации этих участков в источнике, такова: 15; 72,5; 78; 45; 35 акров. Признаем, что манор Волстенхолм явил нам примеры достаточно высокой обеспеченности крестьянства по сравнению с другими манорами Рочдейла. Об этом же свидетельствует и средняя площадь надела на одного крестьянина, установленная нами на основании данных таблицы 47, и равная 26 акрам. Посмотрим же, а как обстояли в этом отношении дела в маноре Хили?

В этом маноре насчитывается 8 копигольдеров-крестьян, которые в совокупности хозяйствуют всего лишь на 115,5 акра земельной площади. Таким образом, средний надел на одного держателя составляет здесь 14,4 акра – цифра, которая практически совпадает с выявленной нами ранее

---

<sup>88</sup> Survey... P. 217. На специфике арендных отношений в Рочдейле мы остановимся ниже, в соответствующем разделе.

площадью среднего надела на одного крестьянина по всему манориальному комплексу в целом (14,8 акра). Так что заранее можно сказать, что крестьянские наделы в Хили невелики. Так, размеры участка копигольда первого по списку держателя в этом маноре, Чарльза Стотта (копия от 17 мая 1595 г.), более чем оправдывают это предположение: те 2 акра неизвестного типа угодий, которые находятся в его хозяйственном распоряжении, вряд ли могут свидетельствовать о безбедном существовании. А вот второй держатель, Йордан Чадвик (который, кстати, является полным тезкой одного из представителей местной элиты, эсквайра Чадвика), обеспечен землей гораздо лучше, что является весьма неожиданным для нас на момент проведения нашего локального «эксперимента». Йордан, согласно целым шести копиям, которые датируются 1595 –1601 гг., и которые адресованы ему его дедом Джоном согласно правилам процедуры передачи земли в курии через руки лорда, хозяйствует в общей сложности на 68,5 акра угодий смешанного типа. Однако столь крупные для данного региона владения явно не приносят нашему копигольдеру большой выгоды: выясняется, что совокупный доход с земли невелик; он составляет всего 5£ с четвертью (1,8 s/акр.). Таким образом, мы видим, что достаточно крупные участки земли, находившиеся в руках держателей по обычаю, вовсе не всегда могли являться для них основательным источником дохода.

Причины такого незадачливого хозяйствования могли быть очень различными (и об этом мы писали выше, когда вели речь о доходности фригольда); в данном же случае, на основе анализа текста источника, складывается впечатление, что наиболее крупные из тех участков копигольда, которые находились в руках Йордана Чадвика, просто-напросто были весьма неудачно расположены для того, чтобы быть более или менее доходными. Так, участок в 26 акров 10 перчей, например, лежал в сильно заболоченной местности, а надел площадью в 14 акров 5 перчей состоял, очевидно, из песчаных почв, явно неблагоприятных для интенсивного

земледелия<sup>89</sup>. Думаю, что указанные факторы нельзя сбрасывать со счетов при анализе хозяйственного положения крестьянства.

Далее, если мы заглянем в жилище («dwelling house», согласно терминологии описей) третьего по списку держателя копигольда, Джона Хили, то обнаружим, что там проживает человек, обладающий двойственным статусом в маноре. Оказывается, что согласно копии манориального суда (дата оформления копии не указана), он держит в Хили небольшой участок «обычной» земли площадью в 8,5 акров (как видим, надел копигольда весьма невелик; к тому же и уровень дохода с него составляет лишь 3,5 s/акр.). Однако, если опять-таки обратить внимание на расположение этого участка копигольда, то окажется, что Джон Хили устроился в маноре очень удобно: дело в том, что упомянутый надел вплотную прилежит к довольно крупному участку свободной земли, также принадлежащей Джону и свидетельствующей о том, что, как ее владелец, он числится также и фригольдером манора Хили.<sup>90</sup> Площадь этого участка фригольда равна 32 акрам, на этой свободной земле, как специально отмечено в описи, находится «fare house»<sup>91</sup> – возможно, что-то вроде небольшой частной таверны (место, где могли столоваться соседи Джона по манору). В этом предположении нас укрепляют, кроме факта использования составителями описи специального для подобных случаев термина, еще и следующие обстоятельства: во-первых, указанный участок фригольда приносит Джону очень уж высокий доход в 41£ 13 s.4d., а во вторых ренту за фригольд (достаточно высокую, полтора фунта) он выплачивает не лорду манора, а виднейшему представителю местной элиты Теофилу Холту, тому самому, который владел в Рочдейле более чем пятью тысячами акров свободной земли<sup>92</sup>. Возможно, именно эсквайр Холт являлся владельцем этого заведения (или, что не

---

<sup>89</sup> Survey... P. 228 – 229.

<sup>90</sup> Op. cit. P. 230.

<sup>91</sup> Op. cit.

<sup>92</sup> Весьма показательный (и, кстати, не впервые встретившийся нам) факт, указывающий на особое положение в манорах представителей местной дворянской элиты, которым,

исключено, сети таких заведений в поместье). Так или иначе, но мы опять видим, что двойственный юридический статус того или иного держателя в маноре, как правило, является основанием для того, чтобы исследователь, при изучении проблемы социального расслоения крестьянства (не пренебрегая никакими дополнительными, подчас, казалось бы, не относящимися к делу, сведениями, которые предоставляет источник) мог поменять свой угол зрения в сторону большей обеспеченности данного держателя. Так, наш Джон Хили, оказывается, вовсе не так уж беден.

Четвертый держатель копигольда в интересующем нас сейчас маноре, Томас Хили, возможно, родственник Джона, держит по копии от 17 марта 1588 г. всего 8 акров (рента и доход не указаны). И, наконец, Генри Гарсайд, последний из пяти, хозяйствует на площади копигольда в 11 акров.

Таким образом, мы видим, что наши ожидания, связанные с заведомой малой обеспеченностью первых пяти держателей Хили, оправдались совсем не полностью: в двух случаях из пяти земельные наделы крестьян оказались не такими уж скудными – в одном случае за счет «множественности» копий, а в другом – за счет совмещения противоположных держательских статусов.

Переберемся теперь, в процессе нашего исследования проблемы наделения крестьянства Рочдейла землей, в манор Уайтверф. В качестве первого по списку держателя по копии маноориального суда в нем зафиксирован Ричард Милн (копия от 27 мая 1595 г.), который хозяйствует на площади копигольда, равной 10,5 акра. За свой участок он выплачивает ренту в 9d. (0,9 d/акр.) и получает весьма невысокий годовой доход, уровень которого, согласно нашим подсчетам, составляет 3,5 s/ акр. Держатель номер два в этом маноре, Роберт Чадвик, (копия от 26 января 1626 г.), ведет хозяйство на гораздо более крупном наделе в 23 акра, состоящем из огороженных участков пахоты и пастбища. За эту землю он платит 2s.3d. ренты (1,2 d/акр.) и получает с нее умеренный доход в 4 с небольшим фунта

---

помимо прочих благ, связанных с процветанием их земельных владений, очевидно, давали также «на откуп» и часть рент.



(3,6 s/ акр.). Заслуживает внимания то обстоятельство, что в описи имеется интерполяция, которая относится к особенностям «держательской судьбы» этого участка и его владельцев. Оказывается, что данную землю Роберт получил «по передаче» от семейной пары, состоящей из Ричарда Чадвика и его жены Эстер, как копигольд, «расположенный к западу от часовни манора» («to west side of Whiteworth Chappell»<sup>93</sup>) – сроком на три жизни (21 год). Такие «вставки» в текстах встречаются не столь уж часто; между тем они помогают понять специфику длительности тех или иных держаний, равно как и особенности их местоположения в маноре. Кстати, в описи не указано, кем доводился передавший землю Ричард Чадвик держателю Роберту Чадвику. Скорее всего, просто однофамильцем (в случае, если держатели состояли в каком-либо родстве или «свойстве», источник, как правило, отмечает это). Третий держатель из интересующей нас первой пятерки крестьян, *Джемс Тейлор*, согласно копии манориального протокола, дата составления которого, правда, не указана, ведет хозяйство на крошечном участке пастбища площадью всего-навсего в 0,5 акра. Однако мы с удивлением читаем, что его доход, обозначенный в источнике, составляет очень приличную сумму в 13s. 4d. Вряд ли такой скромный участок земли мог приносить Джеймсу столь высокий доход. В чем же дело? Разгадка находится легко, она содержится в тексте источника.<sup>94</sup> Дело в том, что наш держатель, фамилия которого, казалось бы, могла навести нас на мысль об овладении им искусством портняжного дела, является, тем не менее, единственным кузнецом в маноре и владеет кузницей, принадлежавшей когда-то некоему держателю Смигу, о котором в тексте не сообщается никаких подробностей.<sup>95</sup> Исходя из того, что, судя по моим наблюдениям, средний доход с акра «крестьянского» копигольда в других манорах мог равняться примерно 3 s/акр., попробуем предположить, что в данном случае половина акра пастбища, находившаяся в хозяйственном распоряжении

---

<sup>93</sup> Survey. P. 237.

<sup>94</sup> Op. cit.

кузнеца Тейлора, вряд ли могла принести ему более 1,5-2 шиллингов в год. С учетом этого допущения получается, что «остаточные» деньги, составлявшие в сумме более половина фунта (11,9-12,4 s.) ежегодно притекали в карман Джеймса Тейлора в виде дохода от кузницы.<sup>96</sup> Следующий держатель манора, Томас Хилл, хозяйствует на участке земли всего в 1 акр, а пятый из интересующих нас крестьян, Ральф Холт, - на участке, площадь которого составляет 3 акра. Надо сказать, правда, что последний из указанных держателей имеет со своего небольшого участка довольно высокий годовой доход, составляющий целых 8,9 s/акр. Причины высоты этого дохода остаются в данном случае совершенно неизвестными – в источнике нет даже отдаленного намека на наличие каких-то дополнительных сведений, которые могли бы пролить свет на интересующие нас обстоятельства.

Таким образом, мы видим, что и в маноре Уайтверф держатели не отличались особой обеспеченностью, особенно если иметь в виду непосредственно площадь их земельных участков. Многие из них были просто-напросто бедняками. Более или менее могли процветать те из них, кто, дополнительно к земледелию, имел еще какие-нибудь источники дохода в маноре. В Уайтверф таким источником для одного из держателей служила кузница, в Хили – некое питейное заведение и т.д.

О незначительной обеспеченности держателей манора Уайтверф свидетельствует и то обстоятельство, что размер среднего надела на одного копигольдера (а их было в этом маноре, между прочим, 41 чел.; это один из самых «населенных» маноров) составлял всего лишь 9,3 акра.

---

<sup>95</sup> Op. cit.

<sup>96</sup> Разумеется, что в данном случае нам приходится прибегать к некоторой реконструкции действительности. Но что остается делать? Ведь специфика составления описей заключалась в том, что в их тексте редко разграничивались источники дохода держателей; обычно указывался "совокупный" доход (если он вообще указывался). В случаях, когда данная специфика явно входит в противоречие с простой логикой повседневности, как кажется, и возникает необходимость прибегать к указанной реконструкции.

Кстати сказать, факт хорошей «наполненности» Уайтверф копигольдерами вызывает желание взять наудачу еще несколько примеров из описей с тем, чтобы обратить более пристальное внимание на интересующую нас проблему обеспеченности крестьянства и, может быть, повысить доказательность нашего исследования – во всяком случае, по отношению к тем манорам, которые явно выделялись из общего ряда если не избыточным, то вполне основательным количеством держателей. Причем, я думаю, что было бы интересно посмотреть, а нет ли среди крестьян, чьи условия держаний зафиксированы в описи, женских имен: обнаружив и проанализировав подобные примеры, мы могли бы, вдобавок к исследованию проблемы обеспеченности крестьянства, добавить еще и исследование специфики фиксации описями недвижимости на представительниц прекрасной половины человечества.

И действительно, среди держателей манора мы находим женщин. Вот, например, перед нами вдова Дженнетт Клегг, которая держит по копии манориального суда от 14 октября 1607 г. участок земли в 1,5 акра<sup>97</sup>. Этот скромный участок, площадь которого свидетельствует о слабой обеспеченности ее семьи, как мы можем, казалось бы, предположить, отошел к женщине после смерти ее мужа Джереми Клегга, о которой сообщается в описи. Однако Джереми умер, как мы узнаем из текста источника, в 1621 г., а в качестве даты фиксации земли в курии обозначен 1607 г. Таким образом, выходит, что в источнике в 1607 г. была, очевидно, зафиксирована не «вдовья доля», а скорее, приданое этой женщины (*marriage portion*), выраженное в недвижимости. Очевидно, приписка к описи, обозначающая вдовье состояние Дженнетт (одно-единственное слово: «widow»), просто была сделана позднее, после смерти ее мужа. Но в таком случае возникает вопрос: что же, основой материального состояния этой семьи на протяжении многих лет было лишь приданое Дженнетт? Вряд ли это так: ведь в описи есть приписка и о том, что после смерти кормильца ему должен наследовать,

---

<sup>97</sup> Op. cit. P. 237.

согласно обычаю этого манора, не жена, а старший сын (Сэмюэль). И если, как мы установили, упомянутые полтора акра представляли «*marriage portion*» матери Сэмюэля, то, очевидно, в источнике просто осталась не зафиксированной земля, составлявшая собственно надел кормильца или недвижимость, нажитую в браке. Конечно, вряд ли это был большой надел земли: обычно крестьяне женились на «ровне», и 1,5 акра приданого Дженнетт вполне дают нам основание предположить, что и Джереми был не столь уж богат. К такому результату приводит нас детальный анализ одного-единственного, к тому же очень скромного держания. Однако выводы, которые можно сделать в данном случае, имеют большое значение: возможно, иногда (во всяком случае, когда речь идет о небольших участках земли) описи могут являть нам весьма иллюзорную картину, которая требует дополнительного анализа с учетом, казалось бы, самых мелких и не требующих особого внимания деталей.

В этом же маноре мы находим еще одно держание, записанное на имя женщины по имени Маргарет Дакуорф, которая также поименована вдовой. На момент описи (напомню: это 1626 г.) она держит по копии манориального протокола 18,5 акров пастбища, получая с него невысокий доход в 2£<sup>98</sup>. Однако в более поздней приписке к описи, которая датируется 1640 г.<sup>99</sup> и в которой, похоже, отражено *прошлое* (по отношению к дате приписки) данного участка, сказано, что он отошел «по передаче» в курии через руки лорда Гилберту Дакуорфу (мужу Маргарет) от джентльмена Сэмюэля Хаммера и его жены Деборы на следующих условиях: после смерти Гилберта (когда она случилась – так и остается неясным из текста описей, но понятно, что не позднее 1626 г., иначе Маргарет не была бы названа в источнике 1626 г. вдовой),  $\frac{3}{4}$  надела (около 14 акров) должны были перейти

---

<sup>98</sup> Op. cit. P. 241.

<sup>99</sup> В данном случае опять возникает вопрос о том, чем можно объяснить гораздо более позднюю датировку интерполяций по сравнению с датировкой самих записей о держании. К тому же неизвестны причины, побуждавшие авторов этих интерполяций уделять избыточное внимание каким-то определенным, подчас ничем не выделяющимся из общего ряда, случаям.

его единственной дочери и наследнице («his only daughter and next heir») Дженнетт и лишь  $\frac{1}{4}$  – его жене Маргарет в качестве ее «вдовьей доли». То есть в идеале для данного случая в описи должны были бы быть зафиксированы два участка земли: на вдову Гилберта Маргарет (около 4 акров) и их дочь Дженнетт (около 14 акров). Вместо этого мы наблюдаем, вразрез с правилами наследования, фиксацию одного надела на имя вдовы. В чем тут дело? По сути, речь идет о несоблюдении обычая наследования, точнее – условий реверсии. И хотя в повседневной жизни манора, которая отличалась пристально-внимательным отношением к обычаям, особенно к тем из них, от которых могла зависеть степень материальной обеспеченности крестьянства, нормы и правила, предписываемые традицией, нарушались редко, однако такое все же случалось.<sup>100</sup> Но думаю, что в данном случае дело в другом. Случаи «переписывания» держания в курии на другое лицо (из числа родственников) по моим, весьма, правда, немногочисленным наблюдениям, могли иметь место тогда, когда кто-нибудь из них уходил в иной мир.<sup>101</sup> Не исключено, что в нашем примере вслед за отцом в лучший мир могла последовать и дочь – и тогда, что естественно, все семейное держание в целом было «переписано» в курии на единственного оставшегося в живых человека, ее мать Маргарет Дакуорф, которая с тех пор и числилась в маноре как вдова и владелица 18,5 акров.<sup>102</sup>

---

<sup>100</sup> Мы упоминали об этом, приводя конкретные примеры из протоколов манориальных курий, когда речь шла о специфике имущественных прав женщин в английском средневековом маноре.

<sup>101</sup> См по этому поводу Винокурова М.В. Смерть и повседневность в английском маноре XIV в. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова. Нижний Новгород. 1998. С. 75-82.

<sup>102</sup> Опять нам приходится прибегать к приему логической реконструкции: при описании случая Маргарет Дакуорф я знаю *точно* только то, что ее звали Маргарет Дакуорф, что на момент описи она была жива, но переживала состояние вдовства, что участок земли на указанный момент числился в курии именно за нею, что он был равен 18,5 акрам и отошел к семье по передаче от «благородного» Сэмюэля Хаммера и что доход с участка составлял 2 фунта. Еще я знаю *точно*, что после смерти кормильца участок *должен был* быть поделен на части между матерью и дочерью. Это все. Поскольку только это отражено в источнике. Все остальное *неточно*. Все остальное могло быть так, как мы предположили, а могло быть и по-другому. Но все же думается, что мы не должны отказываться от приемов реконструкции, поскольку они основаны все же не на фантазии

И, наконец, в маноре Уайтверф описью зарегистрирована еще одна женщина, вдова, имя которой почему-то не указано. Сказано лишь, что она держит 2,5 акра пастбища, «прилежащего к часовне» (“adjoining to the Chappell”), с которого получает, между прочим, очень высокий доход, сумма которого равняется 1£ 6s. (10,4 s/акр.).

Таким образом, в данном маноре, в состав населения которого входит 41 крестьянин, мы насчитываем всего трех женщин (все они вдовы, и все довольно бедны, если иметь в виду такой показатель обеспеченности как площадь их наделов), отмеченных описями в качестве *держателей*. Видимо, смертность внутри наших маноров в исследуемый период была невысока. К сожалению, ввиду особенностей таких источников как экстенды маноров, в которых отражены земельные передвижки, фиксируемые, в соответствии с обычаем, чаще всего на имена лиц мужского пола, в них и не может быть отмечен *весь* женский состав этих маноров. Как правило, в качестве держателей фиксируют только вдов; а жен и дочерей – в другом качестве. Жен – как «соучастниц» держаний по копии, записанных на мужчину; дочерей – как потенциальных наследниц. На самом же деле, если опять-таки прибегнуть к допущению и предположить, что хотя бы половина из держателей-мужчин были женаты и в каждой из таких крестьянских семей росло хотя бы по одной дочери, то окажется, что женская часть населения одного только манора Уайтверф могла составлять около 40 человек. А ведь наше допущение, сделанное для данного случая – минимально.

Нам осталось заглянуть всего в один, последний, манор, отличающийся, впрочем, большим своеобразием. Название этого манора – Россендейл. В нем нами отмечено 16 держателей крестьянского типа: четверо из них зарегистрированы описями как «tenants by copy of court roll» (стало быть, согласно терминологии источников, это представители классического, типичного, копигольда), а 12 относятся к категории «последних вилланов» и

---

историка, а на «логике повседневного», которая, во-первых, может быть прочувствована интуитивно, а во-вторых, нередко основывается на практическом знании источников (в

квалифицируются описями как «ancient villains» или как «tenants at will». В связи с наличием в этом маноре «ancient villains» мы попытаемся не только обрисовать имущественное положение первых пяти по списку крестьян, но и специфику хозяйств самих последних вилланов.

Первым по списку копигольдром Россендейл является Джон Хейвуд (дата копии не указана), который держит 20,5 акров смешанный угодий, состоящих из трех огороженных участков и приносящих Джону более 2£ годового дохода. Уровень дохода невысок: он составляет всего 2,3 s/акр. Далее следует Ричард Лорд, который, согласно копии, датированной октябрем 1623 г., и «по передаче» в курии от неизвестного нам Эдмунда Турно, держит 19 акров копигольда, выплачивая за этот надел довольно высокую ренту, уровень которой составляет 3,9 d/акр. Джон Турно, третий по списку крестьянин, на основании копии от 5 мая 1625 г., ведет хозяйство на участке земли в 43 акра, выплачивая за свои акры номинальную ренту, уровень которой равен всего 0,2 d/акр., и получая с них скромный доход в 3£12s. (1,7s/акр.). И, наконец, четвертый из держателей (и последний из типичных копигольдеров) Россендейл, Оттиуэлл Уолфенден, держит действительно крупный надел, площадь которого равняется 98 акров. Но, правда с этого надела он получает удивительно низкий доход (рента не указана), уровень которого составляет всего 1,5 s/акр.

Итак, перед нами держания «типичного» копигольда в 20,5; 19; 43 и 98 акров<sup>103</sup>. Как будто бы обеспеченность крестьян в маноре Россендейл не так уж низка для данного региона, если судить о ней по земельной площади их хозяйств. Однако доходы этих «типичных» копигольдеров, как выясняется, совсем невысоки.

---

данном случае – источников манориальной истории).

<sup>103</sup> Здесь мы опять-таки вынуждены, ввиду специфичности источника, не до конца выдержать принцип нашей выборки: дело в том, что, как уже указывалось, в маноре Россендейл насчитывается меньше типичных копигольдеров, чем нужно было бы в данном случае. Но, думаю, что условия держаний и четверых (а не пяти) из них вполне показательны для того, чтобы составить мнение об их участках как о наделах, не столь уж крупных (особенно по сравнению с наделами обычных держателей в юго-западной Англии).

Что касается остальных 12 держателей-крестьян из 16, то, как мы уже отметили, они зафиксированы в описи в качестве «последних вилланов». Поскольку эта тема интересует меня основательно и довольно давно, считаю нужным подробнее остановиться на характеристике этих держателей.

Итак, первый из них, Роберт Ховорф, хозяйствует на участке общей площадью 11 акров, состоящем из 6 акров пахоты и 5 акров луга. За этот небольшой участок он платит очень высокую ренту в 8 s.11d. (9,7d/акр.). При этом в описи отмечено, что на участке находится прочный дом, а при нем – сад. В качестве второго держателя в среде «последних вилланов» в источнике отмечена Элизабет Ашвуд, вдова Джона Ашвуда. В данном случае она ведет хозяйство на участке земли, который уж точно представляет собой ее «вдовью долю», так как этот факт отмечен в описи в виде специального, уже знакомого нам термина: «dower»<sup>104</sup>. Площадь этого участка составляет в совокупности 31 акр; 6 акров приходится на пахоту, 5 – на луг и 20 на пастбищные угодья. При участке также находятся дом и сад. Вдова выплачивает точно такую же, как и вышеназванный Роберт Ховорф, ренту в 8s.11d. (9,7d/акр.). Третий из «последних вилланов», Хьюг Уолстенхолм, хозяйствует на наделе, при котором тоже имеются дом и сад, но площадь которого значительно меньше, чем у двух предыдущих держателей, и составляет всего 4,5 акра. Однако рента за этот скромный участок у Хьюга даже на один пенс выше, чем у его соседей; она равняется 9 s. Роберт Хилл также держит 4,5 акра смешанных угодий, также имеет дом и сад; его рента так же высока, как и в предыдущих случаях (8s.11d.). Надел пятого держателя, Эдмунда Эшуорфа, равен, как и в случае его соседки-вдовы 31 акру (соблюдены даже пропорции в наделении землей по отношению к различным типам угодий: как и Элизабет Ашвуд, Эдмунд имеет 6 акров пахоты, 5 акров луга и 20 акров пастбищных угодий). Он, как и все вилланы, живет со своей семьей в доме, расположенном на одном из участков, и собирает урожай фруктов в саду, расположенном рядом с домом (“adjoining to the house”); наконец, выплачивает практически идентичную для всех ренту в 8s.11d. Шестой виллан, Роберт Эшуорф, возможно, тоже имеет

---

<sup>104</sup> Survey... P. 256.



какой-то надел земли, но источник об этом умалчивает; зато этот виллан означен в нем как «держатель» мельницы, за пользование которой он платит ежегодную ренту в 1£. Мы не можем сказать определенно, какой доход приносит эта мельница нашему мельнику-виллану, равно как и его хозяину, которому он платит столь высокую ренту. Но, уже судя по ее уровню, доходы могли быть немалые. Явно, что к услугам мельника прибегало население манора; похоже, что в округе не было другой мельницы – во всяком случае, в наших документах об этом не сообщается. И, разумеется, за пользование мельницей взималась соответствующая мзда. Жаль, что ее размер и тип не указаны в источнике.

Далее, к числу «последних вилланов» манора Россендейл относились еще шесть держателей: это были братья по фамилии Эшуорф (Джемс, Уильям, Джон, Генри, Эдмунд и Эдуард). В источнике отмечено, все вместе они держат 75 акров земельной площади (в среднем, стало быть, примерно по 12-13 акров «на брата»), причем у каждого опять-таки имеется дом и сад. За свой надел каждый платит очень высокую ренту в 1£ (целых 19,2 d/акр.).

Итак, мы описали условия держаний «последних вилланов» так, как они отражены в источнике. Но проведенная работа была бы неполной, если бы мы не отметили некоторые интересные особенности, связанные со спецификой этих держаний. Во-первых, как выясняется из документов, наши вилланы живут в некотором отдалении от основных массивов манора, в ближайшем к нему лесу Brandwood, который перемежается лугами, пастбищами и даже пахотой. Таким образом, выходит, что при маноре создана небольшая колония «последних вилланов», проживающих со своими семьями; среди членов этой колонии немало родственников и однофамильцев. Интересным является то обстоятельство, что все они, вне зависимости от площади своих наделов (в принципе, площадь всех этих наделов не так уж и велика, а иногда – ничтожно мала) выплачивают идентичную, а главное – очень высокую ренту. Так что наше предположение о высоких рентах последних вилланов Россендейл, сделанное нами тогда,

когда мы анализировали положение их «собратьев по статусу» из манора Валсден, полностью подтвердилось. Половина колонии платит ренту в 8s.11d., другая половина (братья Эшуорфы) – ренту в 1 фунт. Интересно и то, что ни в одном случае из 12 не указано годового дохода держателей (и это в то время как в отношении «типичных» копигольдеров описи с неизменным постоянством фиксируют его во всех манорах). Наконец, мы должны обратить внимание и на то обстоятельство, что ни для одного случая из 12 в источнике не отмечено наличия *копий* манориальных протоколов (хотя отмечается, что сами протоколы были составлены в курии "...long ago"<sup>105</sup>), что подтверждает мое наблюдение, сделанное на материале других маноров и других регионов, об отсутствии у «последних вилланов» формально-юридических оснований их держаний, каковыми у «типичных» копигольдеров как раз и являлись упомянутые копии.

Итак, в Россендейл мы открываем для себя наличие целой колонии «последних вилланов», состоящей из родственников и однофамильцев, проживающих не на основном массиве земель манора, а скрытых в лесу и ведущих, похоже, свое собственное, несколько изолированное, хозяйство. Насколько значительна обеспеченность их хозяйств, мы не знаем доподлинно. Судя по земельной площади, она явно невысока. С другой стороны, у каждой из семей этой маленькой «лесной колонии» есть свой дом и свой сад. Прямым указателем на то, что обеспеченность хозяйств этих «последних вилланов» могла быть не такой уж и низкой, является то обстоятельство, что они платят очень высокие ренты, а косвенным – то, что, как это ни странно, в документах вовсе не указана доходность их хозяйств. Поясним. Возможно, что все эти люди могли иметь дополнительные источники доходов (помимо земледелия, скажем, они вполне могли заниматься заготовкой леса, строительством и т.д.), что позволяло им

---

<sup>105</sup> В 1534 году, как отмечено в сноске к тексту описи.

выплачивать указанные высокие ренты<sup>106</sup>. Разумеется, держатели, имевшие такую возможность, были явно выгодны владельцам манора – несомненно более выгодны, чем «типичные» копигольдеры с их низкими рентами. Я даже думаю, что манориальные лорды Рочдейла в эпоху постоянного сыска властями «последних вилланов» с целью отпуска их на волю, а следовательно, взимания с них выкупа, полезного казне<sup>107</sup>, намеренно изолировали своих крепостных, отселяя их «в леса», с тем, чтобы скрыть от правительственных комиссаров наличие этого дополнительного, пусть и не такого уж изобильного, зато долговременного и постоянного, источника доходов. Возможно даже (более того – я почти уверена в этом), что намерение «законсервировать» этот источник в Россендейл (тенденция, характерная для многих регионов Англии, о чем писал еще А.Н. Савин, подчеркивая, правда, указанную тенденцию по отношению к зажиточному крестьянству) объясняет и отсутствие факта фиксации самих доходов вилланских хозяйств в описи манора. А зачем было делать это в условиях продолжающейся с XVI в. в масштабах страны «охоты» на вилланов, афишировать наличие этих доходов в условиях возможного просмотра документов курии правительственными чиновниками? Так или иначе, ясно одно – перед нами интересный феномен внутренней жизни английского манора в его переломный период, открытие которого на страницах, казалось бы, скучных, неинтересных, а на самом деле – если внимательно всматриваться в них – живых и ярких источников, вносит некоторые нюансы собственно в наше понимание этой жизни.

Вот как будто бы и закончился наш эксперимент предварительного характера, направленный на выявление уровня обеспеченности крестьянских

---

<sup>106</sup> В этом случае нас не должно особенно удивлять то, что дополнительные источники доходов не указаны в описях. Это ведь *земельные* описи, в них и не должно содержаться подобного рода сведений (которые вполне могли бы быть зафиксированы, например, в протоколах манориальных курий в случае каких-то судебных разбирательств по поводу этих дополнительных источников).

<sup>107</sup> Об этом пишет А.Н. Савин. См. Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 46 и след. Винокурова М.В. Кто такие последние вилланы в Англии XVI в.? // Средние века. Вып. 62. М., 2001. С. 93-95.

хозяйств в поместье Рочдейл. Что же можно сказать по поводу его результатов? В целом они подтверждают наше предположение о «скудости» землевладения крестьянства интересующего нас региона, о незначительном, в целом, наделении крестьян землею. О том, что это действительно так, свидетельствует, помимо нашего, приведенного выше, описания условий крестьянских держаний, еще и таблица 52, в которой суммированы итоги нашего «эксперимента» на основе выборки, проведенной по принципу очередности фиксации держателей в источнике.

Таблица 52. Итоги «предварительного» эксперимента

Название манора	Площадь земельных наделов (акр.)	Итого:
1. Castleton	14; 2; 4,5; 3,5; 2,5	26,5
2. Wardleworth	2,5; 4,2; 13,2; 5,85; 3,75	32
3. Wardle	5; 3; 20,25; 5; 20,25	53,5
4. Blatchingworth	1,75; 5; <b>115</b> ; 4,5 9	135,25
5. Walsden	41; 20,5; 23; 20; <b>131</b>	235,5
6. Todmorden	6; 54; 55	115
7. Chadwick	9,5; 2; 12,5; 5; 2,2	31,5
8. Spotland	2,5; 4,5; 4; 5,5; 16,5	33
9. Wolstenholm	15; <b>72,5</b> ; <b>78</b> ; 45; 45	255,5
10. Healy	2; <b>68,5</b> ; 8,5; 8; 11	98
11. Whiteworth	10,5; 23; 0,5; 1; 3	35,5
12. Rossendale	20,5; 19; 43; <b>98</b>	180,5
12		<b>1231,75</b>

Из таблицы хорошо видно, что действительно наши держатели в целом не были основательно наделены землей. Среди держаний преобладают наделы от 1 до 20 акров. Мы можем отметить всего несколько случаев, когда участки земли копигольдеров Рочдейла превышали низшую границу «усредненного» крестьянского надела в 60 акров. Это держание Йордана Чадвика в 115 акров в маноре Блетчингверф, Джона Кроссли в 131 акр в маноре Валсден, Оттиуэлла Уолфендена в 98 акров в маноре Россендейл, наделы Томаса Хедмэна и Абрахама Волстенхолма, превышающие 70 акров, в маноре Волстенхолм и некоторые другие. В целом указанные относительно обеспеченные держатели составляют всего 10,5% от общей численности тех,

чьи условия держаний были проанализированы нами в ходе эксперимента.<sup>108</sup>  
Остальные 89,5% были просто-напросто бедны.

Однако, между тем, если бы мы попытались на основании наших данных составить представление о среднем наделе крестьянского хозяйства, мы получили бы цифру в 21,6 акра.<sup>109</sup> Она явно выше той, которая была получена нами в качестве характеристики среднего надела на одного держателя по всему комплексу Рочдейл (напомню, что речь идет о цифре 14,8 акра). Она также странным образом противоречит данным нашей таблицы. Ведь мы с полной очевидностью можем сказать, что большую часть крестьянских наделов, представленных в ней, составляли участки далеко не в 40-60, и даже не в 20 акров. Типичным держанием был надел, не достигающий и 10 акров (31 случай из 57, то есть 54,3%). Просто в цифре 21,6 отразился при подсчетах факт распределения площади крупных земельных участков (выделенных нами в таблице 52 жирным шрифтом) между всеми 57 держателями. Так что практика показывает, что «усредненные» показатели в аграрной истории не всегда надежны.

Однако для того, чтобы получить исчерпывающее представление о степени обеспеченности крестьянства Рочдейла (в отношении наделения его землей), мы должны проделать следующую непростую работу, связанную с выявлением процесса дифференциации в среде копигольдеров: всю массу крестьян следует разделить на ряд уже привычных для нас категорий с тем, чтобы точнее подсчитать, сколько же конкретно земли приходится на представителей той или иной из них. Такого рода работа весьма «технична»; при ее проведении, конечно же, нивелируются личностные характеристики людей (и без того не столь уж ярко «проглядывающие» в манориальных описях – документах, весьма специфичных), затеваются некоторые особенности их повседневной жизни и т.д. Однако без нее совершенно

---

<sup>108</sup> В общей сложности мы проанализировали условия держаний 57 чел., что составило примерно 30% всех копигольдеров крестьянского типа в Рочдейле, численность которых равна 189.

<sup>109</sup> Получить эту цифру нетрудно:  $1232,75 \text{ акр.} : 57 = 21,6 \text{ (акр.)}$

нельзя обойтись при изучении вопроса о социально-имущественном расслоении держателей, и не только потому, что все построения отечественной историографии в указанной области строятся на методе сплошных обчетов площади земельных наделов держателей, разделенных на известные категории в соответствии с представлениями о крупном, среднем, мелком и беднейшем крестьянстве, но и потому, что иная исследовательская техника противоречила бы должному изучению самой проблемы дифференциации крестьянства.

Для того, чтобы получить наиболее полное представление об интересующей нас проблеме, обратимся к данным таблицы № 53, в которой представлены итоги процесса дифференциации копигольдеров крестьянского типа поместья Рочдейл.

Таблица 53. Дифференциация копигольдеров крестьянского типа

Категории	Численность (чел.)	% к общей численности	Площадь (акр.)	% к общей площади
до 15 акров	135	71,0	723,4	25,8
15-29 акров	30	15,8	612,5	21,8
30-59 акров	16	8,6	656,1	23,4
60-89 акров	3	1,6	219,0	7,8
90-119 акров	3	1,6	335,0	12,0
120 акров и выше	2	1,4	258,0	9,2
Итого:	189	100	2804	100

Как видно из таблицы, более 2800 акров площади «крестьянского» копигольда были «распределены» среди 189 обычных держателей маноориального комплекса (включая «последних вилланов») следующим образом. Оказывается, что «средняцкое» ядро, с «фиксации» которого мы привыкли начинать рассмотрение итогов процесса дифференциации, в Рочдейле 20-х гг. XVII в. было довольно слабым. Так, мы насчитываем лишь

16 (8,6%) держателей земельных участков в 30-59 акров: они сосредоточили в своих руках 23,4% площади копигольда.

Тех, кто хозяйствует на наделах в 60-89 акров, – и того меньше: всего 3 (1,6%) держателя на огромный массив земли копигольда почти в 3000 акров, в руках которых, однако, сосредоточено более 200 акров (почти 8%) обычного держания. Кто же эти держатели? Это, во-первых, уже упомянутые в ходе нашего «эксперимента» копигольдеры из манора Волстенхолм Томас Хэдмен и Абрахам Волстенхолм: первый из них ведет хозяйство на наделе в 72,5 акров, а второй – на наделе в 78 акров. Кроме того, в интересующую нас категорию крестьянства входит и Йордан Чадвик из манора Хили, также упомянутый нами как держатель 68,5 акров «обычной» земли.

Далее, мы обнаруживаем в наших манорах всего три человека (1,6%) из числа тех, кого можно отнести к крестьянской «верхушке». Однако эти трое сосредоточили в своих руках почти 12% крестьянского копигольда. Так, Оттиуэлл Уолфенден, человек со странным именем из манора Россендейл, также уже упомянутый нами выше, держит 98 акров, а держатели Роберт Уолкден и Роберт Чадвик из манора Блетчингверф – по 118 и 115 акров соответственно. Это, безусловно, крупные участки для такого вида держания как держание по обычаю манора.

И, наконец, среди крестьян Рочдейла мы обнаруживаем и двух человек, чьи наделы даже несколько превосходят верхнюю границу крестьянского держания в 120 акров. Однако превосходят настолько незначительно, что, разумеется, мы не стали относить этих держателей, на основании их довольно твердого социально-экономического положения в маноре, к разряду *«крестьян по сословному положению, но – «некрестьян» по социальному статусу*», то есть выделять их в особую категорию «держателей мелких крестьянских вотчин» внутри манора, как мы делали это для более плотного слоя указанного типа в уилтширских поместьях графов Пемброков. Кто эти держатели? Один из них – обладатель почти незнакомого нам имени, Ричард Дерден. Ричард, похоже, весьма незадачливый хозяин.

Согласно копии от 28 сентября 1610 г. «по передаче» от эсквайра Джона Холта он держит 127 акров угодий различного типа, получая при этом невероятно низкий доход в 14 s.19d.(0,1s/акр.). Другой держатель, хозяйствующий на наделе в 131 акр, знаком нам: это, между прочим, один из «последних вилланов» манора Валсен, Джон Кроссли – мы анализировали условия его держания выше.

Итак, мы видим, что в целом слой зажиточных крестьян -копигольдеров в наших манорах совсем невелик. Тех, кто ведет свое хозяйство на земельных наделах, площадь которых колеблется от 60 до 120 акров (или чуть выше) – всего 8 человек (4,2% общей численности копигольдеров крестьянского типа). Однако, как и следовало ожидать, в их руках сосредоточено значительное – во всяком случае, по сравнению с их численностью – количество земли: более 800 акров (28,8% всей площади копигольда).

Если мы попытаемся сравнить удельный вес зажиточного, обеспеченного в материальном смысле крестьянства в комплексе маноров Рочдейл в 20-е гг. XVII столетия с идентичными данными, полученными нами в свое время для юго-западного графства Уилтшир этого же периода, то перед нами предстанет весьма интересная картина. Вне всякого сомнения, указанный слой крестьян на Юго-Западе Англии предреволюционного периода был куда более *плотным*, чем в ее северо-западном «углу», и, в частности, в графстве Ланкашир, к которому, как мы помним, и принадлежали земли Рочдейла. Так, держатели наделов от 60 до 120 акров составляли в Уилтшире в указанное время 34,8 %, а совокупная площадь их держаний равнялась 62% общей площади крестьянского копигольда<sup>110</sup>. Таким образом, удельный вес численности зажиточного крестьянства юго-западной части Англии превышал соответствующий показатель в ее северо-западном регионе в 8.3 раза. Что касается площади земли, находившейся в руках зажиточных слоев крестьянства, то ее удельный вес в манорах Пемброков превышал удельный вес землевладения держателей наделов от 60

---

<sup>110</sup> См. Винокурова М.В. Английское крестьянство... М., 1992. С. 152, табл. 17.



до 120 акров в манорах Рочдейла в 2,2 раза! Безусловно, что полученные нами цифры свидетельствуют о явном преобладании зажиточного крестьянства в юго-западной части Англии первой трети XVII в. по сравнению с ее северо-западной частью.

Посмотрим теперь, что можно сказать о менее зажиточном крестьянстве, проживавшем в манорах поместья Рочдейл. Оказывается, как это видно из данных таблицы 53, что в этих манорах насчитывалось 30 человек (около 16%), в руках которых находились наделы площадью от 15 до 29 акров. Площадь землевладения этих, не слишком-то обеспеченных земель крестьян, полувиргитариев и виргитариев, составляла 612,5 акров (или 21,8 % всего крестьянского копигольда). Таким образом, в данном случае удельный вес крестьянского землевладения все еще превышал удельный вес численности крестьянства – ситуация, которая свидетельствовала все же о наличии относительного материального благополучия в среде представителей этой категории копигольдеров.

Положение резко меняется в среде обычных держателей, чьи наделы не превышают 15 акров земли. Как мы видим, это самая многочисленная категория крестьянства в наших манорах: их численность составляет 135 человек или 71% всего количества копигольдеров. В то же время налицо явная диспропорция между численностью представителей указанной категории и земельной площадью их наделов: удельный вес земельной площади составляет всего-навсего 25,8%, что более чем в 2,5 раза ниже удельного веса численности самих держателей по обычаю. Итак: 71% : 25,8%. О чем свидетельствует столь явная диспропорция? О том, что представителям указанной категории явно не хватало земли, их душил земельный голод. Для того чтобы сводить концы с концами, им надо было бы иметь более чем в 2,5 раза больше «совокупной» земли.

Итак, в начале XVII в. мы наблюдаем в манорах Рочдейла очень своеобразную картину дифференциации крестьянства, которая в самом сжатом виде сводится к следующему: во-первых, мы обнаружили в этих

*манорах весьма немногочисленный и слабый слой держателей-средняков, во-вторых, – состоящий буквально из единичных представителей обычного держания слой зажиточного крестьянства и, наконец – чрезвычайно плотный слой бедняков и неимущих. Площадь участков более чем 85% держателей крестьянского типа едва «дотягивала» до 30 акров. 71% копигольдеров хозяйствовали на земельной площади менее 15 акров, причем в их числе, как показали наши исследования, было достаточно много типичных коттеров, чьи наделы подчас не достигали и пяти акров.*

Что же являлось причиной такого перераспределения земли в среде обычных держателей Рочдейла? Почему здесь настолько велик, пожалуй, даже избыточен, слой бедного и беднейшего крестьянства? С одной стороны, этот факт как будто бы укладывается в наши представления о специфике дифференциации крестьян Англии в эпоху аграрной революции с ее разрушительным воздействием на крестьянское хозяйство таких факторов как, например, огораживания или повышение фэйнов за допуск к держанию. Так, именно первый из этих факторов особенно влиял на появление в указанное время в центральной и восточной Англии коттеров и пауперов. А в юго-западной части страны, как показывает, в частности, наше исследование маноров графов Пемброков в Уилтшире, одной из самых основательных и серьезных причин пауперизации крестьянской деревни являлся второй из указанных факторов, то есть «ненормированное» и резкое повышение фэйнов за допуск при смене копий. Но даже если иметь в виду воздействие этого фактора, то все равно удельный слой беднейшего крестьянства в юго-западной части страны был значительно менее плотным. Напомню, что в 30-х гг. XVII в. в манорах Пемброков насчитывалось всего **26,1%** держателей, площадь наделов которых не превышала 15 акров<sup>111</sup>. Все же это не **71%**, как в манорах поместья Рочдейл! Такой высокий удельный вес бедноты, свидетельствующий о чрезвычайно низкой обеспеченности крестьянства, тем более удивителен, если учесть, что в северо-западной части страны, к

---

<sup>111</sup> Винокурова М.В. Английское крестьянство... С. 149-158.

которой относились 20 маноров Рочдейла, мы практически не наблюдаем огораживаний как процесса<sup>112</sup>, и к тому же не имеем ни одного примера повышения файнов. И это по той простой причине, что в изучаемом нами регионе крестьянство просто-напросто не было обязано платежами за допуск к держанию. Сам собой напрашивается вопрос: если в манорах Рочдейла не было файнов и практически не было огораживаний, то что тогда являлось причиной столь резкой, а главное - «однобокой» дифференциации крестьянства в данном регионе, выразившейся прежде всего в наличии огромного слоя бедняков и вполне скромного слоя среднего и зажиточного крестьянства? Мы-то привыкли к процессам классического типа, влекущим за собой возможность фиксации в источниках хотя и «размытого», но довольно стабильного слоя середнячества и, при наличии значительных пластов малоимущих, присутствие также и *основательного слоя зажиточного крестьянства*... А в манорах Рочдейла вместо этого – чрезмерное преобладание бедноты и почти полное отсутствие в среде крестьян сельских богачей. Именно поэтому мы имеем основание говорить об «однобокой» поляризации крестьянства в английском маноре данного региона.

В чем же причина этого явления? Ответить на этот вопрос явно нелегко. Прежде всего, надо иметь в виду, что перед нами – *итоги* процесса дифференциации крестьянства, который имел место в данных манорах на протяжении некоего, сколь угодно долгого времени, предшествовавшего составлению описей. Мы не знаем, и не имеем возможности узнать, составлялись ли когда-либо еще (*до* или *после* «наших») в поместье Рочдейл маноориальные описи. И уже по этой причине вынуждены расценивать полученные результаты в качестве некоего *итога* процесса расслоения крестьянства – раз у нас нет возможности сравнить эти результаты с

---

<sup>112</sup> Речь может идти лишь о незначительных, «эпизодических» примерах огораживаний на *крестьянском* копигольде, явлениях даже менее очевидных, чем примеры «кусковых» огораживаний в манорах Пемброков. Хотя, как мы помним, для «дворянского»

результатами обчетов по другом «комплекту» описей, которые могли бы быть сделаны *в этих же манорах*, но только *в другое*, более раннее или позднее, *время*. Другими словами, в данном случае, по причине специфики источников, имеющихся для нашего региона, мы не можем показать *динамики* самого процесса дифференциации (как мы делали это во время работы с *двумя одностипными комплектами земельных кадастров* маноров Пемброков в Уилтшире, относящимися к одному и тому же региону, но к различным хронологическим периодам). Перед нами – результат, и, как всякий результат, он статичен. Однако это весьма интересная «статика», позволяющая сделать некоторые предположения; и прежде всего потому, что ее специфика определенным образом коррелируется с другими результатами нашего исследования по Рочдейлу. В частности, если мы вспомним о таком достаточно уникальном явлении, выявленном нами, как «великий исход» местного дворянства на территорию обычного держания («исход» достаточно скромный по форме, проводимый через оформление копий в маноориальной курии, но весьма напористый, если судить о нем по результатам внедрения, и осуществлявшийся, по всей видимости, при участии маноориальной администрации), то сможем проследить некую связь между указанным процессом и спецификой расслоения крестьянства в исследуемом комплексе маноров. Действительно, отчего бы не предположить, что *наличие* такого *мощного слоя малообеспеченного крестьянства в поместье Рочдейл напрямую связано с проникновением местных богачей на копигольд*? Ведь представители локальной элиты Рочдейла, оформляя в курии копии на те или иные участки обычного держания, тем самым лишали значительной части земли самих обычных держателей, которые были вынуждены – со времени перехода их участков (или тех или иных «долей» этих участков) в руки «благородных» – довольствоваться теми скудными наделами, которые оставались им после

---

копигольда мы фиксировали в некоторых манорах Рочдейла (например, в маноре Тодморден) довольно крупные участки огороженного пастбища.

оформления копии на основную часть надела на имя кого-нибудь из местных богатеев, либо землями, которые могли отойти им по случаю инициации реверсий в курии кем-либо из родственников (что случалось не так уж часто).

Это предположение, однако, при всей своей логичности (основа которой заключается прежде всего в самом факте интенсивного проникновения «благородных» на копигольд) имеет и слабую сторону. Уязвимость выдвинутой гипотезы состоит в том, что, при всей, как нам кажется, скрупулезности проведенного выше анализа процесса указанного внедрения местных сквайров на держание по обычаю, мы, тем не менее, не можем проследить, ввиду специфики источников, на *чьи именно* участки копигольда внедрялись представители местной элиты. Дело в том, что имена тех копигольдеров, участки которых стали объектом пристального внимания местного дворянства, не указываются в описях; в них фиксируются лишь имена самих «благородных пришельцев», тех самых скваттеров, которые с момента оформления копий становились хозяевами вожде ленных наделов, и уже в качестве таковых фиксировались манориальными клерками. А раз имена прежних владельцев участков копигольда не указаны в источниках, мы не можем провести необходимую работу по сличению имен, которую было бы нужно провести в данном случае с тем, чтобы придать большую доказательность нашим предположениям. То есть в идеале для данного случая было бы хорошо провести сличение имен тех держателей, на чьи участки вторгались «благородные», с именами тех безземельных и малоземельных крестьян, которые выявлены нами в процессе работы над проблемой расслоения крестьянства. В случае совпадения или частичного совпадения фамилий наше предположение приобрело бы подлинную доказательность. Но за неимением, по объективным причинам, возможности для проведения такой работы, будем довольствоваться тем, что есть. И не откажемся от нашей гипотезы. Как представляется, она является в данном случае единственно логичной.

#### *4. Ренты держателей копигольда*

У нас есть возможность рассмотреть также и вопрос о рентных платежах держателей по обычаю. Думается, что нет нужды лишней раз подчеркивать важность этого вопроса для исследований по аграрной истории: ведь в уровне рент практически отражался баланс владельческих прав на землю между держателем и лордом манора. Если уровень рент был сравнительно низким и относительно стабильным (другими словами – если ренты были твердыми), это служило свидетельством укрепления держательских прав крестьянства на землю. Высокие ренты, свидетельствовали, напротив, о крайнем бесправии держателей в их отношениях с манориальными лордами.

В исследованиях по аграрной истории рассмотрение вопроса о динамике ежегодных рент копигольдеров усложняется еще тем обстоятельством, что в принципе оно всегда должно быть связано с наблюдениями над уровнем рент нерегулярных, выплачиваемых время от времени. На первое место среди этих нерегулярных (или эпизодических) рент в историографии традиционно выводятся *файны* за допуск к держанию (*finés of admission*), которые выплачивались лорду при смене копий. Если обратиться к опыту нашей работы с описями нескольких десятков маноров Пемброков в Уилтшире, то придется признать, что мы уже имели возможность указывать, и неоднократно, на исключительную роль вступных *файнов* как основного рычага экспроприации крестьянства, используемого манориальными лордами, в частности, в юго-западной части Англии периода аграрной революции<sup>113</sup>. Наличие в документах курий информации о *файнах*

---

<sup>113</sup> Винокурова М.В. Английское крестьянство... С. 104-126, 158-177, 227-264.

трудно переоценить: эта информация дает возможность рассмотреть, при надлежащем ее анализе, все уловки, на которые шли лорды маноров с тем, чтобы за счет непомерного повышения фэйнгов заменять невыгодных им держателей по обычаю с их традиционно твердыми, защищаемыми этим обычаем, годовыми рентами, на тех, отношения с которыми определялись бы не традицией, а договором.

Однако следует отметить, что традиционно фиксируемая в описях ежегодная сумма обычных рент и вступных фэйнгов обычно вовсе не исчерпывает фактически выплачиваемых держателями повинностей. Ведь и в XVI – XVII вв. в описях многих маноров (во всяком случае, маноров Пемброков на Юго-Западе Англии – совершенно определенно) все еще можно отыскать отраженные в документах реликты вилланского прошлого крестьян, выраженные в виде фиксации отработочных и натуральных повинностей и геридотов. Страницы описей Пемброков буквально пестрят свидетельствами о том, что дополнительно к ежегодно фиксируемой денежной ренте крестьяне-копигольдеры (а подчас даже и арендаторы) выплачивали и ренту натуральную в виде кур и петухов, каплунов, яиц и фруктов, многих бушелей овса и проса, а также, в некоторых случаях, – отработочную в форме вспашки остатков сданного в целом в аренду господского домена, стрижки и мытья овец и т.д. Очень часто в описях отражали и посмертные платежи – геридоты, в качестве которых после кончины того или иного держателя лорд брал с его родственников, как мы уже знаем, лучшую голову скота (*the best beast*).

Кроме того, не последнее место в практике крестьянской повседневности играли, как известно, и выплаты за пользование мельницами, мостами, дорогами и т.д. – повинности, которые, правда, весьма слабо отражены в наших источниках по Юго-Западу.

А теперь посмотрим, какие же из этих многочисленных крестьянских повинностей, которые, как правило, маноориальные клерки обязаны были

отражать в документах курий, присутствуют в наших описях 20 маноров северо-западного поместья Рочдейл?

Оказывается (и это на первый взгляд весьма и весьма удивительно), что никакие, кроме «классических» ежегодных денежных рент. То есть в текстах описей нет даже намека на выплату хотя бы одним (одним!) из сотен копигольдеров и фригольдеров (вне зависимости от их социального и имущественного статуса в маноре) таких повинностей как фэйны, гериоты, натуральные или отработочные повинности. Это невероятно удивительный факт.

И сейчас, в процессе уже достаточно длительной работы над этими сложными и объемными источниками, вспоминается, как, заглянув в описи впервые, я была поражена фактом отсутствия фиксации в них названных повинностей. В чем же дело? Человек, не слишком знакомый со спецификой документов по аграрной истории, мог бы в данном случае допустить мысль, что причина названного явления заключена в рассеянности или забывчивости маноориальных клерков. Но ничего более нелепого, чем такое предположение, не может быть, и вот почему.

Во-первых, как уже отмечалось выше, в другой связи, «служашие» курии были обязаны фиксировать в документах все, что касалось перемещения земли внутри маноров и денежных выплат за пользование ею, причем фиксировать до мельчайших деталей – таковы были правила составления земельных описей, и эти правила основывались на многолетней традиции, в основе которой лежала необходимость постоянного подведения «материального», в том числе и финансового, баланса внутри каждого из маноров.

А во-вторых, в столь массовых масштабах эта «рассеянность» не могла бы проявиться еще и потому, что такого беспорядка не потерпел бы стюард манора, обязанный пристально следить за отчетностью, тем более отчетностью фискального плана. Следовательно, фиксации в описях массы крестьянских платежей «дополнительного» характера, перечисленных выше,



не было потому, что этих платежей не было в действительности. Крестьяне Рочдейла на самом деле не были обязаны манориальному лорду никакими другими платежами, кроме классических годовых денежных выплат.

Но тогда возникает другой вопрос: а почему? Почему в этом, отдаленном от центра, северо-западном «углу» страны, сложилась такая, весьма выгодная для крестьянства, и совсем невыгодная для его господ, ситуация?

Ответ на этот непростой вопрос мы попробуем дать чуть позже, а сейчас посмотрим, каков же был *уровень* годовых рент, выплачиваемых крестьянами Рочдейла. Может быть, он был настолько высоким, что в достаточной степени пополнял манориальный бюджет? Обратимся к таблице № 54<sup>114</sup>.

Таблица 54. Ренты копигольдеров.

Название	Общая сумма (s.)	Общий уровень на акр (d.)	С дворянского копигольда (s.)	Рента на акр с дворянского копигольда (d.)	С крестьянского копигольда (s.)	Рента на акр с крестьянского копигольда (d.)
Castleton	8,1	0,5	8,1	0,6	-	-
Wardleworth	4,1	0,8	1,5	0,5	2,6	1,0
Wardle	17,9	0,6	12,0	0,6	5,9	0,5
Blatchingworth	43,0	0,4	20,6	0,5	22,4	0,4
Walsden	<b>69,6</b>	<b>1,7</b>	<b>31,8</b>	<b>1,9</b>	<b>37,8</b>	<b>1,4</b>
Todmorden	119,4	1,9	100,6	1,9	18,8	2,2

<sup>114</sup> Особенность этой таблицы состоит в том, что в ней сосредоточены цифровые данные о рентах, полученные нами на основании анализа рентных обязательств не только копигольдеров крестьянского типа, но и «благородных» на копигольде. В разделе по «дворянскому» копигольду мы намеренно не касались вопроса (в обобщенном виде) о рентах «благородных» держателей на «обычной» земле с тем, чтобы оставить за собой возможность сопоставления данных по указанной проблеме для лиц различного сословного статуса на земле одного и того же юридического статуса. Отмечу также, что наша таблица отражает лишь *тенденцию* в распределении рент на акр земельной площади как на «дворянском» копигольде, так и на копигольде крестьянского типа. Дело в том, что ренты выплачивали далеко не все копигольдеры обоих сословных статусов, и в каждом маноре пропорция плательщиков рент была разной. Между тем при подсчетах суммарного уровня рент за акр земельной площади копигольда приходится учитывать всю площадь того или иного манора целиком (а не только площадь земли тех держателей, ренты которых указаны в описи). Мы были вынуждены поступать именно таким образом (как это и принято в исследованиях по аграрной истории) с тем, чтобы не исказить данных о земельной площади маноров, подсчитанной нами на основании «показаний» описей – в противном случае не было бы и смысла в выявлении уровня рент за акр; этот показатель заведомо не был бы точным и не отражал бы даже тенденции.

Chadwick	5,6	0,3	-	-	5,6	0,3
Spotland	31,0	0,9	11,0	0,7	20,0	1,1
Wolstenholm	39,1	0,8	21,0	1,8	18,1	0,5
Healy	10,8	0,9	1,4	0,9	9,4	1,0
Whiteworth	63,8	0,9	40,5	1,0	23,3	0,7
Rossendale	<b>195,6</b>	<b>7,2</b>	-	-	<b>195,6</b>	<b>7,2</b>
<b>12</b>	<b>608=30,4 £</b>	<b>1,3</b>	<b>248,5=12,4£</b>	<b>1,1</b>	<b>359,5=18£</b>	<b>1,5</b>

О чем же свидетельствует наша таблица?

Мы видим, во-первых, что общая сумма рент с копигольда по всему комплексу маноров была совсем невысока; она равняется всего **30,4£**. Для рентных поступлений с копигольда целых 20 маноров это действительно удивительно мало. Например, сумма годовых рент в 17 манорах графов Пемброков в Уилтшире 30-х гг. XVII в. составляла **296,5£**, что в 9,8 раз превышало указанную ренту в Рочдейле. И это с учетом того обстоятельства, что численность держателей копигольда в интересующих нас регионах Англии различалась не столь уж значительно: в Рочдейле мы насчитываем 234 держателя копигольда, а в комплексе Пемброков – 376. Итак, держателей в Рочдейле было всего лишь в полтора раза меньше, а сумма выплачиваемых ими рент – почти в 10 раз ниже. Уже один этот факт свидетельствует о специфике рентных отношений в северо-западных манорах Англии первой трети XVII в., где ренты были не только единственным источником пополнения манориального бюджета, но к тому же источником явно не изобильным. Об этом свидетельствуют и наши данные, касающиеся общей (по всему комплексу маноров) суммы рент за акр копигольда. Этот уровень составляет, как следует из таблицы, всего-навсего 1,3 d/акр. В отдельных манорах этот показатель еще ниже: почти повсеместно он не достигает и одного пенса на акр земельной площади<sup>115</sup>. Если бы не достаточно высокие

<sup>115</sup> Справедливости ради еще раз подчеркнем, что этот показатель мог бы быть не таким низким, если бы ренты выплачивали все копигольдеры поголовно, а не только некоторые из них. В этом случае не имелось бы «разрыва» между абсолютными суммарными цифрами уровня рент и земельной площади, то есть теми итоговыми данными, которые необходимо учитывать при исчислении уровня рент на единицу земельной площади. Но, кстати, тот факт, что ренты держателей Рочдейла выплачивались не в массовом, а, скорее, в индивидуальном порядке, также свидетельствует о специфическом характере рентных отношений на копигольде в интересующем нас регионе. Мы еще попробуем,

суммы рент держателей копигольда в трех манорах Рочдейла, выделенных в таблице, (Валсден = 69,6 s.; Тодморден = 119,4 s.; Россендейл = 195,6 s.)<sup>116</sup>, боюсь, уровень рент за акр копигольда в целом по комплексу мог бы быть максимально близким к нулевой отметке.

Далее, на основании данных нашей таблицы мы имеем возможность не только рассмотреть вопрос о рентных обязательствах держателей крестьянского копигольда, но и сравнить их с данными, касающимися выплаты рент теми, кто, будучи благородным по происхождению, вел хозяйство на «низком» копигольде (не слишком-то гнушаясь этим).

Мы видим, что в целом 189 копигольдеров крестьянского типа ежегодно вносили в манориальную казну 18£. Всего 18! Это ничтожно низкая цифра для такого большого числа держателей. Самая высокая сумма рент (более 54%) «притекала» из манора Россендейл, где, как мы уже отмечали, манориальные лорды «законсервировали» целую колонию «последних вилланов», состоявшую из 16 семейств, обязанных очень высокими рентами, уровень которых на акр земельной площади составлял целых 7,2 d.

В Валсден, населенном «последними вилланами», ренты также были относительно выше по сравнению с теми, которые выплачивало крестьянство остальных маноров..

---

если получится, хотя бы частично определить причины этого «индивидуального подхода».

<sup>116</sup> В тексте этой сноски на самом деле содержатся чрезвычайно важные для нас наблюдения. Дело в том, что маноры Валсден и Россендейл характеризуются высоким уровнем рент держателей копигольда совсем недаром. Мы помним, что это маноры с «повышенным содержанием» в них «древнего» или вилланского копигольда; а держатели такого копигольда (в Россендейл, напомню, это была целая крестьянская колония, а в Валсден, помимо крестьянского, существовал перешедший в руки «благородных» и «дворянский» копигольд) отличались от держателей «нормального» копигольда, как мы помним, более высоким уровнем годовых рент, как и других повинностей – в этом сказывалось их вилланское прошлое. В маноре Тодморден достаточно высокий уровень рент объяснялся, очевидно, высоким (до 86% площади) распространением в нем «дворянского» копигольда, благородные держатели которого (вполне пропорционально к площади своих участков) выплачивали 84% рент.

А в них, как мы видим, ренты с крестьянского копигольда крайне скудны. Что можно сказать о доходности манора, приносящего его владельцу ренту, сумма которой выражается не в фунтах, а в шиллингах? Ничего, кроме того, что это чрезвычайно низкая рента. Это наблюдение относится и к манорам Блетчингверф, Уайтверф, Спотлэнд, Волстенхолм, в которых годовые поступления с крестьянского копигольда чуть превышали 1 фунт, равнялись ему (22, 4; 23,3; 20 s.) или были чуть ниже этого уровня (18,8; 18,1 s.), но прежде всего к манорам, в которых годовые ренты не достигали и 10 шиллингов! Так, в маноре Вардл сумма рент с крестьянского копигольда не превышала 5,9 s., в маноре Чадвик – 5,6 s., в Хили – 9,4 s., а в маноре Вардлверф составляла и вовсе ничтожную сумму в 2,6 s. Так что нас теперь не удивит то обстоятельство, что уровень ренты на акр земельной площади крестьянского копигольда в комплексе Рочдейл в целом равнялся лишь 1,5d.!

Далее, у нас есть также возможность рассмотреть уровень рент, поступавших в поместный бюджет с «дворянского» копигольда и сравнить его с соответствующим показателем на обычном держании крестьянского типа.

Как можно понять из таблицы 54, сумма рент с «дворянского» копигольда составляет в целом по комплексу маноров 248,5 s. или 12,4£. Особо крупный вклад в эту сумму внесли благородные владельцы копигольда из манора Тодморден: мы видим, что поступления с их хозяйств равняются 100,6 s. (более 5£). «Благородных» на копигольде этого манора – напомним – всего двое. Это эсквайры Сэвиль Радклифф, ведущий хозяйство на 303 акрах огороженного пастбища (рента 48s.8d.), и Ричард Таунли, сконцентрировавший в своих руках 343 акра идентичных угодий (рента 51s.10d.). Далее, относительно значительна сумма рент «благородных» на копигольде из манора Валсден: она составляет 31,8 s. Мы уже отмечали специфику «дворянского» копигольда этого манора: оказывается, он возник благодаря усилиям эсквайров, не погнушавшихся проникнуть, оформив в курии соответствующие документы, на крепостной, низкий, «древний»

копигольд «последних вилланов». Это прежде всего наш знакомый Роберт Холт, который за огромный участок этого вида копигольда в 186,5 акров платит довольно высокую ренту почти в 30 s. Он-то в основном и пополняет бюджет манора от «номинации» «дворянский копигольд», так как его «коллега по статусу», эсквайр Джеймс Хеллиуэлл, который по двум копиям владеет 18,5 акра «древнего копигольда», выплачивает совсем низкую ренту, сумма которой составляет всего-навсего 1,8 s.

Далее, не такой уж низкой является сумма поступлений из манора Уайтверф: она составляет 40,5 s. или немногим более 2£. Однако при более пристальном рассмотрении существа дела оказывается, что из восьми «копигольдеров-дворян» лишь трое выплачивают относительно существенную ренту. Это, во-первых, джентльмен Джон Белфилд, который, согласно копии от 16 сентября 1620 г. владеет 126 акрами *наследственного* копигольда (он платит за них ренту почти в 17s.)<sup>117</sup>. Это также эсквайр Эдуард Баттерсверф, который за участок в 53,5 выплачивает в качестве ренты около 8 s. ежегодно. И наконец, наш вездесущий Роберт Холт ведет хозяйство на 187 акрах копигольда, выплачивая ежегодно 10 s. Остальные «благородные» на копигольде этого манора либо *совсем не платят рент* (это «благородные» держатели копигольда Роберт Ховорф и Джон Чадвик), либо обязаны небольшими суммами, не превышающими 1-2 s. в год.

Если мы заглянем в другие маноры, в которых был распространен «дворянский» копигольд, то обнаружим и совсем незначительные годовые выплаты его владельцев. Так, например, в маноре Каслтон сумма рент «благородных» едва превышала 8 s. (причем ренту платил всего один эсквайр из трех, зафиксированных описью); в маноре Спотлэнд ее общая сумма

---

<sup>117</sup> В более поздней интерполяции к описи этого манора сказано, что, унаследовав, согласно обычаю и характеру самого держания, указанный крупный участок копигольда после смерти Джона, его вдова Елизавета, также благородная по происхождению, повторно вышла замуж. Ее избранником стал Джон Хеллиуэлл (John Halliwell of Pike House) из Щучьего (Пикового?) Домика, тоже благородный. В источнике ничего не сообщается, как в этом случае вновь возникшая семейная пара обошлась с приданным Елизаветы, внесенным в качестве доли недвижимости в земельные владения ее первого мужа. Это досадно; ведь мы по крупницам собираем данные о подобных случаях.

равнялась 11 s. в год (эта сумму составляли выплаты в манориальный бюджет трех джентльменов, владеющих копигольдом, из 7). А в Хили два «копигольдера-джентльмена», Абель Бакли и Сэмюэль Хаммер, на самом деле относящиеся к разряду местной элиты, состоявшей из зажиточных благородных фригольдеров, выплачивали за свои мелкие участки обычного держания суммарную ренту всего в 1,4s.

В ряде маноров рента была повыше, хотя выплачивалась также крайне неравномерно, то есть далеко не всеми держателями. Например, благородные держатели копигольда в маноре Вардл платили в сумме 12 s. в год, причем указанная сумма поступала от 2 «благородных» на копигольде из 5. В Блетчингверф и Волстенхолм немногочисленные владельцы «дворянского» копигольда (2-3 на манор) выплачивали в сумме примерно одинаково, но все равно немного: примерно по фунту в год.

В целом можно сказать, что ренты на «дворянском» копигольде были практически так же невысоки, как и на копигольде крестьянском. Об этом свидетельствует прежде всего уровень рент за акр земельной площади: если у крестьян этот показатель в целом по комплексу составлял 1,5 d/акр., то у «благородных» и того меньше – 1,1 d/акр. Мы видим, что и абсолютные суммы ренты не так уж разнятся; в обеих категориях они, в сущности, совсем невысоки: 18£ с крестьянского копигольда Рочдейла и 12,4£ – с копигольда «дворянского». Учтем, однако, что держателей крестьянского типа на копигольде было в 4,4 раза больше, чем держателей «благородных». Это означает, что платили они в среднем все же относительно меньше. Так, на основании данных нашей таблицы выходит, что «среднее» крестьянское хозяйство на копигольде было обязано ежегодно вносить в «казну» манора 22,8 пенса (1,9s.)<sup>118</sup>, в то время как благородные держатели копигольда в среднем должны были платить 69,3 пенса (5,8s.)<sup>119</sup> с хозяйства. Следовательно тот факт, что, будучи обязаны более высокими годовыми

---

<sup>118</sup> 369,5 s. : 189 = 1,9 s.

<sup>119</sup> 248,5 s. : 43 = 5,8 s.

рентами по сравнению с традиционными держателями по обычаю, «копигольдеры-дворяне» все же выплачивали более низкую ренту за акр своих держаний, объясняется тем, что, будучи в количественном отношении в меньшинстве, они, как мы помним, вели хозяйство на более крупных участках, чем обычные держатели крестьянского типа.

Мы должны в этой связи остановиться еще на одной интересной проблеме. Я уже неоднократно подчеркивала то обстоятельство, что держатели наших маноров платили ренты достаточно неровно, словно бы маноориальная администрация подходила к этому процессу весьма избирательно, останавливая свое внимание при «назначении» рент не на всех, а лишь на некоторых из них. Причем сказанное относится как к владельцам «дворянского» копигольда, так и к держателям копигольда типично крестьянского. От чего мог зависеть принцип выборочности в выплате рент? Найти ответ на этот вопрос представляется важным, и прежде всего потому, что речь идет о самом основном отношении между держателями и лордами – рентном. Кроме того, в данном случае это отношение (судя по всему, проявляющееся по манорам весьма неровно, с различной степенью интенсивности), окрашено еще и некоей локальной спецификой. Так, например, работая с описями огромных земельных массивов Уилтшира середины XVI-первой трети XVII вв., я не наблюдала подобного подхода представителей маноориальной администрации к практике «собираания» рент, поскольку практически все крестьяне, то есть решительно большая часть держателей (до 95-98% состава маноров) в указанном регионе *выплачивала* годовые ренты. Другое дело, что высота их могла быть разной<sup>120</sup>, но таких грандиозных лакун, как в рентах некоторых маноров Рочдейла по отношению к ряду держателей, в доходной части бюджета маноров Пемброков в Уилтшире все-таки не наблюдалось.

---

<sup>120</sup> Мы уже подчеркивали в разделе, посвященном общей характеристике копигольда как особого типа держания, те факторы, от которых могли зависеть различия в *высоте* выплачиваемых рент. Сейчас речь идет все же о другом: почему одни держатели выплачивали ренту (высокую или низкую - любую), а другие не были обязаны ею вовсе?

Однако прежде всего покажем, что эти лакуны действительно значительны. Для этого нам следует вычислить в каждом маноре «пропорцию» тех (как на «дворянском», так и на крестьянском копигольде), кто вовсе не выплачивал рент. Попробуем заняться этим, для чего нужно будет провести длительную работу, выявляя из текста источников, буквально постранично, держателей обеих категорий (дворян и крестьян), как выплачивавших, так и не плативших рент. Итоги этой работы представлены в таблице № 55.

Таблица 55. Ренты на копигольде.

Название манора	Всего дворян	Обязаны рентой	Не обязаны рентой	Всего крестьян	Обязаны рентой	Не обязаны рентой
Castleton	3	1	2	5	1	4
Wardleworth	4	2	2	7	3	4
Wardle	5	2	3	18	1	17
Blatchingworth	3	2	1	18	3	15
Walsden	3	2	1	8	6	2
Todmorden	2	2	-	3	2	1
Chadwick	4	-	4	11	4	7
Spotland	7	3	4	37	17	20
Wolstenholme	2	2	-	17	6	11
Healy	2	2	-	8	2	6
Whiteworth	8	6	2	41	12	29
Rossendale	-	-	-	16	14	2
12	<b>43</b>	<b>24</b>	<b>19</b>	<b>189</b>	<b>71</b>	<b>118</b>
		<b>(55,8%)</b>	<b>(44,2%)</b>		<b>(37,6%)</b>	<b>(62,4%)</b>



Итак, прежде всего мы действительно можем убедиться в том, что годовой рентой были обязаны далеко не все держатели копигольда, как традиционного, крестьянского, так и «дворянского».

Так, например, из 43 «благородных» держателей, как мы видим, в целом по комплексу абсолютно не выплачивают ренту целых 19 человек, что составляет 44,2% их общей численности. А в маноре Чадвик все те эсквайры, которые ведут свое хозяйство на копигольде (то есть 100% «благородных»), не платят владельцам маноров ровным счетом ни пенса. В маноре Спотлэнд из 7 «копигольдеров-дворян» 4 человека (более 57%) также вовсе ничего не платят в курию.<sup>121</sup> То же самое можно сказать о ситуации, сложившейся в манорах Вардл, Каслтон и некоторых других.

Еще более интересна, и даже необычна, ситуация, складывающаяся в отношении выплаты рент в среде крестьян. Оказывается, в манориальном комплексе Рочдейл лишь 37,6% держателей крестьянского типа выплачивают ренту. И более 62% - не выплачивают. Так, в маноре Спотлэнд не обязаны рентой 20 держателей из 37 (54%), в маноре Блетчингверф - 15 из 18 (83%), в маноре Вардл - 17 из 18 (94%), в Уайтверф - 29 из 41 (более 70%). Просто удивительно! Ведь мы привыкли считать, что именно крестьянство (и более всего держатели по обычаю) было в частно-вотчинных владениях Англии, в том числе и в раннее Новое время, тем самым сословием, по отношению к которому вполне уместно применять определение «податное». А в обширных манорах Рочдейла, расположенного в северо-западной части Англии, мы наблюдаем иную ситуацию, если рассматривать ее с точки зрения распределения рент внутри самой этой категории крестьянства. Здесь мы не наблюдаем, как в других регионах Англии, внушительного костяка крестьянства, представители которого были бы поголовно обязаны вносить рентные платежи в курию манора. И тот факт, что в целом крестьяне выплачивают в манориальный бюджет все же немного больше денег, чем «благородные» на копигольде (сравните еще раз 18£ и 12,4£), объясняется

---

<sup>121</sup> Отметим здесь, что когда мы говорим «вовсе не платят», то это действительно так: в описях в этом случае в разделе «рента» стоят пометки «free of rent» или «nil».

тем простым обстоятельством, что их (крестьян) больше в численном отношении. Так, если мы опять прибегнем к использованию данных таблицы 55, то увидим, что число копигольдеров крестьянского типа, обязанных рентой, превышало численность «благородных» копигольдеров почти в 3 раза<sup>122</sup>.

Итак, мы как будто бы доказали, что копигольдеры Рочдейла, и прежде всего держатели по обычаю (крестьяне), хозяйствуя в целом на некрупных участках земли, выплачивают лишь традиционные, причем очень небольшие, денежные ренты. И рентами этими к тому же обязана в целом лишь треть крестьянства, а если рассматривать ситуацию в отдельных манорах, то подчас – и гораздо меньшая его часть.

Но мы все еще не пытались ответить на вопрос о том, в чем кроется причина подобной ситуации? Почему некоторые платят, а другие – нет? Между прочим, я подозреваю, что наши описи могут и не дать нам исчерпывающего ответа на поставленный вопрос. Дело в том, что они просто фиксируют сами факты, относящиеся к «плоскости фискального» в маноре. А причины отмеченного явления ведь могут лежать в какой угодно плоскости, включая «плоскость повседневного»<sup>123</sup>. Но все же попробуем еще раз заглянуть в среду крестьянства, отраженную в наших источниках, с тем, чтобы попробовать разобраться в ситуации и выявить хоть какие-нибудь

---

<sup>122</sup> 71: 24 = 2,9

<sup>123</sup> Представим себе, например, такую ситуацию: некий крестьянин, скажем, является старостой в маноре и как «низовой», но все-таки представитель манориальной администрации, может быть освобожден от выплаты ренты. А другой крестьянин живет с ним по соседству и, состоя на протяжении ряда лет в дружеских отношениях со старостой, по протекции последнего, также не является их плательщиком. А какой-нибудь представитель местной элиты (из «благородных») является покровителем третьего, вследствие чего, ввиду его ходатайства в курии, этот последний также может быть освобожден от платежей. А дочь четвертого находится в услужении у стюарда манора или самого лорда... И так далее, и тому подобное. Дело в том, что все эти жизненные коллизии вполне могли влиять на материальное положение отдельных представителей крестьянства в маноре. Но в описях всего этого не отражено подробно, да и не может быть отражено по причине специфического характера этого типа источников. Подобные обстоятельства (и то не всегда прямо, а подчас косвенно) могут неожиданно проявляться в тексте лишь таких источников, как протоколы манориальных курий, в которых, как мы

закономерности. Разумеется, в этом случае наше внимание будет преимущественно направлено на неплательщиков рент.

Начнем с самого начала. Перед нами – манор Каслтон. Из пяти держателей крестьянского типа, зафиксированных описями этого манора, четверо не выплачивают ренты. Это держатели мелких участков земли (от 2,5 до 4,5 акров), типичные коттеры, к тому же хозяйствующие не на наследственном, а на «срочном» копигольде сроком на одну жизнь<sup>124</sup>. Интересно, что все они держат землю «по передаче» (by surrender) от Чарльза Холта, эсквайра, который, как мы помним, является крупным фригольдером Рочдейла, а также – в данном маноре – «благородным» владельцем участка наследственного (for ever by copy) копигольда площадью в 43 акра. Все «передачи», как и копия на участок самого Холта, датированы 1622 г. Единственный крестьянин данного манора, выплачивающий ренту, к тому же высокую (3,75d/акр.), Эдмонд Купер, также обязан своим держанием эсквайру Холту. Вот только копигольд у крестьянина Купера не срочный, а наследственный, да и участок покрупнее; его площадь равна 14 акрам<sup>125</sup>. Что можно предположить в связи с фактами, почерпнутыми нами из описи манора Каслтон? Очевидно, *от выплаты рент в маноре действительно могли освободить тех, кто был связан реверсией с каким-либо лицом благородного происхождения, возможно, входящим в местную элиту* (о причинах перехода земли “by surrender” от эсквайра к рядовым коттерам, к тому же, по всей видимости, не состоящим с ним в каком-либо родстве, мы сейчас умалчиваем; все равно нам не выявить этих причин на основе лишь одних наших описей, да это не так уж и нужно в данном случае). К тому же

---

знаем и фиксировалось «повседневное». К сожалению, мы не располагаем для наших маноров такого типа источниками.

<sup>124</sup> Напомню, каким образом из манориальных описей «технически» вычленяются держания различной длительности. Если в протоколе записано одно имя, то в практике исследований по аграрной истории такое держание принято считать держанием сроком на одну жизнь (7 лет), если два имени – на две жизни, три – на три жизни (21 год). Наследственные держания определялись как «copyhold of inheritance» или держания «for ever by copy».

<sup>125</sup> См.: Survey, P. 10-14.

держатели «срочного» копигольда, как следует из описей манора Каслтон, были более реальными претендентами на то, чтобы не платить рент, чем те, кто владел наследственным копигольдом.

В Вардлверф (напомню, что это манор городского типа) из семи копигольдеров-крестьян не выплачивают ренту четверо. Все они также держатели «срочного», причем «на одну жизнь», копигольда. Однако их объединяет не только лишь это обстоятельство. Оказывается, что все те, кто не выплачивает ренту, обладают «двойственным», а иногда и «тройственным» держательским статусом. Так, Йордан Чадвик, держатель по копии манориальной курии, одновременно является мелким арендатором локального масштаба: на северной стороне High Street у него имеется кусочек арендуемой земли площадью всего в 0,75 акра, с которого он, однако, получает доход в целых 5£. Другой держатель по копии манориального суда, освобожденный от выплаты рент, Чарльз Наталл, как выясняется, является одновременно и фригольдером: в этом же маноре он владеет (на общем праве) двумя участками земли площадью в 14 и 58 акров. Третий из интересующих нас держателей, копигольдер Артур Батгерсверф, также является свободным держателем, но только - в соседнем маноре, где он владеет участком в 40 акров, приносящим ему вполне приличный доход, уровень которого равен, по моим подсчетам, 8,5s/акр. Там же он держит еще один участок копигольда. И наконец, последний неплательщик ренты из числа крестьян Вардлверф, Роберт Чадвик, оказывается, является одновременно и арендатором, и свободным держателем в этом же маноре<sup>126</sup>.

Так что, похоже, обладание «смешанным» статусом, основанным на держании земли или владении ею внутри или вне манора, могло каким-то образом влиять на обязательность выплаты рент на копигольде. Видимо, держателей по обычаю могли освобождать от рент *в тех случаях, когда «добавочный» статус держателя основывался на договоре (аренда), а тем более – базировался на крепком фундаменте общего права (фригольд).*

---

<sup>126</sup> Survey, P. 94-97.

Другими словами, **совмещение статусов могло прибавлять держателю «крестьянской свободы»**. В нашем маноре доказательством этого служит, в частности, тот факт, что остальные три копигольдера крестьянского типа в маноре Вардлверф, которые как раз были обязаны рентами, не являлись лицами, совмещающими статусные состояния. Однако, во всем этом выражалась, очевидно, региональная специфика в подходе к процессу выплаты рент<sup>127</sup>. Так, например, в манорах Пемброков на Юго-Западе Англии статус фригольдера не являлся основанием для освобождения от выплаты копигольдерских рент в случае совмещения различных по статусу держаний.

В следующем маноре, Вардл, из 18 держателей крестьянского типа свободны от рент почти все (17 чел.). Посмотрим, что могло влиять здесь на это освобождение от повинностей. Почти во всех случаях мы можем сделать определенные предположения, основывающиеся на данных источников. Так, во-первых, все 17 неплательщиков рент держат краткосрочный копигольд «на одну жизнь». Во-вторых, шестеро из них получили свои держания «по передаче» в курии от лиц благородного происхождения, каковыми в маноориальном комплексе являлись названные в источниках в качестве инициаторов реверсий эсквайры Теофил Аштон (2 «передачи»), Роберт Холт (3 «передачи») и Джон Баттерсверф. Кстати, обратим внимание на то обстоятельство, что все «передаваемые» этими джентльменами участки земли приносят очень низкий доход, уровень которого колеблется от 2,2 до 2,7 s/акр.<sup>128</sup> *Не потому ли подчас и избавлялись от невыгодного копигольда его «благородные» владельцы, спеша зафиксировать «обратную» передачу в*

---

<sup>127</sup> Не забудем, что маноориальный комплекс Рочдейл принадлежал в прошлом к территории старинного домена короля, где повинности держателей вообще были минимальными, а аграрные распорядки не тяготели к ограничению свободы крестьянства. Несомненно, что наличие «скудных» рент или их полное отсутствие можно, собственно, объяснить и принадлежностью исследуемых нами земель к «северному» типу аграрной эволюции, характеризующемуся в историографии, как уже упоминалось неоднократно, минимальным рентным и налоговым гнетом на крестьянство.

<sup>128</sup> Survey, P. 109-113.

*курии, адресованную традиционным держателям земли указанного статуса?*<sup>129</sup>

Кроме того, имеется и три случая «совмещения статусов». Так, копигольдер-крестьянин Вардл Джеймс Филдинг, ведущий свое хозяйство на участке 20 акров, является «по совместительству» и фригольдером в соседнем маноре Блетчингверф. Обычный держатель Джон Лорд также ведет хозяйство (в этом же маноре) на участке в 15,5 акров, который фиксируется в курии в качестве «свободной земли». Интересно, кстати, то обстоятельство, что, как фригольдер, он как раз платит номинальную ренту в 1 пенс. А как копигольдер, являющийся еще и фригольдером, – нет. И наконец, еще один держатель на основании копии манориального суда, Артур Баттерсверф, уже известный нам по манору Вардлверф, является в Вардл не только держателем по обычаю (на этом основании он держит 8 акров), но и владельцем 40 акров фригольда<sup>130</sup>.

Далее, манор Вардл являет нам пример того, о чем мы уже упоминали неоднократно: в нем освобождены от выплаты рент все *вдовы* – и это как раз пример того, что в практической жизни манора вдовье право вполне могло превалировать над волей лорда.

В маноре четыре вдовы. Это Мэри Клегг, которая держит 5 акров копигольда, Анна Смит (2 акра), Дженнетт Клегг (18,5 акров) и Элис Волстенхолм, на положении которой хотелось бы остановиться несколько подробнее. Оказывается, согласно обычаю данного манора, вся земля, остающаяся после смерти кормильца (включая «*marriage portion*», то есть приданое, выраженное в недвижимости) должна была полностью отходить наследникам (если таковые имеются), а не вдове. И только в случае, когда крестьянин не имел наследников, земля могла перейти к его вдове. Мы

---

<sup>129</sup> Это очень важное предположение, объясняющее причины довольно-таки распространенных передач земли копигольдерам со стороны местных сквайров через курию, тех самых сквайров, которые так стремились хозяйствовать на копигольде. Но, видимо, когда выяснялось, что этот вид земельного держания не столь уж выгоден, как им казалось, и происходили «обратные передачи» земли, адресованные крестьянам, которые фиксируют наши источники.

узнаем из источника, что у Элис и ее умершего мужа имеется малолетний сын, Том, на которого и был (по реверсии) «переписан» участок. Однако в данном случае над этим участком «обычной» земли в 30 акров, была, что естественно, установлена опека со стороны матери малолетнего Тома, то есть самой вдовы. Опека была зафиксирована в курии 20 ноября 1623 г., причем вдову освободили от выплаты ренты.<sup>131</sup> Между прочим, ей очень повезло: дело в том, что, как отмечено в описи, именно на ее участке находились угольные разработки, на владение которыми (на правах аренды сроком в 21 год) она получила разрешение администрации манора. И вот за эту-то аренду она, естественно, уже платит арендную плату: 10 s. в год «в растяжку» в течение 40 дней после Дня Св. Михаила. Любопытно, что в источнике отмечено следующее: Элис, настроенная, по всей видимости, вести хозяйство на широкую ногу, «извела много строевого леса», использованного для строительства новых угольных шахт, и «изведет еще больше, если не позаботиться об этом».<sup>132</sup>

У нас остались невыясненными обстоятельства, благодаря которым были освобождены от выплаты рент оставшиеся 4 крестьянина из 17. К сожалению, в данном случае источники оставляют нас в неведении относительно причин отмеченного нами привилегированного положения этих держателей.

Посмотрим, далее, как обстояли дела с причинами невыплаты рент в маноре Блетчингверф. Мы помним, что из 18 держателей крестьянского типа в этом маноре рентами не были обязаны целых 15 человек.

Сразу бросается в глаза то обстоятельство, что некоторые из крестьян Блетчингверф не платили рент на основании тех же причин, которые были выделены нами выше на примере других маноров. Так, например, Йордан Чадвик, хозяйствующий на крупном участке «обычной» земли площадью в

---

<sup>130</sup> Ibid.

<sup>131</sup> Ibid., P. 113.

<sup>132</sup> Ibid.: "... she hath destroyed much timber growing upon... and will destroy much more ... if care be not had for prevention...".

115 акров, не вносил никаких рент в курию, и, возможно, по той причине, что он, во первых, являлся лицом, совмещавшим держательские статусы (Йордан числится фригольдером в двух близлежащих манорах), а во-вторых, он держал свой копигольд «по передаче» от лица благородного происхождения, каковым являлся его «донор», зафиксированный описью эсквайр Эдмунд Уайтхед.<sup>133</sup>

Еще два крестьянина, которые не выплачивали рент, Джеймс Хилл и Йордан Филден, держатели соответственно 39 и 24 акров копигольда, также получили свои участки «по передаче» в курии от крупного представителя местной элиты, эсквайра Джона Холта. Этих держателей, кстати, объединяет еще одна сходная черта: оба они, несмотря на вполне «приличную» площадь своих участков, получают с них крайне низкий доход, в обоих случаях равный всего 1 s/акр. Не могло ли, кстати, и это обстоятельство являться причиной для того, чтобы освободить крестьянина от необходимости выплачивать ренты? В самом деле, в курии явно знали, так сказать, «нерентабельные» участки копигольда (они могли быть известны уже по одной той причине, что доход с каждого участка земли любого статуса с завидным постоянством фиксировался в описях). Возможно, в каких-то случаях, с точки зрения администрации манора, и не стоило перехлестывать через край, требуя выплаты рент в процессе «фискального рвеня»; гораздо уместнее было не делать этого с тем, чтобы то или иное хозяйство просто могло существовать, обеспечивая хотя бы свое простое воспроизводство. Ниже мы попытаемся проверить это предположение, а здесь добавим, что, согласно нашим наблюдениям, еще 5 держателей из тех 15, которые не были обязаны рентами, получили свою землю «по передаче» от местных сквайров. Это, например, Джеффри Киршо, хозяйствующий на 15 акрах копигольда, переданного ему в курии 10 октября 1598 г. «благородным» Эдмундом Скоффилдом; Ричард Дурден, 28 сентября 1610 г. получивший огромный участок земли в курии из рук эсквайра Джона Холта (с этого участка, кстати,

---

<sup>133</sup> Survey... P. 127.



- отметим это специально в связи с нашими наблюдениями, приведенными выше, – он получает также очень низкий годовой доход, равнявшийся всего 2 s/акр.). Еще три держателя из пяти, выделенных нами для данного случая, ведут свое хозяйство на более мелких участках, получая с них, однако, более высокий доход.<sup>134</sup>

Три других крестьянина из интересующего нас манора были освобождены от выплаты ренты явно по той причине, что, не будучи реципиентами в процессе получения земли от лиц благородного происхождения, они, тем не менее, являлись не только держателями по обычаю, но и держателями земли на общем праве, причем не в соседних манорах, а в самом Блетчингверф. Так, это Роберт Лич, Эдвард Холлис и Джеймс Хилл.<sup>135</sup>

Нам осталось попытаться объяснить отсутствие рент еще у четырех держателей. Их не объединяет ни одно из обстоятельств, выделенных нами в качестве возможных причин невыплаты рент. Все они являются истинными держателями по обычаю в данном маноре, то есть не предстают перед нами как носители «добавочных» статусов; они также не связаны реверсией или передачей земли с представителями местной держательской элиты, состоящей из «благородных»; среди них, наконец, нет и вдов. Однако все они, во первых, держат «на одну жизнь», то есть являются представителями краткосрочного копигольда, а во-вторых, что наиболее интересно в данном случае, – доход с участков их земли (причем, вне зависимости от площади самих участков) очень низок. Так, Александр Киршо (копия от 18 января 1597 г.) с участка земли в 20 акров получает доход менее чем в 2£, что составляет менее 3 s/акр. Ричард Ансворф (копия от 16 сентября 1618 г.) с участка в 5 акров получает доход, уровень которого не превышает 0,3s/акр. Петер Холт (дата копии не указана), являясь держателем участка копигольда в 9 акров, также получает низкий доход, высота которого, должно быть, его

---

<sup>134</sup> Ibid.

<sup>135</sup> Survey... P. 128.

явно не радовала, так как она не превышала 0,8 s/акра. И, наконец, Роберт Уокден (копия от 9 июня 1600 г.), держатель целых 118 акров копигольда, получал с него в год всего 4£4s., что составляло, по моим подсчетам 0,7 s/акр.<sup>136</sup> Кстати, я должна заметить, что, возможно, подчас низкий уровень дохода с земли вполне мог определять низкий уровень рент и с участков «дворянского» копигольда; ну, если не определять, то являться добавочным фактором, влияющим на относительно покровительственное отношение администрации манора в фискальных вопросах. Вот, например, в этом же маноре мы находим одно из держаний на обычном праве, которое принадлежит той самой Катерине Холт, которую, возможно, читатель еще помнит как предприимчивую вдову, вышедшую в 20-е гг. замуж за молодого дворянина Джошуа Радклиффа. Она держит в Блетчингверф по копии манориального суда крупный участок земли в 475, 75 акра, причем получает с него в год всего лишь 12£ (0,5 s/акр.)<sup>137</sup>. И она практически освобождена от ренты (рента здесь ничтожна, ее уровень составляет всего 0,1 d/акр.). Конечно, в данном случае можно справедливо возразить, что наша держательница числится, во-первых, вдовой, а, во-вторых, вдовой благородного происхождения. Это правда. И тем не менее, думается, что все же выявленный нами дополнительный фактор возможной связи между низким доходом с копигольда и освобождением от выплаты рент может считаться в целом вполне реальным объяснением указанного явления.

Заглянем, далее, в манор Чадвик<sup>138</sup>, где из 11 держателей копигольда не выплачивают рент 7 человек. Что можно сказать об этих людях? Кто они и

---

<sup>136</sup> Survey... P. 129-134.

<sup>137</sup> Ibid., P. 128.

<sup>138</sup> Мы исключили из нашего анализа маноры Валсен и Тодморден как мало репрезентативные для интересующих нас сюжетов. Дело в том, что в первом из них ренты, и довольно высокие, платили 6 держателей из 8 (иначе и быть не могло, поскольку это были держатели "of ancient copyhold", практически повсеместно обязанные службами и платежами). Во втором из указанных маноров ренту не платит всего один держатель крестьянского типа. Это Ричард Лорд, хозяйствующий на 6 акрах, и о причинах его особого положения среди 5 держателей копигольда манора Тодморден (причем 2 из них – «благородные») как держателя, не обязанного, в отличие от других, рентой, опись не дает ни малейшего намека.

почему не обязаны повинностями? К сожалению, на этот раз описи дают нам совсем немного материала, пригодного для того, чтобы ответить, в частности, на последний из поставленных вопросов. Так, мы более или менее определенно можем выявить причины невыплаты рент всего лишь двумя держателями из семи. Например, держательница по имени Мери Хейворд свободна от указанной повинности, возможно, потому, что она является вдовой в интересующем нас маноре, и те 2,2 акра земли, которые, согласно описи, закреплены за ней по копии манориального суда, между прочим, представляют из себя, как опять-таки указано в источнике, ее «вдовью долю» (dower). К тому же эта бедная вдова получает со своего крохотного участка всего-навсего 4 d. годового дохода, что также, очевидно, являлась весомым фактором для освобождения такого скудного копигольда от всяческого рода повинностей<sup>139</sup>. А Кристофер Белфилд, который держит по копии от 20 мая 1609 г. 5,7 акра «обычной» земли, приносящей ему, кстати, высокий доход, уровень которого был равен 8,7s/акр., по всей вероятности, мог не выплачивать ренты как лицо, получившее свой участок «по передаче» в курии от «благородного», каковым и является известный нам эсквайр

---

<sup>139</sup> Вот и настало время ответить на вполне закономерный вопрос о том, почему, предпринимая попытки анализа причин освобождения крестьян от рентных обязательств, я не принимаю во внимания такой, казалось бы, важный фактор, как *площадь* их земельных участков. Действительно, чего, казалось бы, проще заявить о том, что от выплаты рент представители манориальной администрации, озабоченные проблемой сбалансированного развития господской экономики, могли освобождать, скажем, держателей мелких участков с тем, чтобы не привести их хозяйства к окончательному упадку. Или наоборот – о том, что в фаворитах в указанном смысле у них могли подчас пребывать держатели крупных крестьянских хозяйств, связанные десятками нитей и с сельской дворянской элитой, и с самой администрацией манора. Безусловно, что такие примеры были, и мы не раз отмечаем их в нашем исследовании. Однако мы также подчеркивали, и не раз, что ведущей тенденцией во внутренней жизни английского манора (по крайней мере, манора периода аграрной революции) являлась тенденция диспропорционального соотношения между площадью земельных участков и высотой выплачиваемых с них рент, когда бедные относительно переплачивали, а зажиточные крестьяне, напротив, - недоплачивали в курию манора. К тому же нас ведь сейчас интересуют все же не причины различного уровня рент держателей (а вопрос о земельной площади связан прежде всего с проблемой *уровня рент*, и эту проблему мы уже анализировали выше), а причины полного освобождения от них, которые могли лежать, как уже подчеркивалось, в любой плоскости внутренней жизни манора, и совсем не в первую очередь, как представляется, были связаны с различиями в площади земельных наделов.

Френсис Холт, имя которого в данном случае зафиксировано описью как имя «донора». Что касается остальных 5 держателей, то, к сожалению, мы не можем (на основании данных источников) сказать что-либо определенное о тех причинах, которые лежали в основе освобождения этих крестьян от рентных обязательств. Так, о крестьянине Джеймсе Майкрофте, который ничего не платил в курию, в описи сказано лишь то, что он держат землю и дом в Baglade (что означает данное название – неизвестно). О Габриэле Ридберне мы не можем узнать ничего, кроме того факта, что он являлся держателем 12,5 акров копигольда, приносившего ему вполне приемлемый доход, уровень которого равнялся 6,4 s/акр. Ничего дополнительного нельзя также сказать и о держателе по имени Ричард Хели, который хозяйствовал на 5 акрах земли, а также о крестьянах Роджере Хейворде (5,5 акра и дом) и Роберте Шефферде (5 акров и дом)<sup>140</sup>. Вот и все. Боюсь, что манор Чадвик оказался не слишком-то интересен для нас, если рассматривать в нем положение крестьян с точки зрения отсутствия у них рентных платежей и причин, которые могли бы это отсутствие объяснить.

Следующий манор, в который нам надо заглянуть, называется Спотлэнд. В нем мы насчитываем целых 37 держателей по обычаю, 20 из которых по каким-то причинам не выплачивают рент. Попробуем отыскать эти причины (если нам позволят сделать это наши источники).

Поверит ли мне читатель, если я скажу, что и в данном случае они, к сожалению, оказываются не слишком-то репрезентативны (если анализировать сведения описей с точки зрения интересующей нас проблемы). Дело в том, что материал, представленный в них, с известной долей относительности, но все-таки объясняет положение лишь примерно трети из интересующих нас копигольдеров, а именно шести человек из 20. Вот их-то положение в маноре я и собираюсь описать; думаю, что нет смысла подробно перечислять остальных – тех, о ком трудно сказать что-либо определенное.

---

<sup>140</sup> Survey..., P. 177-181.

Итак, первый из интересующих нас держателей, Генри Хопвуд, по копии протокола манориального суда от 21 мая 1625 г. держит 16,5 акров земельной площади, и получает с них годовой доход, уровень которого с акра составляет ни много, ни мало для наших маноров: 5,7 s/акр. Он освобожден от выплаты ренты, возможно, потому, что (как это бывало и в отмеченных выше примерах) является лицом, совмещающим держательские статусы. Генри числится как фригольдер в двух других манорах Рочдейла и, вполне возможно, что на этом основании, являясь *liberi et legales homo*, не платит рент как обычный держатель в маноре Спотлэнд.<sup>141</sup> Другой держатель манора, Эдуард Холт, по всей видимости, мог не выплачивать рент также по этой причине. Дело в том, что «параллельно» со своим статусом копигольдера в Спотлэнд, он имеет и статус свободного держателя в маноре Чадвик, хозяйствуя в нем на 25 акрах фригольда.<sup>142</sup> Далее, Джеймс Шеферд, который держит по двум копиям 10 и 15 акров «обычной» земли (за что не выплачивает ренты (“free of rent”)<sup>143</sup>, оказывается, получил их «по передаче» не от своих родственников, а от эсквайра Оуэна Радклиффа – что могло являться причиной его привилегированного положения в среде других держателей. То же самое можно сказать и о копигольдере Кристофере Белфилде, получившем свое держание, за которое он не обязан рентой, от эсквайра Томаса Холта. И, наконец, еще два держателя (вернее, держательницы) Спотлэнд, по всей видимости, могли быть освобождены от выплаты рент по той простой причине, что они зафиксированы в манориальных описях как вдовы. Это крестьянка Уайттейкерз (имя собственное не указано), держательница 0,5 акров земли (на воле лорда), которая, кстати, получает со своего мизерного участка высокий доход в 5 s. (10 s/акр.) – очевидно, в данном случае воля лорда не шла вразрез с правом вдовы, повсеместно выражавшемся во внутренней жизни манора не в последнюю очередь в том, чтобы иметь освобождение от рентных

---

<sup>141</sup> Ibid. P. 196.

<sup>142</sup> Ibid. P. 198.

обязательств. И еще одна вдова, Кристина Наталл, не платившая ренты, могла быть освобождена от этой обязанности именно как лицо женского пола, оставшееся без кормильца и, согласно вдовьему праву, имевшее возможность находиться вследствие этого в привилегированном положении в маноре<sup>144</sup>.

Далее в нашем рассмотрении причин, которые могли оказывать влияние на «невыплату» рент крестьянами, нам следует заглянуть в манор Волстенхолм – в нем не выплачивают ренту 11 держателей из 17.

Среди этих 11 человек сразу бросается в глаза некий Фрэнсис Холт, зафиксированный в описях в качестве копигольдера (копия от 20 октября 1590 г.), который в указанное время получил «по передаче» 20 акров «обычной» земли от известного в Рочдейле эсквайра Фрэнсиса Холта<sup>145</sup>, своего полного тезки (или, возможно, родственника). Никто из остальных 10 крестьян в данном маноре не является восприемником держания в курии от лица благородного происхождения. Кстати, указанный участок в 20 акров приносит крестьянину Холту очень низкий доход в 2,3 s/акр. Не потому ли и отказался от этого неприбыльного куса земли его тезка, местный сквайр? Мы уже выдвигали подобное предположение выше, по поводу идентичных операций с землей, предпринимаемых другими людьми; думается, что такого рода предположения не лишены оснований. Тем более, что на подобные размышления настраивает и еще один имеющийся в интересующем нас сейчас маноре пример, связанный с именем крестьянина Джонатана Чадвика. Джонатан (копия от 10 августа 1608 г.) также является лицом, которому в указанное время была адресована «передача» в курии 40 акров земли со

---

<sup>143</sup> Ibid.

<sup>144</sup> Ibid. P. 199.

<sup>145</sup> Эсквайр Фрэнсис Холт держит на правах фригольда довольно крупный участок в маноре Берсилл, который приносит ему очень высокий доход, уровень которого равняется почти 10 s/акр. Эсквайра Холта ни в коем случае не следует идентифицировать на основании сходства имен с только что названным держателем Фрэнсисом Холтом. Это разные люди – и по социальному статусу, и по материальному состоянию. В данном случае можно лишь выдвинуть предположение, что сходство имен каким-то образом могло влиять на выбор эсквайром «реципиента» при передаче участка.

стороны джентльмена Эдуарда Аткинсона, владельца участков фригольда, разбросанного сразу в трех манорах Рочдейла – мы упоминали о нем в нашем разделе, посвященному держанию на общем праве. Оказывается, что этот, вполне «приличный» по площади, кусок земли приносил Аткинсону весьма невысокий доход, уровень которого составлял, по моим подсчетам, лишь 2,2 s/акр. – и эту-то землю, что вполне вероятно, он поспешил передать крестьянину Чадвику. Кстати, я думаю, что *этот, совершенно недостаточно описанный, а, честно говоря, и не отмеченный в историографии (на материале первоисточников) процесс обратной «сдачи» в курии участков нерентабельного копигольда, отказа от него лицами благородного происхождения, процесс, который, очевидно, не являлся массовым и повсеместным (судя по достаточно эпизодическим его проявлениям в наших описях), мог, тем не менее, вносить некоторые коррективы в земельные «передвижки» и тем самым влиять на специфику реального социального расслоения в маноре.*

Но продолжим. Что можно сказать об остальных 9 держателях данного манора, которые не выплачивали рент? Почему они были освобождены от этой повинности? Чем объясняется наличие пометки «free of rent» около имени каждого из них? Очевидно, тем, что все эти крестьяне держали очень бездоходные (даже, видимо, в глазах курии) участки – ничего другого в данном случае о их хозяйствах сказать нельзя. Действительно, уровень доходности хозяйств таких держателей Волстенхолм как Томас Хаммер (копия от 10 сентября 1620 г., площадь участка 19 акров), Томас Чадвик (копия от 10 октября 1593 г., площадь участка 27,5 акра), Абрахам Волстенхолм (дата копии не указана, площадь участка 78 акров), Томас Редферн-старший (дата копии не указана, площадь участка 35 акров), Джеймс Хардмен (копия от 20 ноября 1622 г., площадь участка 13 акров) и некоторых других явно оставляет желать лучшего: в большинстве случаев он колеблется от 1,9 до 2,2 s/акр<sup>146</sup>. Это действительно очень невысокий

---

<sup>146</sup> Survey... P. 217 - 221.

уровень доходности. Мы помним, что средний уровень дохода с акра на крестьянском копигольде составлял все же 2,6 s/акр., а на крестьянском фригольде – намного больше: 8,3 s/акр.<sup>147</sup> Думаю, что подобных расчетов по отношению к каждому крестьянскому хозяйству не чуждались ни манориальные клерки, ни сами крестьяне. Все, что касалось доходов с земли и самой земли, скрупулезно учитывалось, вносилось в хозяйственные книги (которые при случае могли служить подспорьем при составлении описей), на основе чего представителями манориальной администрации и делались выводы об обложении рентами. В данном случае низкая доходность ряда крестьянских хозяйств явно являлась причиной появления около их имен приписки «free of rent».

В этом нас убеждает и то обстоятельство, что доходность участков *плательщиков* рент в интересующем нас маноре была не в пример выше. Так, крестьянин Джон Скоффилд (копия от 30 апреля 1607 г.), выплачивающий ренту, держатель всего лишь 2,5 акра земельной площади, получает, тем не менее, с них просто огромный для такого участка доход в 1£ 18s. (15,2 s/акр.). Доход остальных плательщиков, правда, ниже, но, видимо, достаточно высок для того, чтобы не быть свободными от рент: он колеблется в данном случае от 4,5 до 7,2 s/акр.

Переместимся, далее, в манор Хили. В нем не выплачивают рент 6 держателей-крестьян из 8. Почему? Думается, и здесь причина все та же: низкая доходность крестьянских хозяйств. Так, в четырех случаях из шести (и это при отсутствии каких-либо свидетельств источника, которые могли бы побудить нас искать причины освобождения от платежей не в «фискальной»

---

<sup>147</sup> Приведем наши расчеты. Для *копигольда* крестьянского типа: 369,8£ (сумма общего дохода с указанного вида держания): 2804 акр. (общая площадь указанного вида держания) = 2,6 s/акр. Для *фригольда* крестьянского типа: 2706,1£ : 6505,8 акр. = 8,3 s/акр. Кстати – для сравнения – наши подсчеты по манориальному комплексу подтверждают и чрезвычайно низкую «среднюю» доходность «дворянского» копигольда, которая составляла всего 1,9 s/акр. (273,5£ : 2769 акр.). Как мы уже упоминали, по сравнению с ним более прибыльным был традиционный для «благородных» дворянский фригольд, доходность с акра которого в среднем по Рочдейлу составляла 6,3 s/акр. (5048,8£ : 15965,60акр.).



сфере), уровень доходности участков колеблется в пределах 1,9 – 2,1 s/акр.<sup>148</sup> Кроме того, от выплаты рент освобождена вдова Мери Хопвуд и некий Джон Хопвуд, который числится копигольдером в Healy, но при этом рядом со своим участком «обычной» земли в 8,5 акров, в качестве прилегающего к нему надела, «adjoining to it», владеет и держанием на общем праве. Участок фригольда Джона достаточно велик, его площадь составляет 32 акра; к тому же на этом участке находится и некое питейное заведение (fare house), принадлежащее нашему «совместителю статусов». Акр фригольда приносит ему в результате высокий доход в 10 s., а ренту с фригольда размером в 2 s. он, между прочим, выплачивает даже не лорду, а опять-таки представителю местной дворянской держательской элиты, Теофилу Холту, который, как мы уже видели выше, очевидно, держал сеть питейных заведений в Рочдейле и являлся, если можно так выразиться, «откупщиком» рент. Вот так; в который раз мы наблюдаем, что крестьянин мог платить ренту как держатель на общем праве и, на этом основании являться лицом, освобожденным от нее, - в качестве держателя по обычаю.

И, наконец, нам осталось рассмотреть положение дел с рентами в последнем маноре – Уайтверф.<sup>149</sup> В нем не обязаны этими повинностями 29 держателей из 41, что составляет, напомним, 70,7% копигольдеров. Основной причиной освобождения от них, как и в двух предыдущих манорах, также является, судя по всему, низкий доход с копигольда. Выявить в качестве основной и единственной названную причину мы смогли у 25 держателей из 29, что составило, в свою очередь, 86,2% неплательщиков рент. Доходность хозяйств этих держателей по обычаю составила, по нашим наблюдениям, в среднем 2,2 s/акр. И только четверо крестьян, возможно, были освобождены от рент по иным причинам. Так, одной из них являлась вдова Дженнет Клегг (кстати, доход с ее участка составлял целых 6,6 s/акр., что является

---

<sup>148</sup> Survey... P. 229-233. Вот имена крестьян, чьи участки отличались низкой доходностью: Томас Хили, Генри Гарсайд, Джеймс Уолстенхолм и Джон Хопвуд.

дополнительным аргументом в пользу того, что в данном случае в основе освобождения лежало именно «вдовье право», а не низкая доходность земли). Кроме нее в маноре была еще одна вдова, держательница «на воле лорда», чье имя, правда, не указано в описи – эта женщина также была освобождена от выплаты рент именно в связи со своим состоянием вдовства (доход с ее участка очень высок: 10,4 s./акр.). Держатель Лоренс Смит мог быть освобожден от интересующей нас сейчас повинности как лицо, получившее копигольд площадью в 10 акров (кстати, с довольно низкой доходностью, составлявшей, по моим подсчетам, 3,8 s/ акр.) «по передаче» от эсквайра Томаса Холта в манориальной курии. И, наконец, Генри Хопвуд являясь копигольдеров в Уайтверф, держал два участка на общем праве в маноре Спотлэнд, совокупная площадь которых составляла 56 акров.<sup>150</sup>

Итак, подведем некоторые итоги нашего исследования, касающегося выявления причин освобождения части держателей от повинности выплачивать в курию ежегодные денежные взносы. В чем состояли причины, побудившие, в частности, в 20-е гг. XVII в. освободить от рент почти третью часть крестьян-копигольдеров в манориальном комплексе Рочдейл, расположенном в северо-западной части Англии, в графстве Ланкашир?<sup>151</sup>

---

<sup>149</sup> Напомним, что копигольдры последнего по списку манора, Россендейл, почти поголовно платили ренты, и ренты высокие. Поэтому в данном случае мы исключаем Россендейл из рассмотрения.

<sup>150</sup> Survey... P. 237-250.

<sup>151</sup> Мы совсем не претендуем на то, чтобы распространять наши выводы на территорию страны в целом – речь идет, скорее, как уже указывалось, о локальной специфике этого явления. Более того, как опять-таки указывалось, мы не наблюдали массового характера подобного явления в процессе нашего исследования огромных земельных массивов графов Пемброков в юго-западной Англии, на территории которых ренты, наоборот, поднимались косвенным образом до уровня, соответствовавшего рыночной конъюнктуре – и это проводилось за счет «взвинчивания» файлов за допуск к держанию (подобная практика была вполне в духе времени – генезис капитализма в Англии не способствовал в целом, как это давно известно, «бережному» отношению к крестьянству.) Не свидетельствуют о практике массового освобождения от рент в период аграрной революции и данные исследований, относящихся к центральной и восточной Англии (см., например: Thirsk J. The Agrarian History of England and Wales. Vol. 4 . 1500-1640. Cambridge, 1967). Напротив, для указанного периода распространенной была либо практика «консервации» рент (процесс, в котором проявлялась сдерживающая,

Наши наблюдения вкратце сводятся к следующему:

1. От выплаты рент в указанном регионе Англии были освобождены копигольдеры крестьянского типа, связанные реверсией или передачей земли через курию с представителями местной «держательской» элиты, состоявшей из лиц благородного происхождения, чей основной социальный статус в маноре к тому же основывался, как правило, на владении крупными участками фригольда. Очевидно, отношения патронажа и покровительства, связывавшие владельцев этих крупных «локальных вотчин» (своего рода «маноров внутри маноров») со скромными в имущественном отношении копигольдерами могли являться для представителей манориальной администрации побудительным мотивом для проявления избирательного отношения к последним в отношении исполнения ими служб и повинностей в маноре.
2. От выплаты рент нередко освобождали также тех копигольдеров, держания которых характеризовались низким уровнем годового дохода. Анализ источников позволяет выявить скрытый процесс «обратной сдачи» в курии «нерентабельного», бездоходного копигольда, процесс отказа от него лицами благородного происхождения, которые, как принято считать в историографии, в исследуемый период как будто бы так яростно стремились к проникновению на него. Вполне вероятно, что после оформления таких «передач» в курии, реципиентов (держателей по обычаю) и могли освобождать от повинностей с тем, чтобы способствовать хотя бы простому воспроизводству их хозяйств. В указанных случаях лорд и стюард могли не чуждаться «политики» бережного отношения к держателям. Правда, при этом, очевидно, в виду имелось прежде всего бережное отношение к собственной экономии.

---

охранительная роль манориального обычая, его превалирование – в целом – над волей лорда), либо практика скрытого повышения рент за счет увеличения фэйнов за допуск к

3. Основанием для освобождения от выплат могло являться и совмещение «держательских» статусов внутри манора. Так, держатели по копии манориального суда могли не выплачивать рент в тех случаях, когда «добавочный» статус крестьянина основывался на договоре об аренде, а тем более – в случае фригольда - базировался на фундаменте общего права. Совмещение статусов, таким образом, могло прибавлять держателю «крестьянской свободы» в отношении несения повинностей.
4. От выплаты годовых рент освобождались также вдовы, что не противоречило нормам местного обычая, включавшего, в качестве одной из «позиций» так называемое «право вдовы», основой которого и являлась свобода от несения части повинностей для тех, кто оставался без кормильца. В наших манорах оно достаточно очевидно превалировало над «волей лорда».
5. Можно также считать, что освобождению от выплаты рент подлежали в большей степени «срочные» копигольдеры, чем те, чьи держания носили наследственный характер. Очевидно, «срочный» копигольд, который по сравнению с наследственным был более подвержен переходам «из рук в руки», в глазах администрации манора мог представлять как наиболее слабое звено в «держательской цепи», которое также нуждалось в охранительном отношении со стороны тех, кто на самом деле заботился не столько о крестьянском, сколько о господском хозяйстве. Создавая минимально приемлемые условия (путем освобождения от, в сущности, весьма невысоких в данном регионе выплат) для выживания наиболее слабых крестьянских хозяйств, манориальные лорды и в данном случае, как представляется, думали прежде всего о выживании собственно господской экономики.

Вот теперь мы, кажется, смогли бы попытаться ответить на вопрос, поставленный в начале нашего исследования, посвященного рентам. Я не

забыла о нем, и меня по-прежнему интересует, чем можно объяснить тот факт, что крестьянство Ланкашира (и то только третья его часть), в отличие от крестьянства других регионов Англии, выплачивало в манориальный бюджет лишь очень скромные денежные ренты (не выплачивая других повинностей), а большая его часть была освобождена даже и от этих минимальных годовых денежных «взносов». Эта ситуация, как мы видим, действительно была более выгодной для самого крестьянства, чем для манориальных лордов, которые, в сущности, могли бы способствовать гораздо более основательному притоку денег в манориальную курию. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам не мешало бы вспомнить, что в изучаемом нами манориальном комплексе роль манориального лорда, в сущности, играл сам король Англии. Рочдейл с самого начала своего существования входил в земли королевского домена, за какими бы «вывесками» на протяжении владельческой истории поместного комплекса ни скрывался этот факт.

Очевидно, именно поэтому в манориальных описях Рочдейла не зафиксировано собственно «домена лорда» – того самого комплекса земель, на котором, по традиции, должны были отрабатывать барщину крестьяне (имевшие в пользовании участки земли на держательском клине), и к наличию которого в частных владениях мы так привыкли. В нашем случае, повторим, весь Рочдейл, по сути, исторически являлся доменом короля<sup>152</sup> – с его общинными землями и держаниями на общем и обычном праве, с немногочисленными, как мы увидим дальше, арендами, с его мельницами и садами, рыбными ловлями, каменоломнями, речками и болотами... Короли Англии могли «делегировать» свои сеньориальные права кому угодно (в частности, в XIV в. они начали прибегать к практике раздачи этих

---

<sup>152</sup> В описях он квалифицирован как «королевский манор» (royal manor): The Survey..., Introduction, P.7. К сожалению, мы не имеем других источников (кроме описей маноров), в том числе и источников правового характера, которые могли бы более детально рассказать нам владельческую историю Рочдейла.

владений<sup>153</sup> в частные руки за выплату, как отмечено в наших документах, «королевской ренты», уровень которой должен был составлять 4 d/акр<sup>154</sup>). Так в изучаемых нами владениях постепенно складывалась та самая иерархическая «владельческая» структура, которая представляет собой, я бы сказала, материализованную форму «расщепленной феодальной собственности»<sup>155</sup>. Действительно, кому реально мог принадлежать любой акр земли любого из маноров Рочдейла, если его верховными собственниками «от века» считались короли Англии, которые, тем не менее, считали целесообразным время от времени отдавать свои поместья в частные руки – руки таких благородных владельцев как герцоги Ланкастерские, которые, в свою очередь, могли, например, «направить» земли семейству Байронов... Часть земель к тому же могла, принадлежать тем же Байронам (или – в какой-то период – генеральному атторнею короля и рыцарю, сэру Роберту Хиту), находиться во владении какого-либо из представителей местной элиты вроде Роберта или Теофила Холтов. Но фактически-то хозяйствовали на земле маноров многочисленные крестьяне – держатели на общем или обычном праве! Так что на материале наших источников мы лишний раз получаем подтверждение тому, сколь непросты были реальные отношения на земле в столь иерархичном мире, к которому не без основания можно отнести средневековое общество в целом.

Мы также отмечали выше, и неоднократно, что «держательские распорядки» на королевских землях были отмечены значительной свободой крестьян в отношении несения ими разного рода повинностей; наши данные как нельзя более ярко подтверждают это, уже устоявшееся в историографии, наблюдение<sup>156</sup>. Между прочим, прямым подтверждением этому является и то

---

<sup>153</sup> См. раздел данной работы, посвященный владельческой истории Рочдейла, отраженной собственно в манориальных описях. С.

<sup>154</sup> Ibid., P.11.

<sup>155</sup> По поводу дискуссии о «расщепленной феодальной собственности» см., например: Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, С. 238-264.

<sup>156</sup> Maitland F. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897. Vinogradoff P.G. Transfer of Land and Old English Law. Cambridge, 1907. Hilton R.H. Peasants, Knights and Heretics. Studies in Medieval History. Cambridge, 1976.

обстоятельство, что заявленный в источниках уровень «королевской» ренты, составляющий 4 d/акр., не столь уж высок; он вполне нормален.<sup>157</sup> К тому же у меня есть твердые основания для того, чтобы считать, что реальный средний уровень ренты, выплачиваемой с различных видов держаний, был гораздо ниже требуемого. Так, уровень ренты с акра «дворянского» копигольда в Рочдейле реально составлял, по моим подсчетам, 1,07 d., а с акра копигольда крестьянского типа – 1,5 d<sup>158</sup>. Не правда ли, весьма невысокие ренты? Очевидно, что такой уровень является исключительно основательным подтверждением того факта, что распорядки на землях, номинальными собственниками которых, согласно средневековому праву, являлись короли Англии, действительно были достаточно свободными и характеризовались относительно «бережным» отношением к крестьянству. Такое резкое отклонение «вниз» от уровня требуемых «королевских» рент, конечно же, объяснялось как раз тем фактом, что, как мы только что выяснили, этими платежами были, по целому ряду причин, обязаны далеко не все держатели маноров.

Итак, повторим, пред нами следующая ситуация: держатели на королевских землях, переданных (на момент описи) в частные руки, платят, причем далеко не все (а примерно лишь треть) достаточно низкие ренты. Две

---

<sup>157</sup> Кстати, вспомним, что средний уровень ренты за акр земельной площади копигольда в изученных нами поместьях Пемброков в Уилтшире, в сущности, также был не очень уж высоким, составляя 3,6 d/акр. И, несомненно, объяснялось это во многом тем обстоятельством, что эти поместья также практически со времен Нормандского завоевания входили в состав королевского домена и перешли к Пемброкам лишь в середине XVI в., незадолго до составления описей этих владений. Таким образом, есть уверенность в том, что наши данные о рентах на копигольде поместий Пемброков (наиболее традиционном виде держания), по сути, отражают ситуацию генезиса этих рент в то время, когда указанные земли представляли собой не частные, а королевские владения. Разумеется, уровень в 3,6 – 4 d/акр., будучи относительно невысоким, не составлял предела крестьянских мечтаний в 2 d. Однако он был все же несравненно ниже уровня рент за акр на площади «коммерческих» видов землепользования, к каковым относилась прежде всего аренда, в том числе и аренда домениальная, введенная теми же Пемброками (уже в период их владения указанными земельными массивами во второй половине XVI – первой трети XVII столетия). Напомню, что рента за акр земельной площади аренды составляла, по моим же данным, от 7,6 до 11,2 d., в зависимости от ее длительности.

<sup>158</sup> 12,4£ : 2769,2 акр. = 1,07; 18? : 2804 акр. = 1,5

трети по, очевидно, указанным выше причинам, освобождены от выплат. Никаких других повинностей, помимо почти иллюзорных рент, требуемых к тому же выборочно, не выплачивается: держатели не обязаны ни отработками, ни файнами при смене копий, ни гермотами. В отношении указанных повинностей существует практически полная свобода крестьянства в Рочдейле – поместье рыцаря Роберта Хита, верховным собственником которого является сам король.

Естественно, что у нас возникает вопрос: что же имела с земли Рочдейла корона? Ответ прост: практически ничего, особенно с учетом того обстоятельства, что требуемый уровень королевских рент в 4 d/акр. не поддерживался. Таким образом выясняется, что имение было бездоходным для его собственников, хотя очень даже доходным для держателей, хозяйствовавших на землях Рочдейла, особенно для представителей местного джентри. Если доход короны, поступавший с указанных земель в виде рент, составлял лишь 55,5 фунтов, то доход самих держателей Рочдейла превышал его в 150 раз, составляя почти 8400 фунтов. Возникает впечатление, что номинальные владельцы Рочдейла спешили избавиться от своих бездоходных поместий, не имея возможности (или не желая), подобно графам Пемброкам в их образцовых манорах на Юго-Западе, заниматься капитализацией этих поместий. Возможно, что именно поэтому многие важные вопросы внутриманориальной жизни (включая вопрос о назначении рент или специфике отношений с местной держательской элитой) отдавались «на откуп» манориальной администрации.<sup>159</sup> Кроме того, вдобавок к

---

<sup>159</sup> Мы часто в нашей работе ссылаемся на манориальную администрацию, сознавая при этом, что она у нас выглядит как-то абстрактно, безлико. Все дело в источниках. К сожалению, в них не указано, например, имен стюарда, бейлифа или старосты поместья на момент описи. Нет даже имен составителей описей, что является весьма странным признаком: обычно эти имена указываются в источниках подобного рода. В результате и по этим причинам тоже создается впечатление некоторой маргинальности, «запущенности» Рочдейла по сравнению, например, с образцовыми поместьями Пемброков в Уилтшире того же периода истории Англии. Все это не означает, однако, даже и намек на некачественное составление описей. Описи составлены просто образцово и являются, к счастью для нас, действительно надежными, репрезентативными источниками. Просто массовые источники такого рода нередко имеют свою, локальную



вышеизложенным фактам, в Рочдейле – вопреки «общеанглийской» тенденции периода аграрного капитализма – не сдавали земель в аренду.

Однако нам еще надо показать, могли ли эти земли действительно быть источником дохода (большого или меньшего по сравнению с рентами) для тех, кто реально хозяйствовал на них – для тех самых фригольдеров и копигольдеров, которые не имели другой земли, кроме той, что входила в просторы Рочдейла? Другими словами, надо показать, что цифра 8400£, приведенная выше, является реальной. Ведь если действительно выяснится, что эти земли сами по себе могли приносить доход, то это будет означать, что не экономические потенции почвы, а, возможно, нежелание или неумение применять прогрессивные способы хозяйствования могли являться причиной бездоходности данных поместий для его собственников. И тогда речь может идти, скорее, не о политике «бережного» отношения к крестьянству со стороны манориальных лордов или короны, а, пожалуй, о практике «небрежного» к нему отношения (с точки зрения собственника), о нежелании в принципе заниматься повышением доходности поместий, хотя бы и за счет возможного повышения традиционных рент, и о стремлении просто передать дела в «запущенном» поместье администрации манора.

В ходе нашего исследования на основе целого ряда примеров мы уже, по сути, ответили на поставленный выше вопрос о доходности земель Рочдейла положительно. Нам осталось лишь подтвердить наш тезис об относительной доходности свободного и обычного держания в обобщенном виде. Для этого обратимся к рассмотрению таблиц №№ 56 и 57.

---

специфику; они не содержат не относящихся к делу сведений. А характеристика администрации чаще дается в протоколах курий, которых (для Рочдейла) просто не

Таблица 56. Годовой доход (worth) и ренты копигольдеров.

Сравнительные данные.

Worth на дворянском копигольде (£)	Ренты на дворянском копигольде (£)	Кратность	Worth на крестьянском копигольде (£)	Ренты на крестьянском копигольде (£)	Кратность
273,5	12,4	22	369,8	18	20,5

Таблица 57. Годовой доход (worth) и ренты фригольдеров.

Сравнительные данные.

Worth на дворянском фригольде (£)	Ренты на дворянском фригольде (£)	Кратность	Worth на крестьянском фригольде (£)	Ренты на крестьянском фригольде (£)	Кратность
5048,8	10,2	495	2706,1	14,9	181,6

Что можно сказать, глядя на подготовленные нами таблицы?

Обратим внимание сначала на данные по копигольду. Первое, что бросается в глаза, - то, что, как уже упоминалось, суммы рент на «дворянском» и крестьянском копигольде не только весьма незначительны (если иметь в виду большую численность держателей по обычаю в целом), но и не слишком-то отличаются друг от друга. Крестьяне выплачивают всего лишь на 5,6£ больше, чем дворяне. Но, как мы помним, их и самих на 146 человек больше. Кстати, поэтому и сумма дохода с крестьянского копигольда также выше, чем с копигольда «дворянского», на 96,3£.<sup>160</sup> Но сами по себе указанные цифры нам, в сущности, ни о чем не говорят, кроме того, что доход с обоих видов держания по обычаю существовал в принципе. Но насколько высок он был? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, хорошо было бы подсчитать уровень дохода на акр копигольда крестьянского и «благородного». Для этого разделим общие суммы дохода, предварительно «переведенные» в шиллинги, по каждому из видов держаний на количество акров земли,

---

имеется.

<sup>160</sup> 369,8£ - 273,5£ = 96,3£

входивших в них<sup>161</sup>. Таким образом, получается, что средний доход с акра копигольда крестьянского типа составлял 2,6 s., в то время как доход с акра копигольда, находившегося в руках «благородных» держателей, был и того меньше, равняясь примерно 2 s. Как видим, доходы весьма невысокие, вряд ли приносившие то законное удовлетворение, на которое можно было бы претендовать труженику. Однако все познается в сравнении. Вот и нам, для того, чтобы понять истинное значение полученных цифр, хорошо было бы сравнить их с уровнем ренты за акр каждого из типов держания по обычаю. Как мы помним, средняя рента за акр крестьянского копигольда равнялась, согласно нашим же подсчетам, 1,5d., а «дворянского» – 1,07 d. Произведя несложные подсчеты, мы убедимся, что, несмотря, казалось бы, на невысокий годовой доход, уровень рент за акр крестьянского копигольда был ниже соответствующего уровня доходности в 20,8 раз. Кратность идентичных «показателей» на обычном держании, находившемся в руках «благородных», составляла цифру 22,4. Если мы обратим внимание на таблицу 56, то увидим и в ней – что естественно - примерно те же цифры кратности между *общими* суммами дохода и ренты держателей копигольда. Таким образом, мы двумя способами доказали, что доход с копигольда был, вне зависимости от сословного облика его держателей, примерно в 20-22 раза выше рент, выплачиваемых ими. Данный факт свидетельствует, несомненно, о том, что *даже такой традиционный вид землевладения и землепользования как копигольд, приносил большие выгоды держателям, чем собственникам земли, «доход» которых, по сути, выражался в сумме рент, получаемых с него.*

Посмотрим теперь, как обстояли дела в смысле соотношения доходов и рент на фригольде<sup>162</sup>. Для этого обратим внимание на таблицу 57, сначала на данные по дворянскому фригольду. Сразу бросается в глаза то

---

<sup>161</sup>  $(369,8 \times 20) : 2804 = 2,6$      $(273,5 \times 20) : 2769,2 = 1,975 \dots$

<sup>162</sup> В разделе, посвященном исследованию свободного держания, мы частично рассматривали вопрос о его доходности, но не сравнивали эту доходность с уровнем рент, выплачиваемых фригольдерами.

обстоятельство, что сумма рент с него чрезвычайно низка. Она составляет всего 10,2£. А ведь опись фиксирует 95 благородных держателей на общем праве (правда, в ходе нашего исследования выяснилось, что реально их было гораздо меньше, просто некоторые из них были чрезвычайно активны в «собираании» земель сразу во многих манорах и потому их имена упоминались в источниках неоднократно). Несомненно, что ренты с дворянского фригольда были совершенно незначительны. Этот факт давно известен, и наши данные также подтверждают его (так, средняя рента с акра дворянского фригольда, как удалось подсчитать, составляла всего 0,2 d.).

Зато этот вид держания приносил огромный доход тем, кто хозяйствовал на нем. Мы видим, насколько велика сумма, которую получали с фригольда его благородные владельцы: целых 5048,8£, что составляло в среднем 6,3 s/акр. Таким образом, «разрыв» между уровнем рент и доходностью с дворянского фригольда составлял, как видно из нашей таблицы, огромную цифру, равную 495.

Крестьянский фригольд также был очень выгоден для его владельцев. Общая сумма дохода с него равнялась 2706,1£, в то время как сумма рент не достигала и 15 £. Цифра кратности между этими величинами, равная 181,6 свидетельствует о том, что и свободное крестьянство Рочдейла, пожалуй, не так уж страдало от недостатка в доходах от своих участков.

Если же сложить воедино абсолютные цифры доходов представителей всех держательских категорий, представленных в таблицах №№ 56 и 57, то мы получим цифру 8398,2£, близкую к упомянутой выше цифре 8400£.

Итак, мы видим, что в принципе исследуемые нами земельные массивы Северо-Запада Англии были вполне пригодны для извлечения достаточно высокого дохода теми, кто хозяйствовал на них. Вот только собственники этих массивов не давали себе труда рачительно хозяйствовать на них или хотя бы пассивно извлекать для себя доход в виде высоких рент. Просторы Рочдейла явно не представляли собой «бросовых» земель, однако

собственники этих земель по неизвестным нам до конца причинам не желали или не могли вести на них интенсивное, «капитализированное», хозяйство, не говоря уже, как мы скоро увидим, о коммерческом фермерстве. Конечно, хорошо было бы узнать истинные причины такого отношения к земле – это внесло бы дополнительные нюансы в наше затянувшееся повествование. Но наши источники не таковы, чтобы предоставить эту возможность, а дополнительных мы не имеем.

Таким образом, вырисовывается интересная ситуация. Перед нами в манорах Рочдейла предстают как минимум два ряда собственников. К числу собственников *первого ряда* (номинальных) относятся те, кто имеет формально-юридические основания для того, чтобы фактически владеть Рочдейлом, то есть совершать различные операции «хозяйственно-прикладного» характера на земле этого манориального комплекса, включая потенциальную возможность извлечения различного вида рент, округление владений, введение коммерческого фермерства и т.д. Этот ряд номинальных собственников подразделяется на два слоя: 1. корона и 2. те представители феодальной знати, (включая семейства Хитов и Байронов), к которым (как к владельцам первой руки от короля) с XIV в. периодически переходят указанные поместья. Однако приходится признать, что представители указанных слоев, имея *право* собственности, в сущности, как показал наш анализ, не реализуют его реально. De facto они делегируют реализацию этого права (через манориальную администрацию) представителям *второго ряда* собственников, той самой местной элите, состоявшей из благородных фригольдеров, которая выдвигает из своих рядов дельцов нового типа вроде Холтов или Радклифов. Эти дельцы, похоже, и составляют особый (ланкаширский) вид английского нового дворянства периода аграрной революции. Они значительно скромнее своих собратьев из других регионов Англии. Они не являются членами заморских торговых компаний, не вкладывают свои капиталы в корпорации национального масштаба, не участвуют в пиратских авантюрах той бурной эпохи, не насаждают

мануфактур и даже, между прочим, не проводят заметных огораживаний с целью разведения овец для последующей выделки сукна и торговли им... Но они с упорством одержимых округляют свои владения, акр за акром собирая вполне легальным путем, через манориальную курию, внутри маноров земли самых разных юридических статусов, включая «низкий» копигольд, и не гнушаясь при этом даже держаниями «последних вилланов». Эти, «сконцентрированные» таким образом до сотен и тысяч акров земли, приносят их владельцам баснословные доходы, несоизмеримые с выплачиваемыми ими номинальным собственникам маноров незначительными, даже иллюзорными рентами. Но за счет чего возникают такие доходы? Ведь источники не фиксируют или почти не фиксируют в Рочдейле «коммерческих» типов земельных держаний (кроме, пожалуй, выявленных нами чрезвычайно прибыльных городского фригольда и копигольда). Источники почти не фиксируют огораживаний, терминологически в них никак не проявляется наличие коммерческого пастбищного хозяйства и т.д. – то есть всего того нового в хозяйственной «жизнедеятельности», что было особенно характерно для центральных и восточных регионов страны периода генезиса капитализма. Это действительно загадка, отгадать которую до конца на материалах наших описей не представляется возможным. Остается предположить только одно: в порах Рочдейла, точно так же, как и в манорах Пемброков на Юго-Западе Англии, в 20-30 гг. XVII столетия, очевидно, наличествовал мощный слой субдержателей, не зарегистрированных описями,<sup>163</sup> которые, обрабатывая гигантские земельные владения представителей местной держательской элиты, и способствовали увеличению доходности их хозяйств. Таким образом, переход к новым способам хозяйствования в Ланкашире на локальном, местном уровне осуществлялся, похоже, не за счет привычных нам огораживаний (как в Центре и на Востоке Англии) и не за счет

---

<sup>163</sup> Мы уже упоминали, и не раз, что субдержатели манориальную администрацию не интересовали, так как они не платили рент в курию манора.

повышения фэймов за допуск к держанию, столь характерных для Юго-Запада страны, а, скорее, за счет использования труда «протонаемных» рабочих (разорившихся крестьян, пауперов, нищих и бодяг из других регионов страны)<sup>164</sup>, привлекавшихся к обработке огромных массивов земель, по частям, постепенно, концентрируемых в частных руках представителей второго ряда владельческой иерархии Рочдейла. Они-то, по сути, и были не номинальными, а реальными хозяевами исследованных нами маноров.<sup>165</sup>

В процветании их хозяйств, несомненно, были заинтересованы не только номинальные владельцы владельческого комплекса, создававшие через посредство своей администрации максимально благоприятные условия для этих «реальных хозяев» (к числу таких условий, между прочим, относится прежде всего «потворство» в преимущественном развитии в данном регионе, причем на исконно коронных землях, именно *свободного* держания, а не держания по обычаю). Я бы рискнула предположить, на основании достаточно кропотливого анализа источников, проведенного выше, что формирование такого рода локальных держательских элит, состоящих преимущественно из сверхзажиточных благородных фригольдеров, представляло собой вполне целенаправленную политику короны и ее «адептов» (в лице тех самых номинальных собственников и их администрации, о которых мы только что упоминали), состоявшую в почти безвозмездной сдаче частей королевского домена в распоряжение местных

---

<sup>164</sup> См., например: Винокурова М.В. Нищие в малых городах юго-западной Англии XVI-XVII вв. // Средние века. Вып. 59. М., 1997. С. 42-48. Как показывает анализ Регистрационной Книги паспортов бродяг и нищих в Нью-Солсбери, маргиналов, в качестве наказания за бродяжничество, могли высылать в разные части страны (включая, между прочим, Ланкашир), а также за ее пределы.

<sup>165</sup> Между прочим, в наши задачи совершенно не входило описывать владельческую иерархию Рочдейла; ведь ее генезис, строго говоря, не относится к выявлению механизмов «аграрного роста», которое являлось нашей основной задачей. Но такова специфика исследований по аграрной истории. На самом деле чистой аграрной истории не существует. Любое исследование в этой области является прежде всего исследованием по истории социальной. Я надеюсь, что и моя работа с ланкаширскими манорами не лишена

дворянских элит, в укреплении которых корона вполне могла быть заинтересована, тем более в период конфликтов с Парламентом 20-х гг. XVII в. Недаром дворянство Севера в гражданских войнах периода «Великого мятежа» выступило на стороне Карла I – законного короля Англии.

Что же касается юго-западного региона Англии и, в частности, владений графов Пемброков в графстве Уилтшир практически в то же самое время (30-е гг. XVII в.), то пропорции между доходами собственников земли и доходами ее держателей были там совершенно иными (несмотря на почти одинаковую площадь исследованных манориальных комплексов)<sup>166</sup>.

Пемброки, в сословном отношении принадлежавшие к высшей титулованной аристократии, но по типу хозяйственного использования земли тяготевшие, скорее, к новому дворянству Англии, с такого традиционного вида держания каким являлся копигольд, получали доход (в виде одних лишь «обычных» рент), составлявший  $296,5 \leq$ . Баснословный доход поступал в их бюджет и в виде вступных фэйнов, общая сумма которых лишь на копигольде составляла в указанное время  $12568,5 \leq$ .

Таким образом, в виде годовых денежных рент и фэйнов (без учета стоимости геридов и рент натуральных) Пемброки получали доход, выразившийся в сумме  $12865 \leq$ . Кроме того,  $5627,3 \leq$  ежегодно приносила аренда<sup>167</sup>. Следовательно, совокупный доход с земли 17 маноров владельческого комплекса равнялся сумме  $18492,3 \leq$ ; она более чем в 333 раза

---

этого привкуса «социального». Во всяком случае, сознаюсь, что, далеко не всегда стремясь к этому «социальному» специально, я все равно к нему приходила.

<sup>166</sup> Напомню, что площадь владельческого комплекса Рочдейл составляла, по нашим подсчетам, в общей сложности около 38000 акров, а площадь владений Пемброков в Уилтшире – около 35000 акров.

<sup>167</sup> О доходах с фригольда мы не упоминаем, они были минимальны в связи с почти полным исчезновением этого вида держания в манорах Пемброков, ввиду его превращения в более выгодные графам копигольд и аренду. На протяжении нашего повествования мы не раз отмечали это явление.



превышала доходность владений короны, сосредоточенных в манориальном комплексе Рочдейл в Ланкашире<sup>168</sup>.

Совокупный же доход *держателей* (копигольдеров и арендаторов) владений Пемброков составлял в 30-е гг. XVII в., согласно нашим подсчетам, цифру  $8248,2 \leq$ <sup>169</sup>. Таким образом, кратность между доходностью земли владельцев маноров и доходностью земли их держателей составляла цифру 2,2. Баланс складывался определенно в пользу Пемброков как образцовых хозяев владений частновотчинного типа, не забывавших, однако, вполне рационально подходить и к проблеме «воспроизводства» хозяйств собственных держателей (о чем, несомненно, свидетельствует очень высокий доход хозяйств самих крестьян). Таким образом, мы не наблюдаем в Уилтшире «многоступенчатой» владельческой иерархии, как это было в Рочдейле. Отношения прямой зависимости в частновотчинных владениях, организованные по типу «лорд – крестьянин», были, пожалуй, более эффективными в отношении развития аграрного капитализма, нежели сложная владельческая иерархия на коронных землях в ланкаширском поместье Рочдейл.

Думается, с этими обстоятельствами в определенной мере была связана и специфика протекания указанного процесса в изучаемых регионах. Так, в графстве Уилтшир развитие аграрного капитализма происходило преимущественно в форме роста капиталистической аренды (в основном «дворянского» типа), в том числе и за счет превращения в нее – с нарушением как местного, так и общего права – копигольда и фригольда, а фактическая узурпация держательских прав крестьянства проводилась в основном не насильственным путем (не за счет огораживаний, как в центральных и восточных регионах страны), а так называемыми «мирными» средствами, в рамках манориального обычая, преимущественно за счет

---

<sup>168</sup>  $18492,3 \leq : 55,5 \leq = 333,1$

повышения фэйнов за допуск к держанию в период смены копий, максимально выгодных манориальным лордам. Результатом этого процесса была интенсивная внутренняя дифференциация крестьянства, выразившаяся в росте коттеров и появлении значительного слоя «крепких хозяев» – крестьян по сословному положению, но «некрестьян» по экономической сущности, прибегавших к использованию труда субдержателей.

Что касается графства Ланкашир, то по отношению к нему если и можно говорить о процессе экспроприации крестьянства, то с большой осторожностью, имея в виду прежде всего такой важный (хотя практически единственный для данного региона) фактор как проникновение представителей местной дворянской элиты, генезис которой был выявлен в работе, не только на мелкий и средний фригольд, но и на копигольд, и на земли «последних вилланов» - крепостных. С другой стороны, усилиями представителей этой же локальной элиты, которые действовали через посредство манориальной администрации, крестьянство северных территорий было освобождено от выплаты фэйнов, геритов и даже – по большей части – обычных рент. Таким образом, в этой части Англии аграрный капитализм развивался не за счет роста аренды или дифференциации копигольдеров, разоряемых непомерными фэйнами (как на Юго-Западе), и не за счет бурного развития огораживаний (как в Центре страны), а за счет капиталистической эволюции держания на общем праве – обширного фригольда местного джентри, развивающегося на землях королевского домена и «культивируемого» короной путем делегирования ее владельческих прав – подчеркнем это еще и еще раз – этой местной дворянской элите.

---

<sup>169</sup> Он был почти идентичным доходу держателей Рочдейла (8400 $\leq$ ). Разница состояла, однако, в том, что в последнем случае доход формировался в основном за счет поступлений с фригольда, а не с копигольда и аренды, как в манорах Пемброков.